

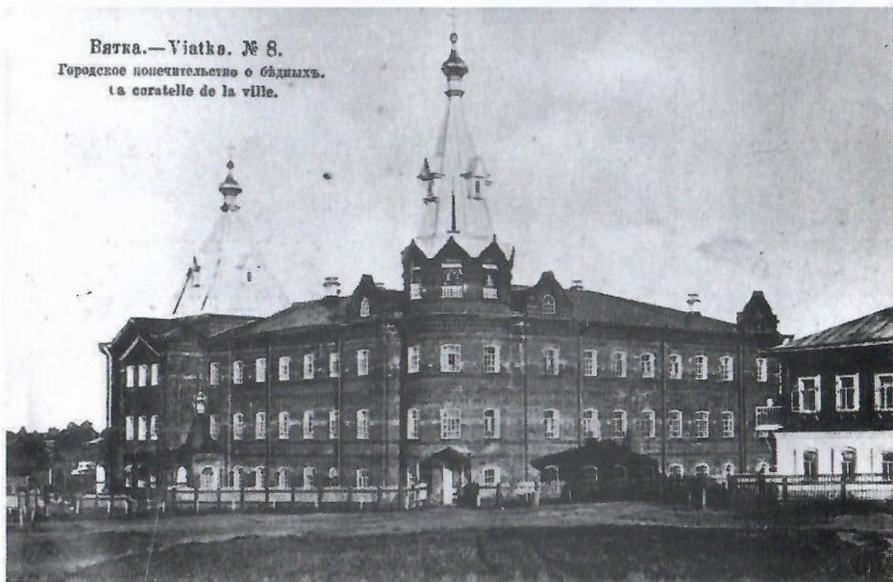
Купечество
вятское

Вятка.—Viatka. № 24.
Казанская улица.—Rue Kasanskaya.

Вид на центральную часть г. Вятки. Начало XX века. С открытки.

Вятка.—Viatka. № 8.
Городское попечительство о бедных.
la caratelle de la ville.

Вятское городское попечительство о бедных. С открытки.

*Мануфактур-советник, уроженец г. Вятки
Петр Федорович Веретенников. (1801 –1849)*

Купец-фабрикант Аркадий Иванович Машковцев. Середина XIX века.

*Ефим Александрович Коробов, директор Вятского Общественного
Ф. Веретенникова Банка. Не позднее 1877 г.*

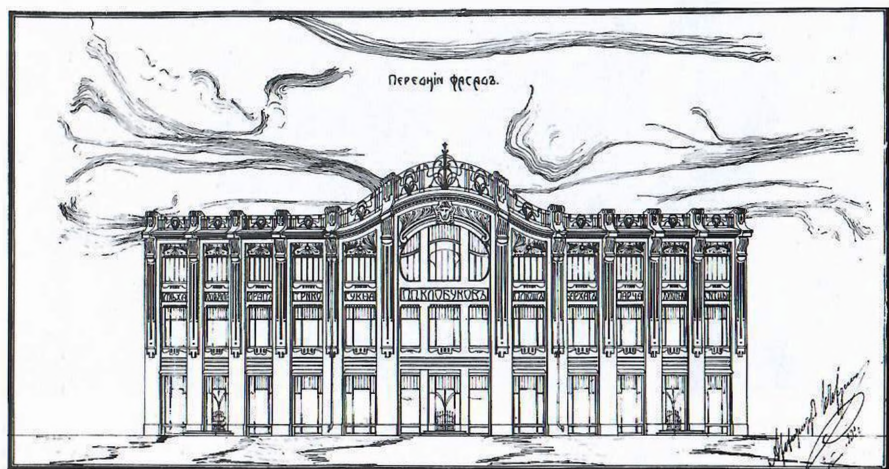
*Здание Вятского Общественного Федора Веретенникова Банка.
Арх. И. А. Чарушин. 1910-е гг.*

*А. П. Чехов и его товарищи по университету Д. Т. Савельев,
В. И. Зембулатов, Н. И. Коробов. 1884 г.*

*Члены Вятского городского общественного управления.
Петр Павлович Клобуков (1-й ряд, 1-й справа). 1910-е гг.*

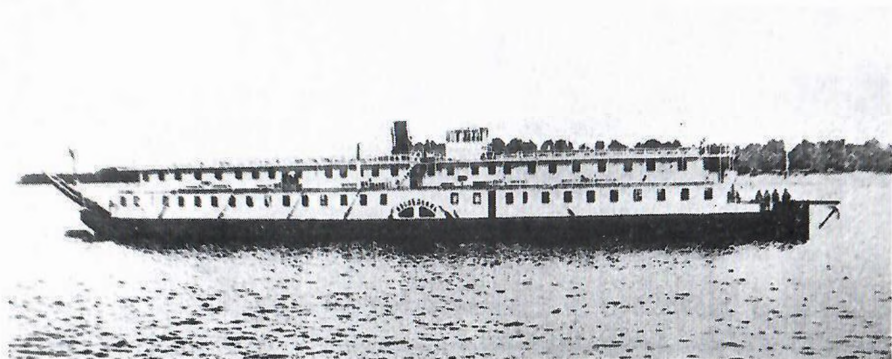
*Проект фасада магазина П. П. Клобукова.
Арх. И. А. Чарушин. 1909 г.*

Супруга П. П. Клобукова – Зинаида Дмитриевна. (1887–1968).

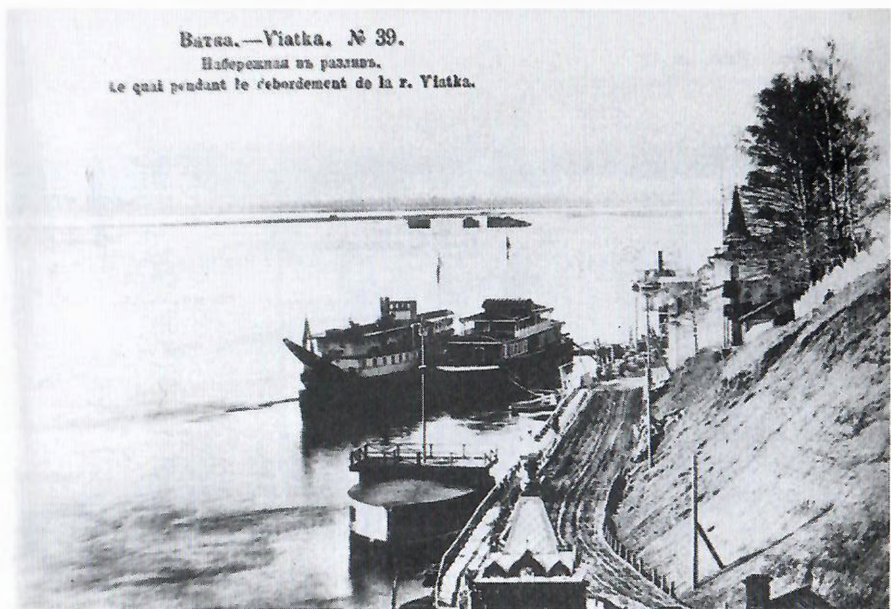
*Вятский судовладелец и благотворитель
Тихон Филиппович Булычев. После 1900 г.*

*Пароход Т. Ф. Булычева «Наследник», назван в честь сына.
Построен в 1897 г.*

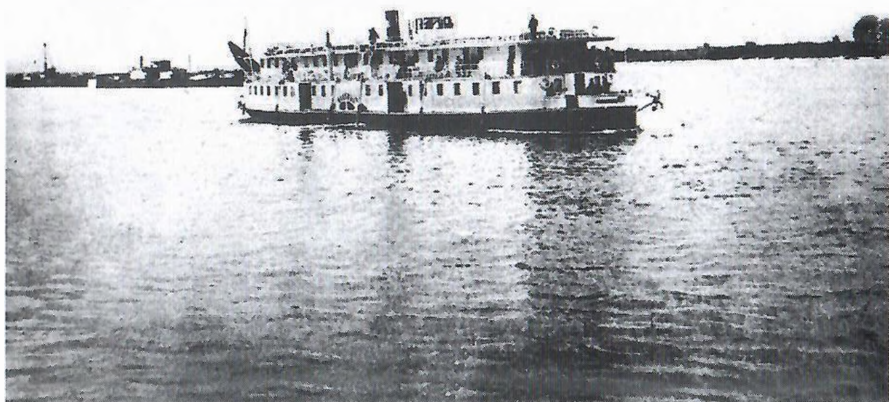

*Буксирно-пассажирский пароход «Иловатский затон».
Построен на верфи Т. Ф. Булычева в 1899 г.*

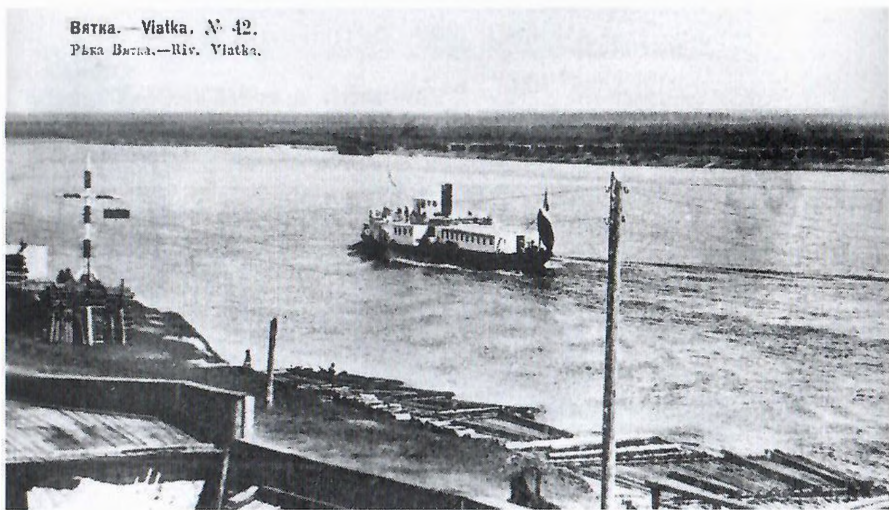
Пристани в Пятницкой слободе г. Вятки. С открытки.

Т-ва В. В. П-ва пароходъ „Надежда“.

«Надежда» – лучший пассажирский пароход купца Якова Фомича Тырышкина. Построен в 1896 г. С открытки.

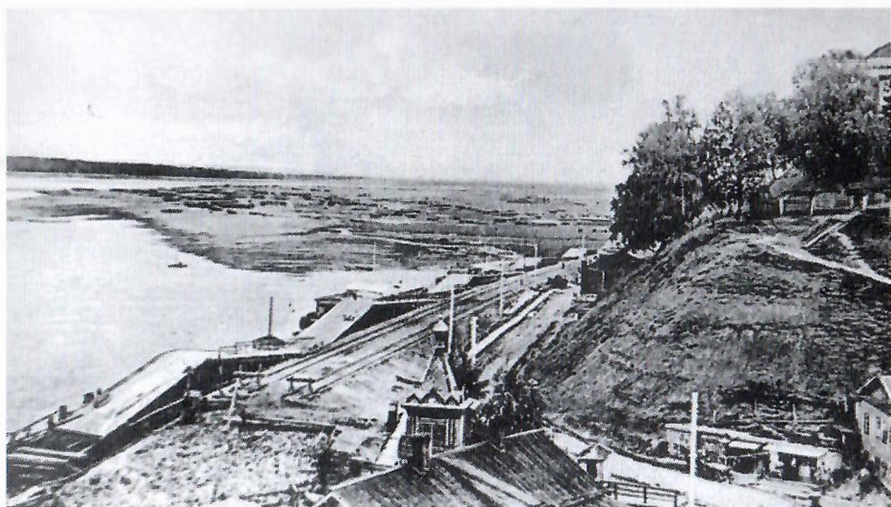
Вятка.—Viatka, № 42.
Рѣка Вятка.—Riv. Viatka.

*Грузо-пассажирский пароход «Дед», с 1932 г. – «Ф. Энгельс».
Построен в 1900 г. для пароходства Торгового дома «Наследники
коммерции советника И. В. Александрова». С открытки.*

*Грузо-пассажирский пароход «Ким», первоначально — «Внучка».
Построен в 1913 г. для пароходства Торгового дома
«Я. Е. Небогатикова сыновья».*

*Портовый комплекс в г. Вятке после окончания строительства
железнодорожной ветки. Начало XX века.*

Торговка квасом в г. Вятке. С открытки.

Вятский городской базар. С открытки.

Вид на Николаевскую улицу г. Вятки. С открытки.

*Рынок на площади у Александро-Невского собора.
г. Вятка. 1930 г. Фото Л. Шишкина.*

*Купец, земский деятель
Константин Иванович Грозозов.
Вятка. Конец XIX века.*

*Людмила Константиновна
Грозозова. г. Вятка. Ок. 1905 г.
Фото Вл. Грозозова*

Грозозовы. Вятка. Ок. 1915 г.

*Семья Громозовых (верхний ряд слева направо: Г. Я. Франчески, К. И. Громозов, Б. К. Громозов; средний ряд: И. К. Франчески, (?); нижний ряд: Л. К. Громозова, Агриппина Якимовна Громозова).
г. Вятка. 1900-е гг.*

Иван Николаевич Громозов с женой. Афанасьёво. 1902 г.

И. Н. Громозов. г. Вятка. 1920-е гг.

*Ия Константиновна и Георгий Яковлевич Франчески с детьми –
Тамарой (1-я слева), Игорем (2-й справа) и их друзьями.
Вятка. 1925–1927 гг.*

Игорь и Тамара Франчески. г. Вятка. 1916 г.

Известный художник, зять К. И. Громозова Михаил Васильевич Матюшин (1861–1934) и Т. Г. Франчески. г. Ленинград. 1920-е гг.

Александр Александрович
Прозоров

А. А. Prozorov, общественный деятель, представитель известного купеческого рода. Начало XX века.

*Слободской купец Ксенофонт Алексеевич Анфилатов (1761–1820).
Портрет (холст, масло).*

Вид на г. Слободской со стороны реки. После 1900 г. Фото В. Репина.

Екатерининский собор в г. Слободском. Совр. снимок. Фото О. Арбузова.

Купец Иван Семенович Кардаков.
г. Вятка. Начало XX века.

Из личного архива
Н. И. Кардаковой. (г. Киров).

Продукция завода И. С. Кардакова. Рекламная коробка. 1910-е гг.

*Наследники Ильи Семеновича Кардакова в с. Гостево
Котельничского района. 1975 г.*

Вознесенская церковь в с. Гостево. 1960–70-е гг. Фото А. Игошина.

Малмыжский купец Александр Иванович Батуев. Вт. пол. XIX века.

*Супруга А. И. Батуева – Евдокия Ивановна, до замужества – Стахеева.
Вт. половина XIX века.*

Старинный вятский город Яранск. Совр. снимок. Фото А. Шуренгина.

*Деревянная Рождество-Богородицкая церковь в с. Каксинвай
Малмыжского уезда. Построена на рубеже XIX–XX вв. на средства
Елабужского благотворительного комитета Стахеевых,
купца Чернова и прихожан.*

*Бывший дом купца
С. И. Стародубцева.
г. Уржум. Совр. снимок.*

*Троицкий собор в г. Уржуме.
Арх. В. М. Дружинин.
Совр. снимок.*

Уржумский старожил Александр Васильевич Костров. 1993 г.

*Бывший особняк купца Т. Ф. Булычева. Арх. И. А. Чарушин. г. Киров.
Совр. снимок. Фото А. Долгих.*

*Бывший особняк («Красный замок») купца Я. А. Прозорова.
Арх. А. С. Андреев. г. Киров. Совр. снимок. Фото А. Долгих.*

*Бывший дом купчихи, председателя Вятского благотворительного
общества Н. Э. Савинцевой. г. Киров. Совр. снимок. Фото А. Долгих.*

И. В. Гмызин. г. Киров. 1997 г.

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

МИХАЛКОВ
НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
Президент

121019, Москва
Гоголевский бульвар, 5

Тел.: 202-6894
Факс: 200-1238
Телекс: 411071 КУЛТФ

Исходящий № 01/87
от 24. февраля 1997 г.

Северо-западная торгово-
промышленная компания
г-ну Гмызину И.В.

факс 833-2-62-12-90

*Благодарственное
письмо президента
Российского фонда
культуры
Н. С. Михалкова.
1997 г.*

Уважаемый Игорь Витальевич !

Примите искреннюю признательность и благодарность за поддержку программ и начинаний Вятского областного отделения Российского фонда культуры. Ваши щедрые великодушные дары, переданные Вятскому областному художественному музею им. В.М. и А.М.Васнецовых, помощь учреждениям культуры и искусства, финансовая поддержка творческой интеллигенции заслуживают глубокого уважения.

Выражаю уверенность, что Вы и впредь будете способствовать возрождению и развитию культуры Вятского края.

С уважением

Президент
Российского фонда культуры

Н. Михалков

От души благодарим
Тмизина Игоря Витальевича —
продолжателя дел славных
российских меценатов
Бахрушинных, Мамонтовых, Морозовых,
Рябушинских, Третьяковых, Щукиных
за финансовую поддержку этого издания

За фундаментальные исследования в области
физики, химии, биологии, медицины,
различных областей техники, сельского
хозяйства, культуры, искусства,
исследования в области
человеческого здоровья и долголетия
— от имени Российской Федерации

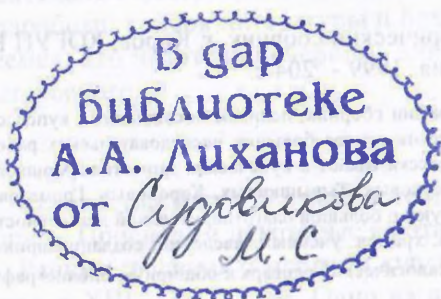
625-летию

Хлынова – Вятки – Кирова

посвящается

Купечество вятское

Из истории торговли,
предпринимательства
и благотворительности

Редакторы-составители:
Михаил Судовиков
Тамара Николаева

Киров-Вятка
1999

Муниципальное учреждение
"Библиотека
для детей и юношества
Альберта Лиханова"
610002, г. Киров, ул. Орловская, 17а

ББК 63.3(2Рос-4Ки)5
В99

Редакторы-составители, авторы вступительной статьи:
М. С. Судовиков, Т. К. Николаева

В99 Купечество вятское. Исторический сборник. г. Киров, КОГУП Кировская областная типография, 1999 - 204 с.

Это первый в нашей историографии сборник, целиком посвященный купечеству земли Вятской. Статьи, написанные на основе больших исследовательских работ в центральных и местных архивах, рассказывают о купеческих династиях Машковцевых, Кардаковых, Булычевых, Клобуковых, Тырышкиных, Коробовых, Громозовых, Ушковых и других. Авторы повествуют о большой благотворительной деятельности – пожертвованиях на нужды городов, храмов, учебных заведений, создании приютов для бедных. Сборник содержит генеалогический словарь и обширную библиографию.

ISBN 5-88186-238-4

© Михаил Сергеевич Судовиков, Тамара Константиновна Николаева

Слово к читателю

*Расти, цветы и многолетствуей,
Блаженна Вятская страна!
(Столетие Вятской губернии. Т. 1)*

В ваших руках книга по истории купечества Вятского края – обширной территории на северо-востоке России, земли с уникальной природой и одаренными людьми.

Литературы о местном купечестве мало. По сути дела перед вами первое издание, полностью посвященное этой теме. В нем речь идет о вятских купеческих династиях и купцах XVII – начала XX века.

В книге повествуется о торгово-промышленных делах купцов, об их службе в органах местного самоуправления – городских думах и управах, земских учреждениях, рассказывается о благотворительной деятельности и встречах с видными современниками – русскими императорами, известными общественными деятелями, писателями.

На ее страницах – более ста купеческих имен. Есть имена хорошо известные, а есть и малознакомые. Все они – часть нашей истории и культуры.

Книга состоит из семи очерков, словаря и ряда приложений. Очерки написаны на основе архивных документов как центральных, так и местных хранилищ, использовались сведения из редких книг и старых газет. В приложениях даются выдержки из мемуаров, документальные материалы о купцах. В нашем сборнике имеются также подробный список литературы и большая подборка фотографий. Надеемся, что читатель почерпнет для себя немало нового, полезного, интересного.

* * *

Купечество Вятской земли имеет богатейшую, многовековую историю. Проследим некоторые ее этапы.

Ранние сведения о местном купечестве относятся к глубокой старине, к XIII – XV векам. Одно из них содержится в грамоте митрополита Ионы (ок. 1452 г.), адресованной и купцам: «От Ионы, митрополита Киевскаго и всея Руси, на Вятку и в всю Вятскую землю, воеводам земьским.., и всем ватаманом, и подвойским, и боя-

ром, и купцем, и житьем человеком...» Через некоторое время, в 1489 году, Вятская земля была окончательно присоединена к Московскому государству. Деловой же мир края несколько ослаб, так как часть купечества вынуждена была покинуть родные места. Купцы высылались как оппозиционные великокняжеской власти силы.

В ту эпоху у Вятки уже имелись многосторонние торговые связи. В XVII столетии они заметно расширились. Местные купцы вели торговлю с Великим Устюгом, Костромой, Ярославлем, Архангельском, Москвой, Владимиром, Нижним Новгородом, Казанью, Астраханью, городами Урала и Сибири. Из Вятского края вывозились хлеб, сало, мед, кожи, юфть, пушнина, лес, смола, лен. Сюда, в свою очередь, поставлялись промышленные изделия, соль, рыба, фрукты, пряности. Это было время господства торгового капитала.

В исторических документах и литературе упоминаются имена некоторых купцов раннего периода. П. Н. Луппов в «Истории города Вятки» (Киров, 1958 г.) приводит интересный факт: в 1607 году на допросе самозванец Илейка Муромец сказал, что раньше он ездил в Астрахань на судне с товарами хлыновских посадских Котельникова и Рязанцева. Фамилии местных торговых людей содержатся в устюжских и сольвычегодских таможенных книгах. В них упоминаются вятчане Бажен, Богдан и Калина Балезины, Иван Бальхозин, Сидор Слободин, Иван Филимонов и другие. Многим хорошо известно имя гостиной сотни купца Спиридона Яковлевича Лянгусова (ок. 1650 – 1712), неоднократно бывавшего в Китае в составе торговых караванов, направляемых русским правительством.

Важным периодом в истории российского купечества стал XVIII век. Во время царствования Екатерины II (1762 – 1796) окончательно оформилось гильдейское купечество. В Вятском крае, по сведениям на 1796 г., было 322 купеческих семьи: в первой гильдии насчитывалось 7 семей, во второй – 32, в третьей – 283. Купцы всех гильдий проживали в городах Вятке, Слободском, Орлове, Малмыже, 2-й и 3-й – в Глазове, Нолинске, Елабуге, Царевосанчурске, 3-й гильдии – Котельниче, Яранске, Уржуме, Сарапуле.

В XVIII веке складываются благоприятные условия для развития промышленного производства. В деятельности ряда купцов оно занимало видное место. Гильдейцы строили чугунолитейные, медеплавильные, кожевенные, салотопенные, винокуренные, мыловарен-

ные заводы, покупали бумажные мануфактуры, владели стекольными и поташными производствами. В конце XVIII – начале XIX века в Вятской губернии было 113 предприятий, из них 42 – принадлежали купцам.

Помимо торговли, промышленной деятельности, участия в казенных подрядах, кредитования местное купечество проявило себя и на общественном поприще. Представители этого сословия заседали в городских думах, участвовали в работе судебных учреждений, становились церковными старостами, служили в земстве. В местном самоуправлении купцы занимали высокие должности – избирались городскими головами, председателями губернской и уездных земских управ.

Они оставили по себе память и как благотворители. Расцвет купеческой благотворительной деятельности наблюдался во второй половине XIX – начале XX века. Крупные пожертвования делали Т. Ф. Булычев, И. С. Кардаков, П. П. Клобуков, Я. А. Прозоров, Стахеевы, Ушковы, Черновы. Они устраивали богадельни и приюты, вносили денежные суммы на пособия малоимущим, в пользу раненых и больных солдат, завещали дома и капиталы на нужды учебных заведений, заботились о состоянии храмов.

В начале XX века общественная деятельность некоторых местных купцов приобретает политическую окраску. Такие купцы, как И. И. Лаптев, И. А. Сухов, П. Г. Тихонов, участвовали в работе политических партий, с интересом следили за развитием общественно-политической обстановки в стране.

Среди купцов было немало любителей театра, музыки и книг. В их домах устраивались спектакли, работали библиотеки. Таким образом, и культурная жизнь края была неразрывно связана с купеческим сословием.

Следует остановить внимание еще на одной черте. Во второй половине XIX – начале XX века в Вятской губернии, как и по всей России, шел процесс объединения торговых и промышленных капиталов в акционерные общества и торговые дома. Крупными торгово-промышленными объединениями являлись фирмы купцов Александровых, Гирбасовых, Дедюхиных, Долгушиных, Зоновых, Кардаковых, Лаптевых, Распоповых, Стахеевых, Ушковых. Большими капиталами обладали также учредители «Товарищества Вятско-Волжско-

го пароходства» Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин, П. И. Александров и пароходства Торгового дома «Я. Е. Небогатикова сыновья».

Имена местных купцов были известны далеко за пределами Вятской земли. Их знали в деловых кругах не только Российской империи, но и за рубежом — в Европе, на берегах Америки (вспомним купца г. Слободского К. А. Анфилатова).

Этими общими сведениями избранная тема далеко не исчерпывается. Наше путешествие в прошлое Вятки купеческой только начинается...

Редакторы-составители

Владимир Семибратов

В величии любви и правды

Еще совсем недавно наше представление о российском купечестве было одиозно односторонним. Казалось нам, что это сплошь персонажи «темного царства», столь выпукло поданные в пьесах А. Н. Островского. Железное слово купца – выдумки, человечность (в «Аленьком цветочке», например) – сказки... А произведений Д. И. Стахеева, видевшего во многих представителях торгового сословия «искру божественного огня»¹, мы и сегодня еще толком не знаем...

Но времена изменились, и ныне мы можем вослед за священником признать: «До 1917 года слово «купечество» несло в себе нравственный заряд. Многие купцы были людьми высоконравственными и рассматривали свою деятельность не только как путь к личной наживе, но и как способ служения Богу и людям»².

В городе Вятке к таковым относился, например, торговавший хлебом, куделью и лыком Я. А. Прозоров. В июне 1870 года по его инициативе в губернском центре открылся приют для детей бедняков в возрасте от 6 до 16 лет.

Молебен с водоосвящением в этом доме призрения был отслужен в присутствии губернских и городских властей епископом Вятским и Слободским Аполлосом. С речью к собравшимся обратился ректор Вятской семинарии архимандрит Иосиф. Открытие приюта он назвал «делом поистине богоугодным», «наглядным и благословляемым Богом выражением христианской веры и благочестия»³.

Разумеется, возникновение и содержание многих вятских храмов было также делом рук благочестивых купцов. Так, один из них – Гаврила Петрович Машковцев – на свои средства возвел в тогдашнем городе Хлынове каменную Царево-Константиновскую церковь, оцениваемую специалистами как «один из интереснейших в ряду памятников «вятского барокко»⁴. Когда через семь десятилетий в связи с увеличением прихода храм решили расширить, дело Г. П. Машковцева продолжил другой купец – Петр Романович Злыгостев. И по сей день полуразрушенное здание церкви поражает своим грандиозным видом.

Другой Машковцев – Степан Яковлевич – любезен вятскому народу тем, что не пожалел своих денег на постройку кладбищенской Иоанно-Богословской церкви, до нашего времени, к сожалению, не дошедшей⁵.

Радели купцы и о жемчужине земли Вятской – Успенском мужском монастыре, обязанном своим происхождением подвижнику и просветителю преподобному Трифону. Когда во второй половине XVIII столетия из-за екатерининских реформ и частых пожаров монастырь пришел в совершеннейший упадок (даже жалование штату приходилось собирать в виде милостыни), лишь учреждение крестных ходов да купеческая благотворительность исправили положение. Отныне стало возможным «не только содержать в порядке здание Успенской обители, но и вести новое строительство»⁶.

Находили купцы в стенах монастыря и свой последний приют. Так, в 1909 году здесь был похоронен А. М. Сенилов, отец известного на Вятке

композитора, в 1911 г. – основоположник телефонной связи в городе Н. Г. Филиппов...⁷

В обители преподобного Трифона духовно возрастал светильник веры православной иеромонах Матфей (Швецов), прославившийся своим угодным Богу житием, даром предвидения и исцелений в Пророчицком монастыре близ г. Яранска⁸. Когда с приходом к власти коммунистов обитель была закрыта и осквернена, о. Матфей вынужден был поселиться в д. Ершово, близ нынешнего села Беляево Кикнурского района.

Подвижник веры часто ходил молиться в деревянную Николаевскую церковь, которую в 1893 году построил яранский купец-лесопромышленник В. И. Беляев. Известно, что о. Матфей был в очень дружеских отношениях с Василием Ивановичем, и после смерти в 1927 году его похоронили именно в ограде беляевского рода. Фотография строителя по сей день висит в пятиглавом храме, закрывавшемся в советское время лишь на семь лет и прекрасно сохранившемся⁹.

С именем одного из яранских Беляевых – Кузьмы – связано построение в городе величественной Троицкой церкви. Созданная по проекту знаменитого архитектора К. А. Тона (творца храма Христа Спасителя и Большого Кремлевского дворца в Москве), яранская церковь сохранила черты своего уничтоженного петербургского «двойника», посвященного святой Екатерине. За копией проекта в столицу от имени яраничей и ездил К. В. Беляев¹⁰.

В 1857 году возведение трехэтажного Троицкого храма с восемью алтарями было завершено. Помимо Беляевых, внесли свою лепту в обустройство церкви и другие купцы. И. В. Лесников, например, подарил не только 35-фунтовое Святое Евангелие стоимостью 1700 рублей, но еще и 15 тысяч ассигнациями¹¹.

Золотых медалей и ордена Святой Анны 3-й степени был удостоен за вклад в строительство яранских храмов купец второй гильдии Ф. Я. Рошин. Благодаря Федору Яковлевичу в городе безбедно существовали публичная библиотека, Дом трудолюбия, Мариинский детский приют, земское училище¹².

Не торговлей единой занимались купцы и в других вятских городах. Возьмем Котельнич. В синодике ныне действующей Никольской церкви, впервые освященной епископом Вятским и Слободским Никоном в 1903 году, в числе многочисленных жертвователей названо немало представителей торгового сословия. Располагающий сведениями о них протоиерей о. Алексей Сухих пишет:

«...Прокопий Максимович Кардаков на свои средства соорудил великолепнейший резной золоченый иконостас, оценивающийся в то время более 4-х тысяч рублей, а Михаил Иванович Кардаков заказал в Дивеевский монастырь 40 икон для иконостаса в жертву храму. Семен Сергеевич Зырин подарил приходу красивейшее паникадило «сребро-позлащенное» за 600 рублей. Это паникадило висело вплоть до закрытия храма в «смутные времена». Много трудов для благоуукрашения храма приложили и купцы Шляпкины¹³.

С московским купцом по фамилии Гостев народное предание связывает

название котельничского села Гостевского, от которого нынче только то и осталось, что наполовину разрушенная Вознесенская церковь. Она и была построена на деньги доброты вместо обветшавшей деревянной, полагают старожилы¹⁴.

Настоящим купеческим гнездом издавна являлся и Слободской. Здешние купцы Анфиловы, давшие России основателя первого общественно-го банка и первого торговца с Америкой¹⁵, строили не только потребную им для ремесла недвижимость. По храму оставили в память о себе Алексей Иванович и Лука Иванович Анфиловы в селах Вагино и Шестаково, причем, замечает знаток темы, «построили, как говорят, под занавес жизни, вложив в строительство последние силы и средства, и умерли, как бы мы сказали, не дожив до пенсии, первый – в 56, а второй – в 60 лет»¹⁶.

Слободской купец И. Т. Вахрушев являлся попечителем церковно-приходской школы при храме в с. Вознесенско-Вахрушевском (ныне п. Вахруши). В 1897 году в ней учились 32 девочки. В школе были церковный хор, неплохая по тем временам библиотека¹⁷.

Особенно отличились слободские купцы в изготовлении церковной утвари. Так, большой популярностью пользовались медные подсвечники на трех ножках-башенках, вышедшие из мастерской Ситниковых¹⁸.

Целая библиотека литературы написана к нынешнему дню о колокололитейном производстве Каркиных и Бакулевых¹⁹. Отличное качество и уникальность больших и малых колоколов, изготовленных в Слободском, привели к спросу на них по всей тогдашней Российской империи. Их звон слышался от Иркутска до Одессы, от Соловков до Святого Афона. Надо ли говорить, что на вятских звонницах по преимуществу были бакулевские колокола!

А ведь в конце минувшего века выпускали таковые и в Яранске, и в Елабуге, с которой связаны имена знаменитых на всю Россию купцов Шишкиных, Гирбасовых, Черновых, Стахеевых... В числе последних можно назвать Ивана Ивановича, на чьи средства в 1868 году в городе был «устроен и обеспечен в дальнейшем существовании женский монастырь для 200 сестер»²⁰. При освящении главного престола в церкви Казанской иконы Божией Матери Преосвященный Аполлос «произнес назидательное слово, в коем благодарил Бога за благую мысль, которая озарила душу основателя святой обители и которая так блистательно осуществлена им в сооружении величественного храма и поместительных зданий для иночествующих...»²¹

Не менее благой мыслью руководствовалась вдова потомственного почетного гражданина Елабуги В. Г. Стахеева Глафира Федоровна. В 1897 году она «в память покойного мужа» пожертвовала городу 200 тысяч рублей на строительство духовного учебного заведения для детей священнослужителей своего и ближайших уездов Казанской (Мензелинский, Мамышский) и Вятской (Сарапульский, Малмыжский) губерний²².

Всего на строительство Епархиального женского училища, открытого в 1903 году, благотворительницей было израсходовано свыше 400 тысяч рублей серебром.

Елабужские купцы не только не жалели средств на строительство и содержание многочисленных храмов, школ, училищ, приютов, богаделен в собственном городе²³, но и щедро делились ими с жителями других уголков Вятской земли. Так, деревянная Рождество-Богородицкая церковь в с. Каксинвай Малмыжского уезда, освященная в 1900 году, вряд ли появилась бы без денег Елабужского благотворительного комитета Стахеевых²⁴.

Неудивительно поэтому, что в нынешнем райцентре Татарской Республики, но все-таки вятском по духу и истории городе, по свидетельству нашей современницы, «помнят елабужане имена жертвователей и поныне с удовольствием покажут вам и детский приют, и дом престарелых, и больницу, и здания школ и училищ, построенные на их средства, действующие по сей день»²⁵.

Столь же уважительно вспоминают в Малмыже купчиху Е. А. Батуеву, умершую в Китае в 1930 году и завещавшую родному городу 600 тысяч долларов на построение богадельни и ремесленного училища для детей-сирот. После долгих перипетий и судебного разбирательства батуевские деньги попали, наконец, в город на Шошме. В 1959 году на них и было возведено двухэтажное здание Дома-интерната для престарелых и инвалидов, приютившее под своим кровом две сотни человек. «Батуевские дома» – именно под таким названием известны в народе постройки этого учреждения²⁶.

Приведенных примеров «неугасимого духа» вятских купцов, думается, вполне достаточно, чтобы согласиться со словами известного писателя, вышедшего из елабужской торговой среды, Д. И. Стахеева. Полемизируя со взглядами А. Н. Островского на купеческий быт, Дмитрий Иванович в предисловии к сборнику своих пьес писал:

«Я убежден, что в каждом человеке, каков бы он ни был, есть непременно та священная искра божественного огня, которая долго, долго может тлеть на дне его души... При известных обстоятельствах эта тлеющая искра может вспыхнуть ярким пламенем и показать изумленному народу всю силу и величие человека, когда он вдруг сбрасывает с себя бранные одежды эгоистического мира и является во всем величии любви, правды и самоотвержения»²⁷.

В таковом величии российское купечество и видится нам по прошествии десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. о нем: *Валеев Н.* «...Не оценен по достоинству» // Литературная Россия. 1990. 18 мая.

2. *Емеличев В.* Благословение современному купечеству // Московский церковный вестник. 1992. № 7.

3. Разные известия // Вятские епархиальные ведомости. Отдел духовно-литературный. 1870. № 12. С. 219 – 220.

4. *Берова И.* Забытый памятник // Комсомольское племя (Киров). 1988. 24 сент.

5. См.: *Виноградов О.* Покровская церковь на Филейке // Вятский край. 1992. 18 авг.
6. *Берова И.* Ансамбль Вятского Успенского Трифонова монастыря: История, архитектура, живопись в свете последних исследований. Киров, 1989. С. 14.
7. См.: *Любимов В.* По отческим гробам // Выбор (Киров). 1992. № 32. С. 8.
8. См. о нем: *Низов В.* Светильник веры // Выбор. 1993. № 42. С. 8; № 43. С. 8; № 44. С. 8; № 46. С. 8.
9. См.: *Шарыгин В.* Николаевская церковь // Вятский епархиальный вестник. (Киров). 1994. № 8. С. 6.
10. *Синев Н.* По проекту К. А. Тона // Кировская правда. 1990. 4 мая.
11. См.: *Кротов В.* Это память народная // Отечество (Яранск). 1991. 23 ноябр.
12. См.: *Горев Н.* Яранский Сытин // Кировская правда. 1992. 1 сент.
13. *Сухих А.* Возвращение // Вятская речь (Киров). 1991. № 2.
14. См.: *Панькова С.* Негостеприимное Гостево // Котельничский вестник. 1991. 5 сент.
15. См.: *Рева А.* Спасти дом Анфилатова! // История и культура Волго-Вятского края (К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров. 1994. С. 505-507
16. *Рева А.* Рыночные отношения времен Чайковских и Анфилатовых // Ленинский путь (Слободской). 1991. 2 фев.
17. *Мясникова С.* Вспоминая минувшие дни // Красный кожевник (Вахруши). 1993. 24 марта.
18. *Рева А.* Ситниковы в Слободском // Ленинск. путь 1991. 17 дек.
19. Из публикаций последнего времени см., например: *Шершнев М.* Искусство колоколотейных мастеров Вятской губернии // Колокола: История и современность. М.: Наука, 1985. С. 207-213 (с библиогр.) ; «Лили сей колокол города Слободского братья Бакулевы» // Ленинск. путь. 1990. 18 авг.; *Рева А.* Некоторые замечания к публикации материалов по истории ремонтно-механического завода // Слободские вести. 1991. 15 окт.; *Ганулич А.* Бакулевский колоколотейный завод // Вят. епарх. вестник. 1994. № 5. С. 7.
20. Описание Елабужского Казанско-Богородицкого женского монастыря. Вятка, 1870. С. 1.
21. Там же. С. 2.
22. См.: *Танаевский С.* Историческая записка об открытии Елабужского Епархиального женского училища. Б. м, б. г.
23. Подробнее см.: *Валеев Н.* Елабужские благотворители // Вят. епарх. вестник. 1993. № 3. С. 2.
24. *Виноградов О.* Рождество-Богородицкая церковь // Вят. епарх. вестник. 1994. № 5. С. 6.
25. *Савина С.* Елабуга на Каме // Отечество: Краеведческий альманах. М.: Отечество, 1994. С. 26 – 27.
26. См.: *Семибратов В.* Малмыжские меценаты // Кировск. правда. 1992. 23 июня.
27. Цит. по: *Валеев Н.* Дмитрий Стахеев. Жизнь и творчество. Пособие для спецкурса. Елабуга. 1994. С. 23.

Михаил Судовиков

Машковцевы. Купцы и общественные деятели

Купеческий род Машковцевых был одним из самых состоятельных и известных в дореволюционной Вятке. Его история насчитывает почти два столетия. За это продолжительное время – от эпохи Петра I до 1860-х гг. – интерес к торгово-промышленным делам проявили представители шести поколений. В истории не только Вятского края, но и России в целом таких купеческих семей-долгожителей немного. И конечно же, каждая из них вызывает к себе особый интерес.

Основатель рода

Самые ранние известия о вятской купеческой династии Машковцевых относятся ко второй половине XVII века. Это было время царствований Алексея Михайловича и его сыновей – сначала Федора, потом – Ивана и Петра при регентстве царевны Софьи, а затем и Петра I. Время беспокойное, бурное.

Архивные материалы упоминают о служебной деятельности в 1684 г. в городе Хлынове посадского человека Гавриила (в некоторых источниках – Гаврил, Гаврила) Петровича Машковцева (ок. 1660 – после 1717), происходившего из крестьян «Кстининской веси»¹. Любопытно семейное предание Машковцевых. Оно гласит, что Машковцевы – выходцы из Москвы, появились на Вятке в Смутное время. В первые годы своего пребывания здесь они назывались «москочами» – прозвищем, которое затем якобы преобразовалось в их фамилию².

Документы очень скупы на сообщения о раннем периоде истории представителей этой династии. Имена некоторых родственников Г. П. Машковцева содержит синодик Богоявленского собора, в нем упоминаются Дионисий, Петр, Трифон, Агафия³.

В 1684 г. Гавриил Петрович служил таможенным головой. Эту должность обычно занимали состоятельные горожане. По всей видимости, к 80-м годам XVII века Машковцев обладал уже немалым капиталом, позволявшим ему исполнять с одной стороны почетные, а с другой – крайне обременительные обязанности выборного таможенного головы. И с ними он успешно справлялся, исполняя свои обязанности старательно и по уму. В 1685 г. за «заслуги в сборе государственной казны» Гавриил Петрович был пожалован серебряным ковшом с дарственной надписью от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей⁴.

О наличии у него крупного состояния свидетельствует и то, что в 1697 году на его средства началось строительство в Хлынове каменной Царево-Константиновской церкви, вместо сгоревшей деревянной. Сохранился текст договорной записи, данной Машковцеву местными каменщиками Иваном Никоновым, Тихоном Чернятевым, Михайло Старковым, Исаком Москвитиновым, в которой детально оговаривается техника работ по сооружению

нового церковного здания, а также размер денежной суммы за постройку. Каменщики «рядили у него, Гаврила, за ту работу 65 рублей денег, а задатку взяли 30 рублей»⁵. В 1698 г. постройка храма была завершена. В 90-е же годы он вносил пожертвования на строительство в г. Хлынове каменного Богоявленского собора.

В начале XVIII века Машковцев продолжал общественную деятельность на выборных должностях. В 1705 г. он вместе с Андреем Глухих избирается бурмистром⁶.

В тот период, согласно переписной книге 1710 года, Гавриил Петрович жил на «Никитцкой улице»⁷. Его семья состояла из семи человек. Жену звали Агафья Михайловна, ей было 49 лет, сыновей звали Степан, Василий, Яков, дочерей – Феодосия и Настасия. По свидетельству писцов, у Машковцевых имелся работник – Иван Юхляев с семьей. Переписная (ландратская) книга называет еще двух работников – Бориса Калинина и Ивана Хромушина с семьями⁸.

После 1710 года у Гавриила Петровича несколько меняется семейное положение. В переписной (ландратской) книге 1717 г. сообщается, что супругой Машковцева является Марфа Васильевна и ей – 43 года⁹. Агафья Михайловна к тому времени, очевидно, умерла – это, во-первых. Во-вторых, женился старший сын Степан. Молодая семья жила в доме отца. И в-третьих, в усадьбе Машковцева не живут уже дочери. По-видимому, девушки вышли замуж и покинули родительский дом.

Судьба Гавриила Петровича и его семьи могла радикально измениться в 1716 году, когда в Хлынов поступил указ Петра I о присылке в Петербург для заселения новой столицы «лучших и пожиточных людей»¹⁰. В Петербург уехали тогда некоторые представители купеческих семейств Рязанцевых и Хохряковых. Должен был ехать и Г. П. Машковцев, но ему удалось избежать переезда.

Сохранился текст его челобитной, написанной в апреле 1716 г. на имя царя и оказавшейся у князя М. П. Гагарина – Сибирского губернатора, в ведении которого тогда находилась Вятская земля. Свою просьбу об освобождении от переезда Машковцев мотивировал тем, что уже «многие... государевы службы» выполнял и в настоящее время стар, имеет увечье и скудость¹¹. В литературе высказано предположение, что он избежал от «петербургской прописки» за взятку, данную Матвеем Петровичу Гагарину¹². Последний действительно не обходился без взяток, любил получать их в больших размерах. За взятки, казнокрадство он и пострадал. В 1721 году по приговору Сената его повесили¹³.

Точной даты смерти Г. П. Машковцева установить не удалось. Известно, что его похоронили в Царево-Константиновской церкви.

Как видим, Гавриил Петрович был человеком и состоятельным, и деятельным. Все это унаследовали некоторые его потомки.

Муниципальное учреждение
"Библиотека
для детей и юношества
Альберта Лиханова"
610002, г. Киров, ул. Орловская, 17а

Наследники Т. П. Машковцева

Из второго поколения купеческой династии Машковцевых заметной личностью стал Василий Гавриилович (ок. 1703 – 1745).

В переписных книгах и в местных архивных фондах сведения о старшем сыне Гавриила Петровича Степане не обнаружены. Вероятно, он либо рано умер, либо сменил место жительства. Младший же – Яков до смерти в 1745 году брата В. Г. Машковцева имел с ним общий двор¹⁴.

Василий Гавриилович, как и его отец, был человеком зажиточным. Об этом свидетельствует в какой-то степени следующий факт: в 1720 г. он внес в казну 65 рублей 13 алтын 2 деньги, немалую по тем временам сумму¹⁵. Капиталы купцов Вятского края того периода складывались на торговых операциях с хлебом, крупами, салом, льном, кожей, лесом, пушниной. По коммерческим делам они часто бывали в Архангельске, Великом Устюге, Казани, Нижнем Новгороде, Москве и других крупных торговых центрах России.

У В. Г. Машковцева был только один наследник – сын Яков (ок. 1720 – ок. 1780). В дальнейшем именно ему удалось поддержать и развить семейные традиции династии. Дети Якова Гаврииловича (дяди Я. В. Машковцева) – Тимофей, Никон, Филипп – не снискали больших успехов в торгово-предпринимательской деятельности.

Родственники Я. В. Машковцева и по линии супруги были купцами. Его жена Анастасия Филипповна принадлежала к вятскому торговому роду Суятиных¹⁶.

Свои коммерческие дела Яков Васильевич сочетал со службой в провинциальном магистрате, а 19 апреля 1767 года был избран первым городским головой в Хлынове и находился на этой должности до 6 июня 1771 г.¹⁷. Под его руководством прошли выборы депутата в Уложенную комиссию, созываемую Екатериной II для сочинения проекта нового законодательства вместо устаревшего Соборного Уложения Алексея Михайловича. Летом 1767 г. депутаты комиссии (от Хлынова – П. Р. Злыгостев) с наказами избирателей прибыли в Москву. Наказ от купечества г. Хлынова подписали представители почти всех крупных торговых семей, в их числе – Яков Васильевич¹⁸.

После екатерининских преобразований 1775 года он записался в первую купеческую гильдию, объявив капитал в 10000 рублей. Купцами 1-й гильдии являлись и его сыновья – Степан, Афанасий, Федор и Филипп.

Совмещение торгово-предпринимательской деятельности с активным участием в общественной жизни Хлынова (с 1780 г. – Вятки) стало семейной традицией Машковцевых. Так Степан (в некоторых документах – Стефан) Яковлевич (ок. 1747 – 1811), чьи общественные заслуги неоднократно отмечались похвальными листами, в 1779 – 1880 гг. был ратманом, в 1783 – 1786 гг. – бургомистром, а в 1796 – 1799 гг. и с 1810 г. – городским головой¹⁹. Во многом благодаря долголетней службе, ему удалось получить престижное для купца звание – именитый гражданин.

Афанасий Яковлевич Машковцев (ок. 1750 – 1821) тоже проявил активность в органах местного общественного управления. В 1781 – 1784 гг. он был заседателем в совестном суде, в 1790 – 1793 гг. и в 1817 – 1820 гг. – городским головой²⁰. С именем этого купца связана также работа Архангельского запасного «магазейна», учрежденного по Высочайшему повелению. В 1805 году Афанасий Яковлевич стал его директором²¹.

Федор Яковлевич Машковцев (ок. 1754 – 1818) «также отправлял городские службы – одно трехлетие с 1790 по 1793 год гласным в градской думе, другое – с 1799 по 1802 год бургомистром в городском магистрате и третье – с 1808 года – градским головою»²².

С общественными делами Степана и Афанасия Яковлевичей связан весьма интересный эпизод. В мае 1798 года в составе вятской купеческой делегации они ездили в Казань на встречу с Павлом I²³. С императором вятчане смогли встретиться дважды. Они преподнесли Павлу и его сыновьям – наследнику престола Александру и великому князю Константину – хлеб и соль на специально изготовленных, позолоченных блюдах с изображением гербов, в том числе и города Вятки.

Во время второй встречи, где были только Машковцевы, состоялся более продолжительный разговор, Павел спрашивал: «...о торговле из Вятки в Архангельский и оттуда по морю в чужие края, особливо отпускали ли в Голландию и как переписку на каком языке ведем, потом о расстояниях от Казани до Вятки и от Вятки до разных мест, о лесах, растущих около Вятки, Камы и Ветлуги и о прочем»²⁴. На эти вопросы Степан и Афанасий Яковлевичи дали ответы «со всяким благоговением и краткою ясностию». «Прощайте друзья, я рад, что с вами познакомился и желал бы у вас в Вятке быть, но жалею, что от дороги вы удалели!», – произнес в конце император²⁵.

О встречах вятчан с Павлом и о поездке в Казань в целом С. Я. Машковцев рассказал в записке, опубликованной впоследствии в «Столетии Вятской губернии» (Вятка, 1880. Т. 1).

Еще один штрих к истории четвертого поколения этой вятской династии. В годы Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813 – 1814 гг. Машковцевы, как и многие российские купцы, делали пожертвования на «военные надобности». Афанасий и Федор, пожертвовавшие в то время 2000 рублей, были представлены к награде²⁶. Документы сообщают о них: «Купцы сии считаются по городу Вятке первостепенными, поведения и образа жизни отличного и от общества имеют большую уважительность»²⁷.

Как и прежде, Машковцевы радели о состоянии храмов. В июле 1784 года Степан Яковлевич подал прошение, а в ноябре получил от преосвященного Лаврентия Барановича грамоту на постройку каменной кладбищенской Иоанно-Богословской церкви²⁸.

Каменные сооружения появились и в его городской усадьбе, располагавшейся на довольно обширной территории – от ул. Спасской до ул. Копанской. Здесь размещались большой дом, построенный по проекту первого гу-

бернского архитектора Филимона Рослякова и впоследствии купленный казной для Вятской мужской гимназии, сад с беседками и оранжереями, водоемы, парк, каменный корпус для служб.

Напомним, что семейно-брачные узы связывали братьев Машковцевых по линии матери с купцами Суятиными. Их родственниками являлись и другие купцы. К примеру, Татьяна Яковлевна Машковцева, сестра Степана, Афанасия, Федора и Филиппа, вышла замуж за купеческого сына Лаврентия Филипповича Калинина. А женой Степана Яковлевича становится Екатерина Михайловна – из дворян. Афанасий и Филипп умерли бездетными. Родственные связи Машковцевых позволяли надеяться на материальную поддержку в трудный момент, а бездетность Афанасия и Филиппа Яковлевичей воспрепятствовала распылению капитала.

Таким образом, в XVIII столетии Машковцевы были видными на Вятке общественными деятелями. В то же время не следует забывать, что они являлись прежде всего купцами, а их основной деятельностью была торговая-предпринимательская.

Экономический расцвет династии

Экономический расцвет купеческого рода Машковцевых связан с торговой-предпринимательской деятельностью представителей четвертого поколения – Степана, Афанасия, Федора и Филиппа Яковлевичей. Свои коммерческие дела братья Машковцевы вели при совместном капитале.

Основной формой, используемой ими для накопления средств, была оптовая торговля, сопровождаемая скупкой товаров «по большей части партиями от купцов, равно и от земледельцов»²⁹. Документы отразили ее основное направление – северо-западное (Архангельск и Петербург). Вся же «география» коммерческих дел Машковцевых включала в себя, кроме названных, города Москву, Рыбинск, Устюг, Кострому, Нижний Новгород, Казань, Астрахань, а также Тобольскую и Иркутскую губернии.

В оптовой торговле этих купцов преобладали пшеница, рожь, мука, льняное семя, топленое говяжье сало и различные крупы, скупаемые в осенне-зимнее время. Скупка Машковцевыми товаров была едва ли не самой значительной среди вятских купцов. К примеру, в феврале 1806 года в Вятской губернии всего было закуплено 5700 четвертей пшеницы, из нее 5000 – Федором Машковцевым, 500 – Егором Хохряковым, 100 – Василием Рязанцевым, 100 – Федором Злыгостевым³⁰. В том же месяце в губернии местные купцы приобрели 5300 четвертей ржи, из них 5000 – Ф. Машковцевым, 300 – Ф. Злыгостевым и т. п.³¹

Доставленные братьями Машковцевыми в Архангельск или в другие портовые города товары сбывались «иностранным и российским купцам», а иногда отпускались «за свой счет в чужие края»³².

Важное место в их торговых занятиях отводилось казенным подрядам, в особенности на перевозку хлеба в провиантские «магазинны» для снабжения армии и флота. Организацией этих поставок занимались специальные учреждения – Государственная военная коллегия по провиантской экспедиции, Контора правления Санкт-Петербургских запасных «магазиннов», Комиссия казанского провиантского депо и другие. Сначала устраивались публичные торги. Если на них являлось несколько купцов, то подряд получал тот, кто называл минимальную сумму оплаты предлагаемой сделки.

В январе 1804 г. были устроены торги с участием вятских купцов 1-й гильдии Петра Аршаулова, 2-й гильдии Егора Хохрякова, 2-й гильдии г. Орлова Ивана Синцова и сына слободского купца 1-й гильдии Ильи Платунова Ивана³³. Решался вопрос, кто возмет поставку продовольствия – муки 11395 и круп 548 четвертей – в Архангельские и Новодвинские «магазинны» «на всем своем страхе и своими рабочими людьми». В итоге «цена состоялась за вятским купцом Аршауловым», так как «менее цен объявленных Аршауловым никто из желающих не объявил»³⁴. Но после всего этого в Комиссию казанского провиантского депо явился Степан Машковцев и заявил, «что он осведомясь о поставке к городу Архангельску означенного количества провианта... желает вступить в сие дело и в пользу государственного интереса уступает противу цен Аршауловым объявленных у каждой четверти муки по две, а круп по четыре копейки»³⁵. В результате Степан Яковлевич стал обладателем данного подряда.

Гарантом осуществления любой поставки служили письменные контракты, которые заключались вслед за торгами. В них подробно оговаривались условия, необходимые для осуществления подряда, в том числе порядок оплаты дел подрядчика. Степан Машковцев, «выхватив из рук» Петра Аршаулова поставку продовольствия для Архангельского и Новодвинского «магазиннов», получил третью часть причитавшейся ему за подряд суммы³⁶.

Деловые бумаги Машковцевых хранились в их конторе. Один из современников в ноябре 1813 года писал, что этих бумаг «было столько много, что очень можно было нагрузить ими добрые два воза. Разбирая бумаги сии, находил я некоторые связки, на которых были надписи таковые: «дела или бумаги по соленой или по винной, или по хлебной поставке такого-то года...»³⁷ Правда, документы, как он отмечал, находились «в крайнем беспорядке», были разбросаны по всей комнате и перепутаны³⁸. Происходило это после смерти Степана.

Купцы-первогильдейцы Машковцевы принимали участие в поставке продовольствия не только из Вятского края, но и из других регионов. В 1799 году Степан Яковлевич выполнял подряд по доставке хлеба «с камских и волгских пристаней в Санкт-Петербургские магазинны», а также «город Рыбный», и «за проявленное усердие к соблюдению казенных интересов» получил по павловскому указу 1800 г. чин надворного советника (VII класса)³⁹.

Деловая активность Машковцевых проявилась и в выполнении подря-

дов на перевозку соли. Еще в 1705 году была введена государственная монополия на торговлю солью, при которой государство покупало ее оптом у солепромышленников, а купцы-подрядчики доставляли в места, где осуществлялась казенная продажа соли населению⁴⁰. Одно из ранних свидетельств участия представителей четвертого поколения династии Машковцевых в соляных подрядах относится к 1782 – 1784 гг., когда Степан и Федор изъявили желание поставлять соль с пермских промыслов в разные города Вятского наместничества⁴¹. Причем Степан Яковлевич хотел бы привозить каждый год по 200000 пудов этого продукта. Соляные подряды, впрочем, как и многие коммерческие операции, обычно осуществлялись с помощью специально нанимаемых крестьян. В 1790 году Степан проявил намерение взять «в работы» до восьмисот человек⁴². Большое количество рабочих людей при доставке соли свидетельствует не только о значительности совершаемых действий, но и о финансовой состоятельности самого купца. В дальнейшем в соляные подряды включился его сын – Петр Машковцев.

В тот период Машковцевы также подряжались везти вино, выработанное на казенных заводах⁴³.

Важным направлением в торгово-предпринимательских занятиях этих купцов стала производственная деятельность. Сначала скажем о салотопенном заводе Федора Яковлевича.

Открытие этого предприятия относится к 1770 году и было обусловлено спросом на топленое сало⁴⁴. В конце XVIII столетия почти вся изготовленная на нем продукция направлялась в Архангельский порт. Производство Ф. Я. Машковцева было одним из самых значительных среди салотопенных заводов города Вятки.

С именем жены Степана Яковлевича Екатерины Михайловны Машковцевой связана покупка двух бумажных мануфактур, ставших в первой половине XIX века предметом занятий еще нескольких поколений.

Медянская и Никольская мануфактуры были приобретены ею в 1791 году у вдовы коллежского советника Прасковьи Бедаревой-Безруковой⁴⁵. На этих предприятиях выделялась бумага нескольких сортов, в частности «лучшая» из тонкого тряпья и оберточная. Причем на «Медянской фабрике», располагавшейся в Вятском уезде близ губернского центра при слиянии реки Медянки и р. Вятки, велись работы по «черпанью» и сушке бумаги, а на Никольской, находившейся в пяти верстах от первой на р. Чахловице, производилась ее отделка.

В 1797 – 1798 гг. на Медянской мануфактуре было занято 56 рабочих, из них 45 вольнонаемных и 11 из числа крепостных крестьян⁴⁶. Тогда же на Никольском предприятии работало 64 человека, в том числе 33 вольнонаемных и 31 крепостных⁴⁷. Как видим, бумажные мануфактуры Машковцевой относились к предприятиям, где преобладал вольнонаемный характер труда.

Изготовленная на мануфактурах продукция сбывалась в Вятской губернии, Москве, Архангельске, Астрахани, на Макарьевской и Ирбитской ярмарках. Нужно сказать, что деятельность, связанная с производством, дава-

ла более высокую прибыль, и Машковцевы во всем этом, конечно же, были заинтересованы.

Еще одна сторона их купеческих дел – кредитные операции. Известно, что они кредитовали некоторых лиц, использовали и такой способ, как «взятие в зажив». В этом случае неспособный к уплате податей или долгов человек поступал «в работы» к Машковцевым, а они, в свою очередь, вносили за него необходимые суммы. Так, Степан Яковлевич во время сбора податей в 1784 году уплатил «денег 143 рубля» за мещанина Карпа Веснина, после чего последний находился у него «в услужении»⁴⁸. В начале XIX века долгое время у Федора и Афанасия Яковлевичей был «в заживе» мещанин Потап Киприянов⁴⁹. После смерти братьев Машковцевых остались билеты Санкт-Петербургского государственного заемного банка⁵⁰, свидетельствующие о пользовании ими банковской системой, развивавшейся по мере становления буржуазных отношений.

Машковцевы принимали участие и в розничной торговле. В 1799 г. Степан выразил желание построить в сурожном, мелочном, кожевенном, рыбном рядах десять лавок⁵¹. Такое же количество лавок пожелал иметь и Федор Машковцев⁵². В 1810 году этим купцам принадлежало 20 каменных и 16 деревянных лавок⁵³.

Многогранный характер деятельности братьев Машковцевых во многом обеспечивался тем, что купеческие дела велись при неразделенном семейном капитале. В свою очередь, чем шире становилась торгово-предпринимательская деятельность этих купцов, тем большую сумму капитала они объявляли. В 1787 году на «семейном счету» Машковцевых официально числилось 10600 рублей, в 1788 г. – 11000 руб., в 1789 г. – 13000 руб., в 1790 г. – 13500 руб., в 1796 г. – 18000 руб., в 1799 г. – 18500 руб., в 1805 г. – 20000 руб. и в 1810 г. – 50000 руб.⁵⁴.

Как видим, наиболее интенсивный рост капитала наблюдался в 1796 – 1810 гг. Это время характеризуется тем, что именно тогда, во-первых, активно вкладывались средства в расширение производственной сферы, во-вторых, практиковались весьма значительные казенные подряды и, в-третьих, особое внимание Машковцевы стали уделять мелочной торговле. Сочетание различных видов торгово-предпринимательской деятельности с ориентацией на рынок и обеспечивало экономическую устойчивость изучаемого поколения.

Семейные объединения купцов способствовали не только увеличению их общего капитала, но и в условиях отсутствия на местах организованного кредита служили гарантом от разорения. Угроза банкротства многих торговых людей реально существовала в Вятке в конце XVIII века⁵⁵. Словом, совместное купеческое хозяйство было обусловлено и особенностями социально-экономического развития.

В целом отметим, что у представителей четвертого поколения династии Машковцевых наблюдалось переплетение различных форм деятельности, свойственных как феодальным, так и складывавшимся буржуазным отношениям.

Машковцевы в первой половине XIX века

Первая половина XIX века... В России наблюдался рост промышленности, городов, расширялись внешнеторговые связи, велось строительство шоссейных и железных дорог. Страна стояла на пороге великих реформ.

Для вятской купеческой династии Машковцевых это время стало во многом трагическим.

Один за другим ушли из жизни старшие ее представители – Степан (1811 г.), Филипп (1817 г.), Федор (1818 г.) и Афанасий (1821 г.) Яковлеви-чи⁵⁶. Их кончина привела к раздроблению между наследниками капитала, находившегося до этого в совместном владении семьи Машковцевых. В дальнейшем некоторые представители нового поколения династии постепенно отошли и от торгово-предпринимательской деятельности. Нужно отметить, что в то время для России в целом была характерна смена состава купечества⁵⁷. Изменившиеся экономические условия рождали новый тип купца.

При разделе наследственных капиталов и имений сын Степана Яковлевича Иван Машковцев (1786 – ок. 1850) с племянниками Яковом и Егором получил имение, которое значилось «по двум описям с домами, фабриками и людьми»⁵⁸. Такой раздел, по-видимому, в значительной степени предопределил занятия пятого поколения династии Машковцевых. Если Ивана Степановича к ведению торгово-предпринимательских дел постоянно склоняли имеющиеся в его собственности мануфактуры, то у Александра Федоровича Машковцева (ок. 1800 – после 1860), сына Федора Яковлевича, не появлялось подобных забот.

В 1826 году А. Ф. Машковцев обратился к вятскому губернатору Андрею Ивановичу Рыхлевскому с ходатайством о возведении его в дворянское достоинство.

В своем ходатайстве Александр Федорович, перечислив заслуги прапрадеда Гавриила Петровича, деда Якова Васильевича, отца Федора Яковлевича, писал: «Я в 1815 году пожертвовал для богоугодных заведений Вятского приказа общественного призрения дом в 20000 рублей, за что и удостоился получить в 1816 году марта 30-го Всемилоштивейше пожалованную мне медаль на алой ленте для ношения на шее, потом с 1823 по 1826 год служил в Вятском городском магистрате первым бургомистром, состоя постоянно в 1-й гильдии и не имея, как единственный сын отца, других со- членов из нашей фамилии в одной со мною гильдии»⁵⁹.

Губернатор и управляющий министерства внутренних дел В. Ланской поддержали эту просьбу, и 8 марта 1830 года «по мнению Государственного совета» А. Ф. Машковцев был возведен в дворянство⁶⁰. В более поздние годы сообщалось, что дворянин Александр Машковцев «вдов от 1 брака», имеет детей Федора, Александра, Николая, Павла, Екатерину и Людмилу, является домовладельцем⁶¹.

Его двоюродный брат Иван Степанович много внимания уделял делам, связанным с работой Медянской и Никольской мануфактур. По сути, по линии Ивана и имел продолжение купеческий род Машковцевых.

В 20–30-х гг. XIX века на его бумажных мануфактурах проводилась реконструкция. Были перестроены основные рабочие помещения, заменено оборудование⁶². Последнее произвело «чуждое впечатление» на молодого А. И. Герцена, побывавшего на Медянском предприятии во время Вятской ссылки, в 1835 году. В одном из писем он оставил такие строки: «Огромные колесы влекутся с бешенством какою-то невидимою силою, обращая бездну других колес с треском и шумом. Я сошел вниз и одна скользкая, мокрая доска отделяла меня от этого ада; стоило оступиться, чтоб погибнуть, но я остановился; треск, шум, обращение колес – все это наполняло меня чем-то поэтическим»⁶³.

Кстати, новое оборудование Машковцевы закупали за границей. На свои мануфактуры они приглашали иностранных специалистов. Одним из них был Иоганн Христиан Раш, баварский подданный, приехавший в Вятку в 1830 году и являвшийся владельцем дома, где жил в середине века ссыльный М. Е. Салтыков-Щедрин.

Бумажное производство на предприятиях И. С. Машковцева, объявившего в 1831 г. капитал по 1-й гильдии, и его племянников Якова и Егора Петровичей являлось одним из крупнейших в Вятской губернии. Так, если в 1837 году на восьми предприятиях губернии изготовили 73204 стопы бумаги, то из этого числа на Медянской и Никольской мануфактурах вырабатывалось 30007 стоп бумаги при 287 рабочих⁶⁴.

Машковцевы вкладывали капиталы и в другие производства. Супруга Ивана Степановича Анна Александровна владела Никулицким винокуренным заводом, находившимся в Николаевской волости Вятского уезда. С именем А. А. Машковцевой также связано отправление в 1845 г. к Архангельскому порту крупной партии муки и овса⁶⁵.

Этим купцам принадлежал Талицкий винокуренный завод, приобретенный в 1806 году у чиновника Амосова, а впоследствии бывший во владении племянника И. С. Машковцева Егора. В 1833 г. на заводе насчитывалось 90 рабочих⁶⁶.

Интересный эпизод. Летом 1816 года на предприятиях Машковцевых и в их домах побывал Иоганн Фридрих Эрдман – уроженец Саксонии, доктор медицины, некоторое время работавший в Казани. В его записках читаем: «...мы были приведены в изумление богатой обстановкой, по которой можно было судить о состоянии и вкусах домохозяина, слывущего за богатейшего человека во всей Вятке»⁶⁷.

Ивана Степановича вятчане знали и как общественного деятеля. В 1814 – 1817 гг. он был бургомистром, а в 1823 – 1825 гг. – городским головой⁶⁸. В октябре 1824 года городской голова И. С. Машковцев участвовал в официальной встрече в Вятке путешествовавшего по России императора Александра I. 9 октября, на второй день царского визита, вятским купечеством в

доме Ивана Степановича был устроен бал, на котором находился «государь...52 минуты»⁶⁹. В «Столетии Вятской губернии» сообщается: «У подъезда дома Августейший гость встречен был головою с почетнейшим купечеством. Бал Его Величество изволил открыть польским. Первый тур с супругой вице-губернатора Ермолаева, второй, за болезнью хозяйки дома, с старшей дамой Марьей Матвеевной Машковцевой (супруга Федора Яковлевича – М. С.), уже почти дряхлой старушкой, третий с ее молодою невесткой Марьей Алексеевной Машковцевой...»⁷⁰

Позже по предложению И. С. Машковцева в память о пребывании царя началось строительство в губернском центре Александро-Невского собора⁷¹. Красивейший, неповторимый храм, возведенный по проекту ссыльного архитектора, шведа А. Л. Витберга, известного и как автора проекта храма Христа Спасителя в Москве, был освящен в 1864 году, через 40 лет после памятного события.

В начале 1830-х годов Иван Степанович вновь избирается городским головой. В это же время он первым на Вятке получил звание Почетный гражданин⁷². Причем почетное гражданство у него являлось не личным, а потомственным, то есть принадлежало всей семье. А в семье И. С. Машковцева насчитывалось девять детей: 6 сыновей – Николай (в 1843 – 1844 гг. – городской голова в Вятке), Александр, Владимир, Аркадий, Степан, Петр и 3 дочери – Марья, Александра, Наталья⁷³.

Кроме того, Иван Степанович длительное время опекал племянников Якова и Егора – сыновей брата Петра, умершего в 1812 году.

В молодости Егор Петрович Машковцев (1812 – 1854) своим родственникам доставил немало переживаний и хлопот.

24 июня 1834 года, после окончания Московского университета, Егор устроил вечеринку с друзьями, где исполнялись «наполненные гнусными и злоумышленными выражениями против верноподданнической присяги» песни⁷⁴. Среди гостей оказался провокатор. Ему было поручено на казенные деньги устроить еще один вечер с теми же молодыми людьми. Здесь их и арестовали. Позднее подверглись аресту Н. П. Огарев и А. И. Герцен, несмотря на то, что на вечеринках их не было.

После следствия Огарев был выслан в Пензенскую губернию, Герцен – в Пермь, а затем в Вятку. Е. П. Машковцеву удалось избежать всех тягот такой участи. Н. А. Добролюбов в 1856 году писал в дневнике, что отец Машковцева «похлопотал и, истратив тысяч до восьмидесяти, успел наконец избавить сына от ссылки»⁷⁵. По-видимому, здесь речь должна идти не об отце, а о дяде – Иване Степановиче, так как отец Егора Петровича к тому времени умер.

Е. П. Машковцев вернулся на Вятку. В июле 1835 года отсюда в письме своим московским друзьям А. И. Герцен писал: «...Здесь Машковцев. Боже Великий! И этот человек был в Петровских, и этот человек – человек»⁷⁶.

В Вятке Герцен познакомился и с другими представителями этого большого и состоятельного семейства. Их сближало неравнодушное, трепетное

отношение к книгам, музыке, театру. Близким знакомым Александра Ивановича стал А. Ф. Машковцев.

Приятельские отношения с представителями семейства Машковцевых поддерживались и после отъезда А. И. Герцена из Вятки. Они вели переписку друг с другом, были и встречи. Будучи во Владимире, Герцен высылал Александру Федоровичу книги, делился своими переживаниями по поводу Н. А. Захарьиной. О Машковцевых он упоминал в письмах, в частности, А. Л. Витбергу. В одном из них он пишет: «В Москве я виделся с Владимиром Машковцевым, вятским ренегатом, у меня все еще бьется сердце горячее, когда вижу вятских, когда могу говорить об вас, об Скворцове, — черные годы провел я там, но полные многого, полные поэзии — мощной поэзии жизни»⁷⁷.

В «Былом и думах» о вятском купечестве А. И. Герцен писал: «В этом дальнем городе я нашел двух-трех искренних приятелей между молодыми купцами» и далее: «...в Вятке я перезнакомился со всем светом, особенно с молодым купечеством, которое там гораздо образованнее купечества внутренних губерний...»⁷⁸ Эти слова, на наш взгляд, можно отнести и к Машковцевым.

О Егоре Петровиче добавим следующее: он получил чин штабс-ротмистра, воспитывал сыновей Петра (от первого брака), Николая, Георгия и дочерей Марию, Екатерину, Варвару, Анну⁷⁹, похоронили его в Вятском мужском Трифоновом монастыре, надгробная плита с могилы Е. П. Машковцева сохранилась до наших дней. Среди его родственников — потомков выделяются крупные ученые Зерновы, Н. Г. Машковцев (1887 — 1962) — внук, ставший искусствоведом, сотрудником Третьяковской галереи, членом-корреспондентом Академии художеств.

И еще одно имя: Мария Антоновна Корсини (1814 — 1859), в девичестве Быстроглазова. Была писательницей-переводчицей, встречалась с П. А. Плетневым, В. Ф. Одоевским, Адамом Мицкевичем и другими, похоронена в Петербурге на Волковом кладбище. Корсини тоже из рода Машковцевых, внучка Степана Яковлевича по линии дочери Афанасии⁸⁰.

Итак, в первой половине XIX века в купеческой семье Машковцевых произошли существенные изменения. Одно из них — раздел совместного семейного капитала, другое — возведение А. Ф. Машковцева в дворянство, третье — участие некоторых ее представителей в общественно-политической жизни.

А. И. Машковцев и его семейство

У Ивана Степановича Машковцева было несколько сыновей. В лице Аркадия Ивановича (1819 — 1866), среднего сына, эта династия имела последнего крупного купца-фабриканта на Вятке.

А. И. Машковцев учился в Вятской мужской гимназии, затем стал выпускником Московской практической академии коммерческих наук, имел за успехи в учебе золотую медаль⁸¹. Будучи пансионером академии, он пришел на устроенную его двоюродным братом Егором Петровичем студенческую вечеринку – ту, где звучали «дерзкие песни», и, как ее участник, привлекался к допросу.

После возвращения на Вятку, Аркадий помогал в торговых делах своему отцу. Он много ездил, бывал, решая коммерческие вопросы, в северных российских городах, Москве, городах Сибири. В 1850–60-х гг. владелец бумажных мануфактур А. И. Машковцев объявлял капитал по 2-й купеческой гильдии. Аркадий Иванович взялся за проведение полной реконструкции своих предприятий: приобрел дорогую бумагоделательную машину одной из английских фирм, пригласил иностранных специалистов⁸².

Его супругой была дочь «устюжского 1-й гильдии купца, коммерции советника, потомственного почетного гражданина Ильи Яковлева Грибанова» – Елизавета⁸³. Большая, многодетная семья Машковцевых жила в двухэтажном каменном с флигелем доме на улице Вознесенской, во второй части г. Вятки, недалеко от Александро-Невского собора. Дом этот был куплен в 1843 году и записан на имя Елизаветы Ильиничны⁸⁴. А за ее мужем значился другой дом, наследственный, располагавшийся на углу Вознесенской и Копанской улиц.

Весьма многогранной являлась общественная деятельность А. И. Машковцева. С апреля 1847 г. по май 1850 г. он исполнял обязанности старосты Царево-Константиновской (или по-другому – Знаменской) церкви г. Вятки, в 1852 году стал попечителем городской больницы Вятского приказа общественного призрения, в 1853 г. – городским головой⁸⁵. Кроме того, Аркадий Иванович был попечителем публичной библиотеки и местной тюрьмы, а также являлся членом комитета по сооружению в Вятке Александро-Невского собора.

В годы Крымской войны (1853–1856) Машковцев принимал участие в формировании вятского ополчения, будучи одним из членов губернского комитета по его организации. Впоследствии «за примерное усердие и особенные усиленные труды по формированию Государственного ополчения Вятской губернии» был пожалован «золотой на Аннинской ленте для ношения на шее с надписью «за усердие» медалью и получил бронзовую медаль «в память минувшей войны 1853–56 гг. за приношение на издержки войны или пособие раненых и семейств убитых»⁸⁶.

С введением земских учреждений Аркадия Ивановича избирают в гласные. Однако проявить себя в качестве земского гласного он не успел, так как скончался от апоплексического удара утром 5 ноября 1866 года⁸⁷. Ему шел тогда 48-й год. В некрологе, помещенном в «Вятских губернских ведомостях», А. И. Машковцев назывался «одним из самых интеллигентных людей», отмечались такие его черты, как хорошая образованность, начитанность, «редкие качества ума и сердца»⁸⁸.

В последние годы жизни Аркадий Иванович столкнулся с большими финансовыми трудностями. Он не смог найти выход из кризисной ситуации, кредиторы требовали отдачи долгов. В итоге Машковцевы обанкротились, а у их имений появились новые владельцы. Медянскую фабрику, к примеру, купил московский купец Кувшинов⁸⁹. Это была трагедия для в прошлом богатейшего купеческого семейства Машковцевых.

Что же стало с детьми Аркадия Ивановича? В выявленных документах они как вятские гильдейские купцы не упоминаются. Старожил К. И. Клепиков отмечал, что сыновья А. И. Машковцева жили в Москве и были владельцами полотняной фабрики в городе Устюге⁹⁰. Вспомним, их мать принадлежала к роду устюжских купцов Грибановых.

Эти сведения значительно уточняют архивные материалы. В одном из документов, датированных 1885 годом, сообщается:

«...семейство потомственных почетных граждан Вятской губернии Машковцевых состоит из восьми человек, четырех братьев и четырех сестер, а именно:

1. Николая Аркадьевича Машковцева – управляющего отделением Государственного банка в г. Динабурге (Двинск, ныне Даугавпилс – М. С.).

2. Ивана Аркадьевича Машковцева – служащего в Волжско-Камском банке в С.-Петербурге.

3. Ильи Аркадьевича Машковцева – служащего на сыроделательном заводе в С.-Петербурге.

4. Александра Аркадьевича Машковцева – служившего на железной дороге в г. Екатеринбурге.

5. Натальи Аркадьевны, замужем за Колотовым – управляющим Волжско-Камского банка в г. Уфе (Колотов, будучи председателем Вятской губернской земской управы, привлекался в 1874 и 1875 годах к политическим дознаниям и был уволен от этой должности).

6. Варвары Аркадьевны – в замужестве за генералом Шишенко, жительством в г. Перми.

7. Анны Аркадьевны Машковцевой, жительствующей в С.-Петербурге, слушала врачебные курсы и готовится к экзамену на доктора.

8. Ольги Аркадьевны Машковцевой, живущей в С.-Петербурге, ездила за границу.

Иван, Илья, Анна и Ольга Машковцевы проживали в С.-Петербурге на Владимирской улице в доме Грибанова.

Настоящего образа жизни членов семейства Машковцевых, по ненахождению их в Вятской губернии, разяснить не представляется возможным»⁹¹.

Документ этот подписан начальником Вятского губернского жандармского управления и отправлен в департамент полиции. Нужно сказать, что здесь перечислены не все дети Аркадия Ивановича. Не сообщается о Владимире и Марии, зато информация о них была в департаменте полиции.

В последнем о Машковцевых содержались сведения как о неблагонадежных лицах – участниках студенческих сходок, имеющих знакомство и

состоящих в переписке с подозрительными сообществами и лицами. В этих делах учились Иван, Владимир, Александр, Илья, Ольга, Анна Аркадьевичи⁹².

Истоки их свободомыслия нужно искать еще в Вятке. Уроженец г. Орлова Вятской губернии, народник, участник «процесса 193-х» Н. А. Чарушин писал: «Здесь, в этом обширном доме (Машковцевых – М. С.), собиралась молодежь разных учебных заведений, не исключая и семинаристов, а когда наезжали студенты, то обычно бывали и они. В этом последнем случае собрания были особенно оживленны, так как в 69-м и 70-м годах столичное студенчество начинало уже жить интенсивной жизнью, что не могло не отражаться и на студентах, приезжавших в Вятку, а через них это повышенное настроение передавалось и нам... На этих собраниях у Машковцевых время от времени читались рефераты по различным вопросам...»⁹³ В доме Машковцевых бывали и политические ссыльные. Дружеские отношения, например, связывали их с одним из таких молодых людей – дворянином Василием Трошанским, студентом Петербургского технологического института, в будущем членом «Земли и воли».

Несколько слов о том, где получало образование новое поколение рода Машковцевых. Судя по источникам, Владимир Аркадьевич учился в Вятской гимназии и Сарапульском реальном училище (в Сарапуле было у Машковцевых имение), Александр – в Вятской гимназии, затем недолгое время в Казанском университете, в 1879 г. поступил в Петербургский университет, Илья – в Вятском земском училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний, Ольга, Анна и Мария, после обучения в Вятской женской гимназии (Ольга за успехи в учебе была награждена золотым кольцом), учились на врачебных курсах в Петербурге⁹⁴.

О дальнейшей судьбе Машковцевых мы знаем немного. Любопытные сведения о них находим в воспоминаниях Всеволода Васнецова, ученого-океанолога, полярника, сына художника Аполлинария Михайловича Васнецова. До революции, уже на закате старой власти, Васнецовы побывали в Симферополе, где встречались с Ильей, Ольгой и Анной Аркадьевичами и в Алуште – с Иваном Аркадьевичем⁹⁵.

По словам Всеволода Аполлинарьевича, большой друг отца, холостой, маленького роста, сильно картавивший и заикавшийся Илья Машковцев жил под Симферополем. Этот «добрейшей души человек» имел усадьбу с прислугой, великолепным фруктовым садом и виноградниками.

Ольга и Анна в Симферополе в своем доме открыли женскую ремесленно-художественную прогимназию. Анна Аркадьевна являлась ее директором, вела рисование и рукоделие. Ольга была в прогимназии врачом, преподавателем санитарии и гигиены. По воспоминаниям Васнецова, Анна Машковцева умерла рано, а Ольга дожила до глубокой старости, получила звание заслуженного врача.

Иван Аркадьевич Машковцев и его деятельная, строгая и красивая супруга содержали небольшой пансионат, располагавшийся в прекрасном мес-

те – на склоне гор. Иван Машковцев к тому времени был «совершенно слеп». Такие вот судьбы.

Таким образом, с банкротством Аркадия Ивановича вятская купеческая династия Машковцевых пришла в упадок. Его дети открыли новую главу истории рода.

Как видим, купеческий род Машковцевых прошел длительный, наполненный многими интересными событиями исторический путь. Представители этой династии являлись крупными купцами-промышленниками и яркими, влиятельными общественными деятелями, оставившими глубокий след в истории Вятской земли. Их многогранная деятельность, несомненно, поучительна для новых поколений вятчан и россиян в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Государственный архив Кировской области, далее ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 776 – 776 об.; Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее ТВУАК), 1905. Вып. II. Отд. III. Вятка, 1905. С. 39.
2. Вятские губернские ведомости, далее ВГВ. 1866. № 91. 15 ноября.
3. Помянник Вятского (Хлыновского) Богоявленского собора 1696 – 1704 гг. Кировская областная научная библиотека им. А. И. Герцена. Сообщил В. В. Низов.
4. См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 49-а. Л. 1; ВГВ. 1866. № 91. 15 ноября.
5. ТВУАК, 1906. Вып. V-VI. Отд. III. Вятка, 1906. С. 30 – 32.
6. Воеводы на Вятке, правители Вятского наместничества. Вятские гражданские губернаторы и вице-губернаторы // Календарь Вятской губернии на 1857 г. Вятка, 1857. С. 133.
7. Вятка. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 77.
8. Там же. С. 112.
9. Там же.
10. Андриевский А. А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 75.
11. Андриевский А. А. Указ. соч. С. 75.
12. См.: Там же; Луппов П. Н. История города Вятки. Киров, 1958. С. 124.
13. Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 225.
14. Вятка. Материалы для истории... С. 171, 192.
15. Там же. С. 131.
16. Там же. С. 192.
17. См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 49-а. Л. 1-2; Юрьев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 59.
18. Юрьев В. П. Указ. соч. С. 11; Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 107. СПб., 1900. С. 584.
19. ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 777 – 777об.

20. См.: Там же; Ф. 582. Оп. 47. Д. 49-а. Л. 1-2.
21. Там же.
22. Там же.
23. Вятского градского головы Стефана Машковцева к вятским градским делам записка // Столетие Вятской губернии...Т. 1...С. 285 – 290.
24. Там же.
25. Там же.
26. ГАКО. Ф. 582. Оп. 47. Д. 4. Л. 231.
27. Там же.
28. См.: ТВУАК, 1914. Вып. II – III. Отд. II. Вятка, 1914. С. 285; Столетие Вятской губернии...Т. 1...С. 202.
29. ГАКО. Ф. 582. Оп. 6. Д. 60. Л. 8.
30. Там же. Оп. 5. Д. 166. Л. 34.
31. Там же.
32. Там же. Оп. 6. Д. 60. Л. 8.
33. ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-н. Д. 150. Л. 26.
34. Там же. Л. 36.
35. Там же. Л. 36 – 36 об.
36. Там же. Л. 37 об., 53
37. ГАКО. Ф. 583. Оп. 32. Д. 700. Л. 30.
38. Там же.
39. ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 3. Л. 115 – 119.
40. Демкин А. В. Русское купечество XVII – XVIII вв.: Города Верхневолжья. М., 1990. С. 18.
41. См.: ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 115. Л. 418; Там же. Д. 135. Л. 10.
42. ГАКО. Ф. 582. Оп. 2. Д. 54. Л. 1.
43. Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 988. Л. 2.
44. Матвеев И. И. Фабрично-заводская промышленность в Вятском крае в конце XVIII в. и начале XIX в. // Вятская жизнь. 1923. № 4. С. 58.
45. Два века в пути. К 200-летию фабрики «Красный курсант» (1785 – 1985). Киров, 1985. С. 12.
46. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. Киров, 1956. С. 51.
47. Там же.
48. ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 137-а. Л. 1308 – 1322.
49. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 14. Л. 86.
50. Там же. Д. 80. Л. 980.
51. ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 46. Л. 6.
52. Там же.
53. Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 201 – 202.

54. См.: ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 60. Л. 2; Там же. Д. 92. Л. 27 об. – 28; Там же. Ф. 583. Оп. 17. Д. 1448. Л. 2 – 8; Там же. Ф. 582. Оп. 140. Д. 4. Л. 26-27; Там же. Ф. 630. Оп. 4. Д. 2. Л. 4; Там же. Ф. 582. Оп. 1. Д. 38. Л. 20.
55. Луппов П. Н. Указ. соч. С. 175 – 176.
56. ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 778.
57. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 40.
58. ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 972 об. – 973.
59. Там же. Ф. 582. Оп. 47. Д. 49-а. Л. 1-2.
60. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 778.
61. ГАКО. Ф. 630. Оп. 3. Д. 17. Л. 23; В документах сообщается, что жену А. Ф. Машковцева звали Марья, она была дочерью московского купца Алексея Бирюкова (ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 85. Л. 69 об. – 70).
62. Два века в пути... С. 14.
63. Герцен А. И. Соч.: В 30 т. Т. 21. М., 1961. С. 50.
64. Два века в пути... С. 14.
65. Спасский Н. А. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения // Столетие Вятской губернии... Т. 1... С. 178; Анна Александровна происходила из дворян, была дочерью титулярного советника Александра Козмина.
66. Луппов П. Н. Указ. соч. С. 170.
67. Иоганна Фридриха Эрдмана путешествие по Вятской губернии летом 1816 года (с нем. перевел С. К. Кузнецов) // Календарь Вятской губернии на 1893 год. Вятка, 1892. С. 369.
68. ГАКО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 778 об.
69. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 314. Л. 1 – 4.
70. Бехтерев Н. П. Высочайшие посещения Вятской губернии // Столетие Вятской губернии... Т. 2. Вятка, 1881. С. 829.
71. Александро-Невский собор в городе Вятке. Вятка, 1903. С. 6.
72. ГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 672. Л. 75.
73. См.: Там же. Л. 77-78; ГАКО. Ф. 630. Оп. 3. Д. 17. Л. 104.
74. Прокофьев В. А. Герцен. ЖЗЛ. М., 1987. С. 67.
75. Добролюбов Н. А. Соч.: В 9 т. Т. 8. М.-Л., 1964. С. 492.
76. Герцен А. И. Соч.: В 30 т. Т. 21... С. 46
77. Там же... Т. 22... С. 48.
78. Герцен А. И. Соч.: В. 4 т. Т. 1. М., 1988. С. 290, 320.
79. См.: ГАКО. Ф. 582. Оп. 89. Д. 73. Л. 2; Там же. Ф. 630. Оп. 3. Д. 16. Л. 88.
80. Любимов В. А. Слово в словарь или еще одна «забытая» писательница-вятчанка // Вести. 1994. № 49. 9 декабря.
81. ВГВ. 1866. № 91. 15 ноября.
82. Два века в пути... С. 15.

83. ГАКО. Ф. 630. Оп. 3. Д. 17. Л. 101 – 102.
84. Там же.
85. Там же.
86. См.: Там же; ВГВ. 1866. № 91. 15 ноября; Клепиков К. И. Заметки и впечатления старожила. Вып. 3. Вятка, 1900. С. 7.
87. ВГВ. 1866. № 89. 8 ноября.
88. Там же. № 91. 15 ноября.
89. Два века в пути... С. 17.
90. Клепиков К. И. Указ. соч. С. 7.
91. Государственный архив Российской Федерации, далее ГА РФ. Ф. 102. Д-3, 1885. Д. 451. Л. 35 – 36.
92. Там же. Л. 16 – 21.
93. Чарушин Н. А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века. М., 1973. С. 69 – 70.
94. См.: ГА РФ. Ф. 102. Д-3, 1885. Д. 451. Л. 17 об. – 21 об.; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 167. Л. 388; ВГВ. 1866. № 50. 24 июня.
95. Васнецов В. А. Страницы прошлого. Л., 1976. С. 81 – 88. Сообщила Т. В. Малышева.

Евгений Березин

Из истории купеческого флота

Из всех современных видов транспорта водный – наиболее древний. Неудивительно поэтому, что особое место среди вятского купечества занимали судовладельцы.

Транспортировка товаров по рекам была дешева, хотя и требовала немалого первоначального капитала, необходимого для постройки или приобретения судов, организации пристанского, складского хозяйства и судоремонтной базы. Купцы, сумевшие доставить свои товары к месту продажи раньше конкурентов, оказывались в выигрыше. Вот только решиться на занятие «судовым промыслом» мог далеко не каждый.

Плавание по мелководной Вятке и ее притокам было связано с немалым риском, нередко заканчивалось навигационными авариями. Судохозяева вынуждены были возмещать владельцам груза стоимость подмоченных или погибших товаров, что приводило к большим убыткам, а то и разорению.

Положение усугублялось тем, что до начала 80-х годов XIX века Вятка официально считалась рекой несудоходной, хотя ее уже четверть века бороздили парходы.

На первом этапе возникновения и развития парового флота вятские купцы-судовладельцы часто объединяли капиталы, создавая компании. По мере накопления опыта и роста возможностей владельцев компаньоны расторгли ранее заключенные соглашения, предпочитая работать самостоятельно. В последующем усиление конкуренции вновь привело к объединению судовладельцев.

Предлагаемый вниманию читателей очерк «Из истории купеческого флота» охватывает длительный период истории вятского судоходства – от его зарождения как самостоятельного промысла, предназначенного для обслуживания развивающегося товарооборота Вятской губернии, до национализации речного флота в 1918 году.

Стремилась вятичи на север

В XVII веке предприимчивые вятские купцы организовали торговлю с иностранцами, которые приходили морем в Архангельск. Вятские «промышленники» добирались туда на барках, которые строили в глухих лесах по берегам реки Лузы на территории Вологодской губернии. Они же основали Ношульскую пристань, расположенную в 180 верстах от основных центров торговли – городов Вятки и Орлова.

Из заготовленного на месте леса зимой строили барки, грузили их товарами (хлеб, лен, пенька и др.), доставленными по санному пути, а весной по высокой воде барки отправлялись в дальний путь по рекам Лузе, Югу, Сухоне, Северной Двине до Архангельска.

«Эпоха цветущего состояния торговли г. Вятки с Архангельском, – писал знаток экономики края Иван Савинов, – была между 1807 и 1813 года-

ми, благодаря объявленной Наполеоном «континентальной блокаде», закрывшей английским купцам вход в европейские порты»¹.

«Тайна и поспешность, с какими действовали англичане, благоприятствовали выгодам вятских торговцев... Следовавшие после 1812 года большие в Европе неурожай поддерживали архангельскую торговлю...»²

Примерно до 30-х годов XIX века плавание по Лузе от Ношуля было сравнительно безопасным, а затем река стала мелеть, по-видимому, «от истребления лесов в верховьях ее пожаром и рубкою леса ежегодно на суда». К тому же «лес приходится заготавливать с каждым годом все дальше от места постройки судов, – сетовал в 1857 году промышленник И. Савинов, – поэтому обходятся они с каждым годом дороже»³.

Местная печать, характеризуя состояние торговых путей, тогда же отмечала: «Из Ношульской пристани сплав хлебного товара производится далеко хуже и опаснее, нежели сухим путем – быстрота течения Лузы и ничтожная ее ширина (25 – 40 сажень)*, чрезвычайная извилистость русла и проносы в берегах делают путь по ней опасным»⁴.

«Несчастные случаи и опасности сплава хлебного товара от Ношуля, – утверждал один из знатоков местного судоходства, – заставило искать пристани в другом месте»⁵.

Купцы из городов Орлова (Синцов, Булычев) и Вятки (Аршаулов, Машковцев, Злыгостев) нашли такое место и основали в 1816 – 1820 годах Быковскую пристань. Она располагалась на р. Лузе «в расстоянии двухдневного благополучного плавания от Устюга, тогда как Ношульская в расстоянии восьмидневного благополучного плавания». К тому же Луза у Быковской пристани оказалась «полноводнее, не имеет крутых поворотов и значительно шире»⁶. Обилие леса удешевляло постройку судов.

Однако использование Быковской пристани затруднялось отсутствием удобного сухопутного сообщения с ней (225 верст от г. Вятки), а администрация Вологодской губернии не испытывала заинтересованности в строительстве дороги для вятских купцов. К концу 1850-х годов с Быковской пристани отправлялось около трех десятков судов ежегодно, тогда как с Ношульской в пять раз больше. Примерно с 1815 года эксплуатировалась Подосиновская пристань на р. Юг, находившаяся «в расстоянии до Устюга 75 верст – один день благополучного сплава», но она отстояла еще дальше от торговых городов, чем Ношульская и Быковская пристани. Поэтому «слободские промышленники, – констатировал А. Кузнецов в 1856 году, – возят хлеб большею частью на Кайгородскую пристань на р. Сысоле»⁷.

Грузооборот перечисленных пристаней составлял в 1874 году: Подосиновской – 800000 пудов, Быковской – 600000 пудов, Ношульской – 230000 пудов, Кайгородской – 300000 пудов⁸.

Для сплава вятских товаров на север использовались «староманерные» барки «самой грубой работы» грузоподъемностью 22 – 25 тысяч пудов –

*Сажень – русская национальная мера длины, соответствует 2 м 13 см.

типичные для рек европейской России. Они строились в расчете на одну навигацию и «по разгрузке в Архангельске» продавались по цене дров⁹.

Хорошо знакомый с навигационными трудностями орловский купец А. Кузнецов сетовал: «...часто встречающиеся крушения барок вынудили страховые общества отказаться от принятия на страх товаров и тем окончательно вся тягость необходимого риска (так в тексте – прим. Е. Б.) в вятской торговле легла на торговцев»¹⁰.

Любопытным историческим фактом оказалось создание буксирного пароходства на Северной Двине, подчиненного интересам заграничной торговли вятских купцов. Инициаторами создания пароходства стали вятские купцы из г. Орлова М. Ф. и Ф. С. Изергины, а также Ф. Т. Булычев и «купеческий сын» В. А. Булычев¹¹.

Первый рейс парохода «Юг» «с баржей из Архангельска в Устюг» состоялся в августе 1858 года. Тогда же была закончена сборка второго парохода, получившего название «Двина». Оба судна вятские купцы заказали в Бельгии¹².

Годом позже Сенат утвердил устав «Северо-Двинского пароходного общества». Согласно сообщениям вятской прессы, его пароходы ввели баржи от Подосиновской пристани на р. Юг до Архангельска. С 1 октября по 1 апреля правление пароходства работало в вятском уездном городе Орлове, где производился прием груза и проходили отчетные собрания пайщиков.

Через несколько лет управляющий Северо-Двинским пароходным обществом В. А. Булычев постригся в монахи. Без него дела у компаньонов пошли хуже, и в 1867 году совершилась продажа «имущества и капиталов приобретателям, купцам Вятской губернии С. С. Зырину, И. П. Кардакову и А. А. Прозорову»¹³.

Однако и после организации буксирного пароходства сплав судов с товарами «по нерасчищенным речкам, – по мнению А. Кузнецова, – оставался весьма неудобен и опасен». Он же одним из первых высказал мысль «о соединении р. Вятки и Северной Двины железною дорогою»¹⁴.

«Статистические сведения о торговле в Вятской губернии за 1879 г.» констатировали постепенное изменение конъюнктуры рынка: «...крупные торговцы, особенно ведущие заграничную торговлю, уже несколько лет оставляют торговлю с Архангельским портом и находят выгоднее сбывать хлебные произведения Вятского края в Рыбинске, Петербурге и других городах»¹⁵, где оказалось больше покупателей и к которым вели более удобные пути сообщения. Этим объясняется снижение заинтересованности вятских купцов в Северо-Двинском пароходстве, которое в 1882 году было продано купцу из Великого Устюга В. И. Кострову¹⁶.

Открытие в 1899 году Пермь-Котласской железной дороги привело к прекращению сплавного судоходства, обеспечивавшего в течение двух с половиной веков экспорт вятских товаров.

Из Слободского в Америку

Прибыльная для вятских купцов заграничная торговля зачастую приносила еще большие барыши англичанам, которые выступали посредниками при торговле с Америкой.

Первую попытку организации прямой торговли с Северо-Американскими штатами без английского посредничества предпринял слободской первой гильдии купец Ксенофонт Алексеевич Анфилов (1761 – 1820).

Заручившись поддержкой министра коммерции графа Н. П. Румянцева, Анфилов в 1806 году отправил за океан два судна: «Архистратиг Михаил» из Санкт-Петербурга в Бостон и «Иоанн Креститель» из Архангельска в Нью-Йорк.

Какие товары отправил в Америку в сопровождении своего компаньона Иосифа Смолина слободской купец, пока неизвестно. В сохранившихся документах архангельской таможни сказано слишком коротко: «Различные российские товары». Однако с большой долей вероятности можно утверждать, что среди них были традиционные для вятского экспорта хлеб, лен, пенка, меха.

В «порты отпускной торговли» вятские товары могли попасть только по внутренним водным путям. В Архангельск – по описанному выше пути на барках, построенных на берегах реки Лузы, а до Санкт-Петербурга также на судах самосплавом вниз по рекам Вятке и Каме, а далее вверх по Волге на бурлацкой тяге или конно-машинных судах до Рыбинска, а оттуда по системе каналов до столичного порта.

Первая заграничная экспедиция, хотя и встретила немалые затруднения, принесла Анфилову и Смолину хорошую прибыль, а вот отправленный из Архангельска третий корабль «Ксенофонт» пропал без вести и поколебал финансовое благополучие Анфилова. В 1812 году он объявил себя несостоятельным должником, превратившись из купца I-й гильдии в слободского мещанина¹⁷.

Таков печальный итог смелого предприятия вятского купца.

Андрей Куклин, его компаньоны и конкуренты

С прихода в губернский центр камского парохода «Любимый» 11 мая 1855 года началась эпоха парового судоходства на реке Вятке¹⁸. К паровым судам стали постепенно привыкать, лишь сетуя, что мелководье реки Вятки не дает им «проникать» выше Котельнича¹⁹.

Однако своего, вятского, пароходства все еще не было, хотя «мысль о пароходстве давно уже существует на Вятке, – писал в 1859 году орловский купец А. Н. Кузнецов, – но дело за средствами»²⁰.

Средства вскоре нашлись, о чем вятичи узнали из газеты «Вятские губернские ведомости»: «Вятские купцы А. Куклин, В. Столбов и орловский купец И. Чудиновских составили компанию на открытие пароходства по рекам Вятке, Каме, Волге и притокам их и уже заказали в Нижнем Новгороде буксирный пароход в 50 сил длиною до 20 сажень, и в Слободском уезде три баржи...»²¹

Прибытие первого вятского парохода, получившего название «Вятка», ожидалось в июне 1860 года, но «мелководье реки не допустило его сюда и он, сделав несколько рейсов по Волге, Каме и Вятке, прозимовал близ села Истобенского, в Орловском уезде, в 150 верстах от г. Вятки»²².

Приход своего первого парохода в губернский центр 3 мая 1861 г. вятичи превратили в праздник, а вскоре они встретили другой пароход «Орлов» тех же владельцев»²³.

В навигацию того же исторического для вятского судоходства года местный кондитер Аксель Карлович Пуссет приобрел «маленький пароход в 1,5 силы, который будет поднимать до 15 человек и будет употребляться для прогулок по реке Вятке»²⁴.

Уже в первую навигацию пароходы показали явное преимущество перед традиционными для Вятки сплавными судами. Известно, что пароходом «Орлов» было в мае 1861 года спасено судно крестьянина Сорокина, потерпевшее аварию в Вятском устье «в ветреную погоду»²⁵.

В январе 1863 года вятский третьей гильдии купец Андрей Саввич Куклин выкупил пай у своих компаньонов и стал полновластным владельцем первого на Вятке пароходства. Слыл он страстным любителем шахмат, как примерный прихожанин жертвовал немалые средства церкви Иоанна Предтечи. Кроме пароходства он владел типографией. Видный купец в период Крымской войны (1853 – 1856) участвовал в формировании вятского ополчения. Тогда он познакомился с генерал-адъютантом П. П. Ланским, проверявшим подготовку местных ратников. Видимо, между вятским купцом и великосветским генералом возникли взаимные симпатии, а в память о совместной работе П. П. Ланской подарил новому знакомому свой портрет. Много лет спустя выцветшую фотографию генерала с орденом и шашкой потомки Куклина сдали в Кировский краеведческий музей²⁶.

В навигацию 1863 года у Куклина появился первый конкурент – орловский купец Филипп Тихонович Булычев, отец будущего знаменитого миллионера и мецената, построивший пароход «Гражданин»²⁷.

Число пароходовладельцев постепенно росло: в 1868 году на р. Вятке, кроме двух пароходов Куклина, плавали по одному паровому судну уже упоминавшегося Ф. Т. Булычева, яранского купца Д. Д. Якимова и нолинского К. Валанихина.

«Не смотря на такое малое количество пароходов, – сетовал обозреватель, – весною для них недостаточно клади, так что для весны хозяева пароходов имеют свой груз, а пароход купца Якимова даже всю навигацию возит свою кладь; только летом клади бывает несколько более, когда она

идет преимущественно на нижегородскую ярмарку. Какого же можно ожидать развития вятского пароходства в будущем, когда и в настоящее время нашим пароходам возить нечего?»²⁸

В это трудное для судовладельцев время начали возить на вятских пароходах пассажиров.

Один из местных знатоков судоходства утверждал в 1870 году: «По нашему мнению, буксирное пароходство по р. Вятке до некоторой степени может заменить пассажирское... Надо сказать, что буксирный пароход «Орлов» устроен тоже с целью перевозки пассажиров – у него под палубой имеются общая каюта, в которой могут поместиться около 10 человек, и две семейные: в них очень удобно могут поместиться по 3 человека в каждой»²⁹.

В середине 1870-х годов объявления «конторы вятского пароходства и торговли купца Куклина» стали появляться на страницах местной газеты все реже и реже, а в декабре 1875 года было опубликовано последнее, сообщившее о продаже баржи «30 сажен, шести вод...»³⁰, видимо, прослужившей шесть навигаций.

Конкретных причин прекращения деятельности первого вятского пароходства пока найти не удалось. Н. Миролюбов – современник А. С. Куклина – лишь заметил вскользь: «Куклин, которому предприятие это дало, как говорят, очень порядочные барыши, не только не расширил его, но даже продал оба парохода»³¹.

Флот первого вятского судовладельца приобрел только входивший в силу молодой предприниматель Т. Ф. Булычев.

СПИСОК ПАРОХОДОВ, совершавших рейсы по р. Вятке в начале 1870-х годов

Владельцы	Название	Корпус	Назначение	Год постройки	Мощность (номинальных сил)
Булычев М. Ф., орловский купец	«Ламех»	железн.	буксир	1871	60
Булычев Т. Ф., орловский купец	«Ф. Булычев»	железн.	пасс.	1874	70
Булычев Ф. Т., орловский купец	«Гражданин»	железн.	буксир	1863	60
Эдуард Гакс, кунгурский предпр.	«Петр Гакс»	железн.	пасс.	1873	70
Куклин А. С., вятский купец	«Братья Гакс»	железн.	пасс.	1873	70
Нелюбин Евгений, нолинский купец	«Вятка»	железн.	буксир	1860	50
Силин, вятский купец	«Орлов»	железн.	буксир	1861	40
Стойлов Иван, крестьянин	«Нелюбин»	железн.	буксир	1859	70
Орловского уезда	«Ласточка»	железн.	буксир	1873	15
Частверговы, братья, казанские купцы	«Истобянец»	деревян.	буксир	1873	30
Якимов А. В., яранская купчиха	«Матильда»	железн.	буксир	1858	80
	«Храбрый»	деревян.	буксир	1859	50
	«Братья Якимовы»	железн.	буксир	1869	40

Не прижился на Вятке «немец»

Изучавший историю вятского судоходства известный краевед Н. Н. Блинов писал в 1914 году: «По Вятке до 1872 года ходили только буксирные пароходы... Кукарского пароходчика Якимова убеждали пустить хоть один пароход пассажирским; но он уверенно высказал сомнение: «Ну, кто поедет на пароходе?» Без немца дело не обошлось...»³²

Таким «немцем» стал кунгурский предприниматель и великобританский подданный Эдуард Гакс. В «немцы» он попал в силу стародавней традиции именовать так всех иностранцев, независимо от подлинной национальности.

История местного пассажирского пароходства началась с объявления в газете «Вятские губернские ведомости» (№ 25 за 1873 год): «Легкий пассажирский, вновь построенный пароход «Петр Гакс» собственно для мелководной реки Вятки, будет совершать правильные рейсы от г. Казани до г. Вятки, останавливаясь на всех промежуточных пристанях для приема пассажиров и кладей». В том же объявлении особо подчеркивалось, что «пароход будет снабжен буфетом», а для пассажиров первого и второго классов «будут общие каюты».

Тот же Блинов сообщил любопытную подробность: в первый рейс «пассажиры приняты бесплатно в виде пробы. Остановки делали прямо у берега, где пассажирам место покажется красивым, пригодным для прогулки»³³.

В навигацию 1873 года Э. Гакс для перевозки пассажиров по р. Вятке использовал старый пароход «Ока».

30 марта 1874 года местная газета опубликовала необычное объявление, на заставке которого изображен пассажирский пароход с развитой сетью надстроек на носу и в средней части корпуса, с закрытой тентом кормовой частью палубы и длинным рядом квадратных иллюминаторов на корпусе. Объявление уведомляло о предстоящих с открытием навигации рейсах пассажирских пароходов (точнее их было бы называть грузо-пассажирскими) Э. Гакса — уже знакомого вятичам по предыдущей навигации парохода «Петр Гакс» и нового судна «Братья Гакс», построенного вместо устаревшей «Оки». Там же сообщалось о выходе на линию Вятка — Казань первого пассажирского парохода Т. Ф. Булычева, названного в честь отца судовладельца и основателя пароходства «Филипп Булычев». Публика ставилась в известность, что Гакс и Булычев работают совместно: «Расписание общее, такса одна, заведование со стороны владельцев отдельное».

«Совместная» работа на деле оказалась скрытой формой конкурентной борьбы, в которой победил молодой и энергичный Т. Ф. Булычев. В 1875 году он приобрел у Э. Гакса оба пассажирских парохода, переименовав их в «Основатель» и «Потомственный».

Неудача с организацией пассажирского пароходства на р. Вятке стала для семейства Гаксов начальным звеном в цепи последовавших неудач.

С объявления в «Вятских губернских ведомостях» началась известность

Гаксов в Вятке и объявлением, опубликованным в официальной части той же газеты 29 декабря 1879 года, она завершилась: «В Перми в окружном суде: на удовлетворение претензии бельгийского подданного Леонарда Пиркса, двух купцов и одного мещанина 21 февраля 1880 г. будет произведена публичная продажа недвижимости великобританских подданных Эдуарда-Ивана, Томаса и Альберта Петровых Гакс, состоящего в г. Кунгуре...» Далее идет унылое перечисление владений, в числе которых назван «завод, производивший ежегодно водоходные суда, судовые и другие машины».

Известно, что завод Гакса-отца в г. Кунгуре начал работать в 1857 году и выпускал совершенные для того времени двухцилиндровые паровые машины двукратного расширения пара.

Конструкция, соединяющая в паровой машине кривошипы, получила название «скобы Гакса». Последняя в процессе эксплуатации иногда ломалась, что приводило к опасным разрушениям цилиндров, а в отдельных случаях шатуном пробивало борт парохода, как это однажды случилось на «Потомственном»³⁴.

Во всяком случае принадлежавший семейству Гакс завод в Кунгуре оставил заметный след в отечественном судовом машиностроении, которое в дальнейшем обходилось без «немца».

Ожидания оправдались

1873 год вошел в историю как дата рождения пассажирского пароходства на р. Вятке. Прослышав о первоначальных успехах Э. Гакса в перевозках пассажиров, спохватились и другие судовладельцы: «Якимов обратил было пароход, кажется, «Матильду», — писал значительно позже Н. Н. Блинов, — в пассажирский, но корпус был узкий,... он оказался неустойчивым: публика боялась больших склонений то того, то другого борта»³⁵.

Информация Н. Н. Блинова нуждается в уточнении: яранский купец Дмитрий Дмитриевич Якимов действительно перестроил в пассажирский один из своих буксирных пароходов и назвал его «Удобный». Пароходство Якимова после смерти своего основателя поступило в распоряжение его вдовы.

Анна Васильевна Якимова, яранская первой гильдии купчиха, и «неотделенные ее сыновья» Дмитрий Дмитриевич и Николай Дмитриевич изменили район деятельности своего пароходства, предпочтя мелководной Вятке относительно полноводную реку Белую, где со второй половины 1870-х годов организовали перевозку пассажиров и срочных грузов между Казанью и Уфой, одновременно ограничив сферу деятельности на р. Вятке только буксирным пароходством³⁶.

С плохо скрываемым чувством раздражения Анна Васильевна в феврале 1893 года сообщила: «...в нашем... торговом доме... произошла перемена.

Дмитрий Дмитриевич Якимов вышел из нашей фирмы, перестав быть навсегда ее членом...»³⁷

Стоит отметить, что дела у Якимовых лучше складывались под руководством женщин.

Проклятый матерью Дмитрий Дмитриевич, которого в отличие от отца называли младшим, в 1899 году умер. Предприятие его унаследовала вдова Екатерина Васильевна, создавшая фирму «Д. Д. Якимова наследница», которая благополучно просуществовала до национализации флота в 1918 году.

Несмотря на то, что Якимовы, по образному выражению историка речного судоходства И. А. Шубина, «царствовали на реке Белой», они не теряли вятских корней, часто и подолгу жили в слободе Кукарка (ныне г. Советск) Вятской губернии, а часть судов их многочисленного флота зимовала в с. Жерновогорье, где были построены судоремонтные мастерские.

Упомянувшийся Н. Н. Блиновым пароход «Матильда» действительно появился на р. Вятке в 1873 году, только принадлежал он не Д. Д. Якимову, а казанскому купцу С. С. Четвергову и работал на линии Вятка – Казань в паре с его же пароходом «Храбрый».

Деловые люди оценили достоинства пассажирских пароходов, быстро завоевавших популярность вятичей. В навигацию 1874 года ожидали новых пароходов³⁸.

Ожидания эти оправдались: на Вятку пришли новые пароходы новых судовладельцев.

Об одном из них – пароходе «Истобенец», производившем, как сказано в объявлении, «легко-пассажирские рейсы между городами Вяткой и Казанью» стоит сказать особо, поскольку владельцем его был крестьянин Орловского уезда Вятской губернии Иван Михайлович Стойлов³⁹.

В жизни России того времени примечательным явлением стали случаи, когда зажиточные крестьяне, получив после отмены крепостного права в 1861 году возможность заняться предпринимательской деятельностью, начали строить речные суда, перевозить грузы и пассажиров. На Вятке первым таким предпринимателем стал И. М. Стойлов, владелец грузо-пассажирского парохода «Истобенец», построенного в Нижнем Новгороде в 1873 году. С целью удешевления постройки судна корпус его был деревянным, аналогичным по конструкции корпусам многочисленной волжской флотилии пароходов-забежек, технология постройки которых была доведена до совершенства.

А вот установленная на «Истобенце» паровая машина, «сработанная» на нижегородском заводе Курбатова, оказалась новым словом тогдашней техники. На этой машине двойного расширения пара мощностью 35 номинальных сил один из противолежащих цилиндров крепился неподвижно, а другой был качающимся. Для уменьшения конденсации пара в ресивере, труба последнего почти по всей длине была заключена в трубу-оболочку, заполненную паром. Шатуны обоих цилиндров работали на один кривошип.

«Истобенец» прослужил недолго – всего 11 навигаций, значительно меньше пароходов-современников с металлическими корпусами.

Известно, что в начале 1880-х годов И. М. Стойлов владел тремя пароходами, но после 1885 года дела его пошатнулись, в списках судовладельцев за 1892 год он уже не значится⁴⁰.

Навигация 1874 года принесла значительное оживление пароходного движения между Вяткой и Казанью. На линию вышли 13 пароходов, пять из которых принадлежали вятским судовладельцам, а остальные восемь – волжским⁴¹.

Переход волжских судовладельцев для работы на р. Вятку был вызван кризисом волжского пароходства, наступившего в середине 1870-х годов. По всем речным бассейнам европейской России тогда наметился переход на перевозку пассажиров из-за падения грузооборота вследствие неурожая в Поволжье⁴².

В бурном развитии пароходства Вятская городская дума «усмотрела новый источник дохода:...она постановила взимать за право приставания к берегу по 75 руб. с каждого парохода за навигацию»⁴³.

С мая 1874 года в газете «Вятские губернские ведомости» появилась постоянная рубрика «Движение пароходства у г. Вятки», где сообщалось о времени прибытия и отправления пароходов, перечислялись пофамильно высокопоставленные пассажиры, указывалось их общее число и количество груза.

В июле 1874 года было открыто пассажирское сообщение между городами Вяткой и Слободским. На этой короткой линии работал пароход «Ласточка», только что законченный постройкой на заводе Шипова Костромской губернии по заказу вятского купца Силина⁴⁴.

Учитывая малые размеры нового парохода, Вятская городская дума решила взимать с него уменьшенную плату «за приставание к берегу» – всего 25 рублей за навигацию⁴⁵.

Через несколько лет этот же пароход освоил рейсы от Вятки до г. Глазова, став первым паровым судном на р. Чепце.

В навигацию 1876 года на Вятке появились два новых пароходства.

Владелец одного из них – Александр Алексеевич Казенин – построил два грузо-пассажирских парохода «Алексей» и «Михаил». Вятское пароходство Казенина просуществовало недолго. Основатель его вскоре умер, а у наследников дела не ладились, в 1900 году у них оставался только один пароход «Михаил»⁴⁶.

«Пароходство Я. А. Прозорова по реке Вятке» породавало вятичей двумя вновь построенными мощными (90 номинальных сил) однотипными пароходами «Отец» (командир Е. П. Нордгрэн) и «Сын» (командир Е. И. Маслов). Два раза в неделю они совершали «правильные рейсы между Казанью и Вяткою». К услугам пассажиров владелец предлагал газеты, журналы и аптеку «для бесплатного пользования»⁴⁷.

Новое пароходство на р. Вятке работало недолго, вскоре владелец продал оба судна на Волгу⁴⁸.

Во второй половине 1870-х годов число пароходов на вятских линиях с каждым годом увеличивалось, а вот эффективность их использования оста-

ввалась невысокой. В отчете инженера П. Михайлова, знакомящегося с вятским судоходством в 1876 году, говорится: «На Вятке... пароходы в годы хорошей воды успевают сделать 6 рейсов от Вятки до Казани»⁴⁹.

К середине 1870-х годов вятское пароходство завершило все три стадии развития, свойственные речному пароходству в России: буксирное пароходство, буксиро-пассажирское и пассажирское и оправдало ожидания его создателей.

«Хозяин» Вятки

Со скандала началась известность Тихона Филипповича Булычева в 1869 году. Началось с того, что его отец, орловский первой гильдии купец Филипп Тихонович, проверяя кассу 22-летнего сына, обнаружил недостачу более 2000 рублей. В краже заподозрили 19-летнего лакея Андриана Сунцова, вскоре сознавшегося, что он незаметно от хозяина брал деньги⁵⁰.

Уроженец г. Орлова Т. Ф. Булычев принадлежал к родовитому вятскому купечеству. Его прадед Егор Никитич Булычев с конца XVIII столетия вел заграничную торговлю через Архангельский порт, имел непосредственные контакты с лондонскими торговыми фирмами.

Тем же занимались наследники Егора Булычева. Не случайно поэтому Тихон Булычев образование получил в Архангельске.

В январе 1876 года молодой купец был избран в родном Орлове городским головой, сменив на этом посту отца. Вступив в должность, он проявил самоуправство, уволив секретаря А. Н. Ипатьева. Для последнего увольнение оказалось тяжелым душевным потрясением, внушившим идею мщения обидчику⁵¹.

Самодурство орловского городского головы получило отклик на страницах «Вятской незабудки» – сборника обличительных статей о злоупотреблениях местных должностных лиц, где появилась статья под названием «Орловский эксперимент». Там рассказано, как на заседании думы оскорбленный несправедливым увольнением Ипатьев выстрелил из револьвера в обидчика. «К счастью, пуля прошла мимо и попала в ободок венского гнутого кресла... По мнению экспертов, у Ипатьева... было очень сильное возбуждение нервной системы... Присяжные признали его невиновным»⁵².

После этого поучительного происшествия Т. Ф. Булычев отказался от должности, переехал в г. Вятку, высоких общественных постов больше не занимал, довольствуясь должностью гласного Вятской городской думы, полностью посвятив себя делам пароходства.

Справедливости ради стоит заметить, что среди Булычевых – пароходладельцев первым был отец Тихона – один из основателей Северо-Двинского пароходного общества в 1858 году. Свой первый вятский пароход Филипп Тихонович приобрел в 1863 году и назвал его «Гражданин». Первенец вятского булычевского флота позже перешел по наследству к Тихону. Булычев-отец от-

крыл в апреле 1871 года в г. Вятке на Преображенской улице контору своего пароходства⁵³, а через год увидело свет первое объявление «пароходства потомственного почетного гражданина орловского первой гильдии купца Т. Ф. Булычева в Вятке»⁵⁴, владевшего в то время двумя буксирными пароходами «Гражданин» и «Ламех». Последний первоначально принадлежал брату Тихона – М. Ф. Булычеву. С тех пор объявления конторы пароходства Т. Ф. Булычева не сходят со страниц «Вятских губернских ведомостей» и других газет, выходивших в прикамских и приволжских городах.

Собственное предприятие Т. Ф. Булычев развивал с завидной энергией, незаметно, но уверенно тесня конкурентов.

В 1874 году он по примеру Э. Гакса открыл пассажирское сообщение между Вяткой и Казанью двумя пароходами «Ф. Булычев» и «Почетный», которые отправлялись из Вятки дважды в неделю. Через год молодой предприниматель приобрел у невыдержавшего конкуренции Э. Гакса два пассажирских парохода и увеличил число пассажирских рейсов до четырех в неделю, а в 1880-е годы до пяти.

1876 год Т. Ф. Булычев встретил владельцем самого большого на р. Вятке пароходства, под его флагом уже 7 самоходных судов. Если названия четырех из них расположить в определенной последовательности, то получится полный титул отца судовладельца и основателя пароходства – «Потомственный», «Почетный», «Гражданин», «Филипп Булычев».

Порядки в пароходстве Булычева существовали строгие. Кочегара парохода «Двигатель» Тимофея Ситникова хозяин оштрафовал «за оставление службы самовольно», заплатив вместо оговоренных при найме 11 рублей жалованья в месяц по 8 руб. 25 коп. серебром⁵⁵. Матрос баржи № 11 Максим Есаулов в разгар навигации 1876 года «бежал», прослужив всего 1 месяц и 5 дней. Причина побега в деле не указана⁵⁶, хотя случай этот исключительный, обычно судорабочие исправно служили всю навигацию до телеграммы из конторы: «Команду увольнять, на судах делать описи».

В январе 1877 года Т. Ф. Булычев объявил, что «к пароходству... присоединено и открыто сухопутное транспортирование кладей», осуществлявшееся «во время зимы... между Москвою, Нижним Новгородом, Казанью, Ирбитью, Вяткою»⁵⁷.

В том же году он продлил пассажирскую линию за Казань до Нижнего Новгорода, поставив на нее 6 пароходов⁵⁸.

Почувствовавшим свою силу и способности судовладельцем предпринимались попытки расширения района деятельности пароходства. В 1883 году он вторгся в «царство» Якимовых на р. Белой, открыв линию Казань – Уфа, а пятью годами позже организовал пароходное сообщение на р. Суре по маршруту Васильсурск – Промзино⁵⁹.

До Булычева по Суре – притоку Волги – ходил только один пароход «Неожиданный» местного купца К. Н. Попова с «невзрывающимся котлом Бельвиля и капитальными стенками»⁶⁰ – так в рекламе именовались поперечные переборки.

Вскоре выяснилось, что навигационные условия на Суре оказались сложнее вятских. «Сура очень извилистая, берега песчаные, течение быстрое, – писал знаток тех мест известный ученый-кораблестроитель А. Н. Крылов (1863 – 1945), поэтому на ней множество мелководий, или, по-местному, «перекатов», которые хотя в общем сохраняют свои места, но постоянно меняют очертания. Идя вверх по течению, пароход должен был грузиться так, чтобы сидеть носом на несколько дюймов глубже, чем кормой (такой же прием использовали на Вятке – прим. Е. Б.); благодаря этому его не разворачивало, когда приходилось притыкаться к мели»⁶¹.

Трудности судоходства на Суре усугублялись полным отсутствием судовой обстановки, которая на части вятских плесов уже была, поэтому Т. Ф. Булычев вскоре решил ограничить сферу деятельности пароходства вятскими линиями, имевшими выход на Казань и Нижний Новгород.

Вот здесь он стал подлинным хозяином положения. В 1894 году в «пассажирской линии» работали 10 пароходов Булычева, большая часть которых в качестве топлива использовала нефть⁶².

На булычевских пароходах плавал в качестве пассажира известный писатель А. М. Горький. Его перу принадлежит интересное для нас критическое выступление, опубликованное «Самарской газетой» 23 июня 1895 года. В нем Горький отзывался о вятском пароходовладельце как «о безобразном хозяине реки Вятки», которая оказалась «в его полном и бесконтрольном распоряжении»⁶³, как о судовладельце сверх всякой меры перегружающем пароходы к пользе для себя и к неудобству пассажиров», находящихся к тому же «в крепостной зависимости от г. Булычева».

Литературоведы утверждают, что именно вятский купец послужил А. М. Горькому прототипом образа Егора Булычева – главного героя известной пьесы «Егор Булычев и другие»⁶⁴.

Вторя А. М. Горькому, нелестную характеристику пароходам Булычева дало «Приложение» к газете «Вятские губернские ведомости»: «Во втором классе тараканы нередкие гости. Особенно поражает антисанитарное состояние отхожих мест. Пальму первенства в этом отношении нужно отдать пароходу Булычева «Сын», где ударяет в нос страшный запах отхожего места»⁶⁵.

Стоит заметить, что технический прогресс в век пара и электричества доходил до Вятки не без помощи пароходов. На одном из них – «Ф. Булычеве» – жители губернского центра в начале 1890-х годов впервые увидели электрическое освещение. Этот случай послужил основанием корреспонденту журнала «Нива» Никонову утверждать в 1900 году: «Особенно потрудились для распространения культуры пароходы, все привозили они вятчан с собой, всякие усовершенствования и всякие приятности жизни».

Характеризуя полезную для края деятельность Т. Ф. Булычева, местные историки часто упоминают: сделал впервые. К общеизвестному списку его приоритетов, преимущественно в области благотворительности, есть основание добавить еще один из сферы внедрения новинок техники.

В конторе Т. Ф. Булычева, располагавшейся в собственном доме купца у

Стефановской церкви, как выяснил А. А. Хохлов, появился первый в г. Вятке телефон. В 1885 году телефонная линия связала уже упоминавшуюся контору Т. Ф. Булычева со складом керосина на берегу Вятки⁶⁶.

К началу XX века Булычев довел численность своего флота до 19 пароходов⁶⁷.

Служащих своих «хозяин» Вятки приучал к самостоятельности и инициативе. «Обычно, – вспоминал Николай Александрович Стойлов, – Булычев на Вятке не появлялся. Его видели только два раза в году: при открытии и закрытии навигации. Все остальное время... делами управляли его управляющие и агенты»⁶⁸.

В 1900 году крупнейшие вятские судовладельцы Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин и наследники И. В. Александрова объединились для совместной работы. Булычев стал директором-распорядителем нового акционерного предприятия и вскоре объявил себя миллионером.

На страницах местных газет того времени периодически встречались сообщения вроде этого: «Т. Ф. Булычев к празднику Рождества Христова пожертвовал в вятский тюремный замок 3 пуда муки» или «на средства вятского купца Т. Ф. Булычева построена в вятской женской гимназии каменная лестница».

Известны и другие примеры его благотворительной деятельности. Вятский миллионер на свои средства содержал детский приют, построил для общежития мужской гимназии в губернском центре 2-этажный особняк (ныне школа-гимназия № 29). В 1908 году он сделал для губернской земской больницы прямо-таки сказочный подарок – приобрел рентгеновский аппарат французского производства стоимостью более 1500 рублей.⁶⁹

Из воспоминаний судового механика К. И. Бердникова вырисовывается внешний облик Булычева: «...высокого роста, худощавого, с острой бородой... Гимназисты называли его Дон Кихотом»⁷⁰.

Однако лично знавший «хозяина» Вятки К. И. Бердников на советует идеализировать местного миллионера и мецената – сходство с известным героем Сервантеса оказалось только внешним.

На личные нужды Булычев тратил значительно больше, чем на благотворительные цели. «Главная книга главной конторы» пароходства сохранила сведения о расходах на личные нужды судовладельца: «...выдано Вам наличными...» в январе и феврале 1880 года в сумме 1152 руб. 32 коп. серебром⁷¹. Командиры пароходов получали в то время жалованье 800 – 1000 руб. в год; лоцманы до 200 – 300 руб. за навигацию, а матросы 15 руб. в месяц. С ростом богатства предпринимателя росли и его личные расходы.

Известен Т. Ф. Булычев и своей скупостью. Тот же К. И. Бердников рассказал, как во время охоты богатч провалился в болото и начал тонуть. На отчаянные крики о помощи прибежал случайно оказавшийся поблизости охотник и с риском для собственной жизни спас миллионера. Булычев на радостях обещал «озолотить» спасителя, но когда тот явился за наградой, то получил... только 1 рубль.

После национализации флота в 1918 году Т. Ф. Булычев, державший деньги в кассе пароходства, оказался без средств к существованию. Когда войска адмирала А. В. Колчака угрожали Вятке в 1919 году, 72-летнего старика Булычева арестовали как заложника из-за сына Николая, служившего в белой армии, и поместили в местный концентрационный лагерь. Когда до Вятки дошла весть о гибели Булычева-сына, старика-отца освободили. Однако пребывание в заключении надломило его морально. Новой власти он оказался не нужен, дела ему не нашлось. Булычев обнищал, побирався, жил из милости у своих бывших служащих, много времени проводил в молитвах.

Умер в 1929 году, в возрасте 82 лет.

Командиры пароходов пароходства Т. Ф. Булычева в навигацию 1876 года⁷²

Ф. И. О.	Названия парохода	Годовос жалованье (руб. сср.)
1. Королев Логин Петрович Казанской губ. Лаишевский мещанин	«Почтный»	800
2. Мартынов Николай Ильич чистопольский мещанин	«Двигатель»	1000
3. Клепизонов Александр Степанович	«Ф. Булычев»	1000
4. Жидков Михайло Егорович	«Потомственный»	1000
5. Четвергов Осип Михайлович	«Гражданин»	600
6. Мошкин Максим Демидович крестьянин Истобенской волости Орловского уезда	«Ламсх»	800
7. Цыбин Федор Платонович крестьянин Истобенской волости Орловского уезда	«Основатель»	800

Везли по воде ... паровозы

«Конвенция прекращена» – такими словами выражен смысл объявления «пароходовладельца вятского купца Якова Фомича Тырышкина», сообщавшего о разрыве заключенного на навигацию 1888 года соглашения с Т. Ф. Булычевым о совместной деятельности, которое, по утверждению Тырышкина, «не привело... к желаемым результатам»⁷³.

Видимо, «совместная работа» использовалась Т. Ф. Булычевым как коварный прием борьбы с конкурентами. Аналогичным образом он устранил своего преуспевающего конкурента Э. Гакса в 1875 году. Однако в отличие от «немца» Гакса вятский купец Тырышкин выдержал нелегкое испытание «совместной работой» с Т. Ф. Булычевым.

Пароходство Я. Ф. Тырышкина возникло в начале 1880-х годов в качестве конкурента Булычеву и со временем получило довольно большое развитие⁷⁴.

Первыми пароходами Тырышкина стали: буксирные «Вестовой», «Малютка» (оба построены в 1882 году), «Любимец» (1885) и буксиро-пассажирский «Наследник» (1882 год).

Если Т. Ф. Булычев происходил из родовитого купечества, именовался от рождения потомственным почетным гражданином, то Тырышкин – выходец из крестьян деревни Полом Троицкой волости Вятского уезда, материального благополучия добился собственным трудом. Уступая Булычеву в образовании (всего три класса Быстрицкой сельской школы), он явно превосходил последнего в предприимчивости. Судите сами: в 1855 году Тырышкин занялся извозным промыслом, в 1870 – он уже купец второй гильдии, открыл в Вятке транспортную контору, в 1881 году основал буксирное пароходство и стал купцом первой гильдии.

Если Булычев одевался по-светски изысканно, слыл англоманом, то Тырышкин выглядел проще: «... это был не человек современной моды, – писал хорошо знавший его Н. Озеров, – а простой степенный русский мужик в длиннополом кафтане и сапогах»⁷⁵.

Во всяком случае этот «степенный русский мужик» в последнее десятилетие XIX века стал главным конкурентом англомана и мецената Т. Ф. Булычева в Вятском судоходстве. Конкуренты периодически снижали цены на билеты и фрахт за перевозку грузов. Главная борьба развернулась за переманивание самого массового пассажира третьего класса. Причем, особой изобретательности не проявляли. Про Тырышкина говаривали, что у него в придачу к билету третьего класса в кассе давали булку-копейку, а по праздникам стопку водки.

Существовали гонки пароходов, когда судно одного владельца стремились прийти к пристани раньше, чтобы перехватить пассажиров у конкурента. Подобная практика вызывала нарекания пассажиров, поскольку приводила к перегрузке пароходов. Поэтому в 1899 году Булычев и Тырышкин после долгих переговоров пришли к новому соглашению «соблюдать известную очередь в отправке пароходов из Вятки». Пассажирские суда первого отходили в 8 часов утра, а пароходы второго – в 2 часа дня. Причем оба судовладельца установили 50% скидку для сельских учителей и учащихся⁷⁶.

Хотя «конкуренция пароходовладельцев, – отмечал один из бывалых путешественников, – служит на пользу публике», она тем не менее мало способствовала улучшению комфортабельности пассажирского флота⁷⁷.

Порядки и удобства на судах Тырышкина, стабильно державшего второе место по объему перевозок, не отличались от таковых на пароходах Булычева. Об этом свидетельствуют «Письма с дороги», опубликованные в июне 1899 года. Их автор – Н. Озеров – путешествовал на принадлежавшем Тырышкину пароходе «Александр», на котором «электрическое освещение испорчено», осложняет положение пассажира «отсутствие чистой воды для чая и питья», а имеющийся на пароходе «небольшой фильтр... испорчен». Он же сетует: «ни на одной пристани пароходства Тырышкина нет почтового ящика»⁷⁸.

Забыв вклад Тырышкина в развитие железнодорожного транспорта, а ведь на его баржах привезли на берега Вятки первые паровозы. Произошло это в 1896 году, когда предприимчивый вятский купец «порядился перевозить» паровозы и вагоны из Нижнего Новгорода в Вятку для строившейся тогда Пермь-Котласской железной дороги. Его примеру последовали другие судовладельцы. Общее число «перевезенных водою» вагонов достигло 250, а паровозов более ста⁷⁹. Он же первым среди вятских судовладельцев застраховал служащих своего пароходства в обществе «Россия»⁸⁰.

Яков Фомич Тырышкин умер в Казани в 1903 году, тело его было доставлено для погребения в Вятку на пароходе «Дед», к приходу которого на пристани собралась большая толпа народа, провожавшая похоронную процессию до Трифонова монастыря⁸¹.

Более двух десятилетий существовало вятское пароходство А. Е. Шубина, точная дата возникновения которого нуждается в уточнении. Пока лишь известно, что в 1887 году флот Шубина состоял из нескольких пароходов⁸². Один из них, называвшийся «Шубин», был построен в г. Вятке в 1896 году и претендует на роль первенца местного парового судостроения⁸³. Известно, что другой его пароход «Александр» в 1898 году возил рельсы для строительства железной дороги⁸⁴. Имеющиеся сведения о деятельности пароходства А. Е. Шубина скудны и отрывочны.

Среди прочих вятских судовладельцев выделялось пароходство Торгового Дома «Наследники коммерции советника И. В. Александрова». Александровы владели крупным пивоваренным заводом в г. Слободском, а в начале 1890-х годов обзавелись собственным паровым флотом. Первоначально у них были три парохода: «Александров», «Братья», «Бабушка», которые осуществляли перевозку продукции их заводов. Интересно, что служащие этого пароходства наряду с обычными обязанностями производили прием ягод от населения. Чтобы ягодное сырье не испортилось, закупка его согласовывалась с расписанием движения пароходов. Местное население с этим расписанием было знакомо и приносило дары леса на пристани в строго определенное время, здесь его сортировал буфетчик и отправлял с запиской о количестве, времени заготовки, цене и прочих данных на попутном пароходе⁸⁵.

Задумав создать конкурентоспособное товаро-пассажирское пароходство, Александровы в 1899 году продали буксирный пароход «Бабушка», зато к навигации 1900 года пополнили свой флот двумя новыми грузо-пассажирскими пароходами «Отец» и «Сестры»⁸⁶.

Самостоятельная деятельность пароходства Александровых продолжалась недолго – в последнем году XIX столетия владельцы вступили в соглашение с вятскими пароходными «тузами» Булычевым и Тырышкиным, в очередной и последний раз объединившимися для совместной работы⁸⁷.

«Карман» России и вятское судоходство

«Карманом» России называли Нижний Новгород за его роль в экономике могучей державы. Открывавшаяся ежегодно 15 июля знаменитая Нижегородская ярмарка неизменно привлекала внимание вятчей.

В «Описании губернского города Вятки»⁸⁸, составленном 1804 году, не случайно упоминаются проходящие мимо губернского центра «суда с Макарьевской ярмарки с тяжелыми товарами», ибо транспортировка их осуществлялась водным транспортом. Перенос ярмарки от стен Макарьевского монастыря в Нижний Новгород в 1816 году способствовал росту ее популярности.

С развитием во второй половине прошлого века парового судоходства на реке Вятке Нижний Новгород стал столь привычным местом разгрузки вятских товаров, что в объявлениях, публиковавшихся в газете «Вятские губернские ведомости», зачастую упоминали только первую половину названия города – Нижний.

Расстояние от «кармана» России до г. Вятки немалое – 1365 верст водного пути (в 1862 году его определяли в 1209 верст)⁸⁹. Первый вятский пароходовладелец А. С. Куклин подчинил деятельность своего пароходства интересам доставки товаров на знаменитую ярмарку. «Пароход «Орлов», – читаем в «Вятских губернских ведомостях» за 21 сентября 1865 года, – делает в это лето довольно правильные и постоянные рейсы между городами Нижним и Вяткой»⁹⁰.

В навигацию 1871 года результаты работы первого вятского пароходства на буксирной линии Вятка – Нижний Новгород получились такие: 50-сильный пароход «Вятка» за четыре рейса перевез 130 тысяч пудов груза, а 40-сильный «Орлов» за пять рейсов доставил 70 тысяч пудов»⁹¹.

С берегов Вятки на Волгу в тот год «отправлены были следующие предметы юфть, опоек, шубный товар, холст, коровье масло и шерсть разного рода. Предметы же привоза составляли: мускательный, бакалейный, галантерейный товары и механические изделия»⁹².

В начале 1870-х годов конкурент Куклина купец Т. Ф. Булычев организовал специальные ярмарочные рейсы, о чем известил многократно повторявшимися объявлениями: «... в Казань и Нижний Новгород с ярмарочными товарами будет отправлено три рейса: 1-й в первых числах, 2-й в двадцатых числах июня и 3-й около 10 числа июля. Все товары будут доставлены в ярмарку, не смотря на мелководье, не позже 1-го числа августа сего года»⁹³.

Практика трех ярмарочных рейсов для пароходства Т. Ф. Булычева с тех пор стала правилом. А местная газета «Вятские губернские ведомости» неизменно информировала: «Весь караван отправляется за третьим и последним ярмарочным рейсом и будет доставлен в Нижний Новгород к 28 июля»⁹⁴.

С уходом последнего каравана на Волгу буксирное пароходство на р. Вятке замирало. Об этом узнаем из «Очерка вятского пароходства» за 1887 год: «Буксирное пароходство сокращается летом до минимума: во весь

переезд от устья до слободы Кукарки только однажды, около Турека, обогнали мы булычевский пароход «Ламех», ведший уже на зимовку две порожние баржи, да выше Медведок встретили его же микроскопическую «Ласточку» с небольшим барказиком...»⁹⁵

Тот же автор, путешествовавший по Вятке на пассажирском пароходе «Филипп», подчеркнул заинтересованность вятских судовладельцев в ярмарочных рейсах:

«Мелководье не оставляет больших пароходов без дела, они рейсируют в это время до Нижнего Новгорода, что является не безвыгодным, так как начинающаяся в июле месяце Макарьевская ярмарка не оставляет пароходов без груза и пассажиров»⁹⁶.

Занималось перевозкой ярмарочных товаров и первое вятское пассажирское пароходство Э. Гакса: «Легко-пассажирские пароходы «Петр Гакс» и «Ока», — уверял владелец, — принимают ярмарочный груз из Вятки прямо до Нижнего Новгорода, а также обратно до Вятки»⁹⁷.

По его примеру в 1874 году пароходство Т. Ф. Булычева кроме традиционных трех буксирных рейсов ввело новшество, благодаря которому «ярмарочные товары до Нижнего будут отправляемы раз в неделю на пассажирских пароходах по особо объявленному расписанию»⁹⁸.

Однако одно дело объявить расписание, а совсем другое — его выполнить. «Казанский биржевой листок» за 1880 год поведал совершенно безрадостную картину: «...некоторые из наших торговцев, отдавших доставку на Нижегородскую ярмарку разных товаров — поярку, холстов и прочего... пароходчику Булычеву, очень сожалеют об этом, так как товар их, принятый назад тому три недели, и по сию пору стоит на пристани, тогда как отдавшие поставку братьям Якимовым получили уже телеграмму, что товар их доставлен в Нижний. Вода в реке Вятке в последнее время настолько убывала, что большие пассажирские и буксирные пароходы не доходят до Вятки, а лишь до Медведской пристани»⁹⁹.

Не всегда успевали благополучно доставить приобретенные на ярмарке товары и до Вятки. Из объявления пароходства Булычева, опубликованного осенью 1882 года, узнаем: «...товары, взятые на доставку из Нижнего Новгорода и Казани по случаю раннего замороза (так в тексте — прим. Е. Б.) оставлены в пути, а именно: ярмарочный первый рейс в Орлове, Котельниче и Кукарке; второй рейс в Медведке и Тушке...» В самых изысканных выражениях объявление информировало, что «товароотправители имеют принять кладь на месте зимовки с платою фрахта за провозенное расстояние». Судовладелец предлагал доставить товары «с места зимовки до места назначения сухопутно» на дополнительно обговоренных условиях¹⁰⁰.

Однако этому совету последовали, видимо, не все, поскольку через два месяца контора пароходства Булычева за подписью самого хозяина вновь «просит господ кладчиков принять товар, находящийся в баржах на зимовках и складах пароходства», предупреждая, что «за дальнейшее хранение товара... слагает с себя всякую ответственность»¹⁰¹.

С открытием ярмарки увеличивалась интенсивность движения пасса-

жирских пароходов. Причем стремились попасть на ярмарку не только торговые люди, но и учителя, чиновники, учащиеся, имевшие в этот период отпуск. Специально для пассажиров среднего и малого достатка местные судовладельцы организовывали «удешевленные» рейсы, которые выполняли пароходы с баркасами на буксире. В объявлениях всех вятских пароходств конца прошлого века регулярно сообщалось о 50-процентной скидке стоимости билетов, которой пользовались «учащиеся, народные учителя и учительницы».

В ту же далекую до нас пору добраться до Нижнего Новгорода удобнее всего было водным путем (железная дорога напрямую соединила Вятку с «карманом» России только в 1921 году). Грузо-пассажирские пароходы тратили на переход от Вятки до Нижнего Новгорода около четырех суток, а на обратный путь на 10–12 часов больше. Тяготы и неудобства дальней дороги с лихвой окупались впечатлениями от торжественного открытия ярмарки и просмотра многочисленных павильонов, сравниваемых современниками с восьмым чудом света.

Под одним флагом

В последнем году XIX столетия вятские пароходные «тузы» Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин и П. И. Александров объединились для совместной работы, создав фирму «Булычев». Под одним флагом они собрали 38 пароходов и огромный флот несамоходных судов (барж, гусан, «конторок», баркасов и др.). Созданное бывшими конкурентами акционерное общество в просторечье именовали «пароходной монополией».

Судя по «Воспоминаниям старожила» К. И. Клепикова, инициатором создания «пароходной монополии» выступил молодой виноторговец Петр Иванович Александров, который «предложил вятским пароходчикам Булычеву и Тырышкину составить союз, в противном случае он цену понизит. Имея в виду, что Александров будет большой конкурент, согласились на это предложение, союз состоялся...»¹⁰²

Он же сетовал: «...все лето не было ни одного рейса по удешевленной цене. До Александра... каждую неделю пароход Булычева делал рейс до Казани по удешевленной цене. Не нашел же Александров своему капиталу дела лучше пароходов, которое бы давало ему и обществу пользу...»¹⁰³

Впрочем, корень зла вовсе не в Александрове, как наивно считал добрый вятский старожил, а в свойственной эпохе империализма закономерности.

Конец XIX века на речном транспорте ознаменовался дальнейшей концентрацией судовладельческого капитала и созданием монополий. Это была общая для всех речных бассейнов России тенденция, обусловленная обострением конкурентной борьбы не только между отдельными судовладельцами, но еще между железнодорожным и речным транспортом в целом.¹⁰⁴

«Вятские монополисты» не были пионерами в деле концентрации капитала. На соседней реке Каме подобное объединение возникло на три года раньше между пароходствами Любимова и братьев Каменских¹⁰⁵.

Понравилось ли организационное новшество вятским пассажирам?

Один из них, скрывшийся под псевдонимом Омега, описывая дорожные впечатления лета 1900 года, возмущался: «Ввиду соглашения вятских пароходовладельцев... существует и другая такса... и другое отношение к пассажирам – повышенное. О прежнем зазывании и заманивании трехклассных пассажиров нет и помина. Все пароходы ходят под одним флагом, бояться конкуренции нечего»¹⁰⁶.

Вывод однозначен: пассажиры оказались в проигрыше.

Так, может быть, выиграли грузоотправители?

В одном из номеров местной газеты за 1901 год находим следующие факты: «...пароходство Булычева и К^о, оперирующее в настоящее время на Вятке на монопольном праве», существенно повысило тарифы за доставку грузов. Приведен пример: «...доставка груза... до г. Вятки обойдется по 60 коп. за пуд. А назад три года тот же ярмарочный груз отправлялся по 11 коп. за пуд и даже дешевле»¹⁰⁷.

По старой, булычевской, традиции «к неудобству публики» и для собственной выгоды «заправили» фирмы перегружали пароходы.

Созданием «пароходной монополии» оказались довольны только ее владельцы. 1 ноября 1900 года, в день Косьмы и Дамиана, они торжественно отпраздновали благополучное окончание навигации¹⁰⁸. Для вятских пароходных «тузов» настала пора подсчитывать барыши. Официальная прибыль была объявлена в 500000 рублей, хотя знающие люди утверждали, что она по меньшей мере в два раза больше¹⁰⁹.

Вскоре после создания фирма «Булычев» была преобразована в Товарищество Вятско-Волжского пароходства, устав которого правительство утвердило 21 декабря 1901 года. В октябре 1902 года на собрании пайщиков состоялось распределение «портфелей» в правлении товарищества. Директором-распорядителем стал Т. Ф. Булычев, вскоре объявивший себя миллионером, а директорами Я. Ф. Тырышкин и П. И. Александров.

Подводя итоги последней навигации XIX века, местная газета поторопилась заявить: «конкуренции на Вятке более не существует»¹¹⁰.

Однако конкурент все-таки появился. Об этом вятичи узнали из объявления: «В предстоящую навигацию по р. Вятке будут рейсировать от г. Вятки до Казани пароходы г. Москвина... Таким образом пароходству Булычева и К^о является конкурент, который может заставить понизить пассажирскую плату за проезд на пароходах компании»¹¹¹.

Однако вятичи радовались недолго – Москвин продержался на Вятке всего три навигации, а с 1905 года регулярные рейсы прекратил.

Не решилась конкурировать с Товариществом Вятско-Волжского пароходства возникшая в 1905 году «новая пароходная компания» купца Казенина. Два ее только что построенных товаро-пассажирских парохода «Кот-

лас» и «Вятка» на вятских плесах появлялись редко, предпочитая «совершать правильные рейсы между Казанью и Уфой»¹¹².

Так завершился процесс концентрации капитала в вятском судоходстве.

Спешили в Москву пароходы

Утро 25 августа 1904 года в Москве выдалось пасмурным и поначалу никто не обратил внимания на устало отдувавшийся паром пароход «Посланник» с баркасом на буксире. Матросы с пристани Качкова, ловко принимая чалки*, с удивлением слушали непривычную для них речь команды вятского парохода и не подозревали, что являются свидетелями исторического события – открытия сквозного водного пути от Вятки до Москвы.

Не думал и вятский купец Я. Ф. Тырышкин (1839–1903), давая название построенному в 1891 году пароходу, что оно станет символичным и судну доведется представлять далекую Вятку в первопрестольной.

А через несколько дней в г. Вятке нарасхват раскупали «Приложение» к газете «Вятские губернские ведомости», первым сообщившее сенсационную новость о новом успехе «вятских монополистов»: «...в Москву прибыл из Нижнего Новгорода и остановился у Ново-Спасского моста пароход Товарищества Вятско-Волжского пароходства «Посланник». Это первый пароход, открывший сквозной водный путь, о котором уже давно мечтали и говорили. «Посланник»... шел с железным баркасом, в котором нагружено было около 9000 пудов груза. Весь путь пароход сделал за 6,5 суток. Плавание его было благополучно, он удачно прошел все шлюзы и перекаты. Пароход встретили в Москве с большим интересом. На набережной, несмотря на ранний час, собралась большая толпа народа. Московская контора пароходства завалена уже требованиями отправить грузы на этом пароходе в Нижний Новгород... На пути при прохождении парохода в прибрежных селах Москвы-реки собиралась на берегу толпа народа, чтобы посмотреть на пароход, прибывший в Москву из далекой северной Вятки»¹¹³.

Рейс вятского буксира в крупнейший торговый центр России был закономерным следствием концентрации капитала в местном судоходстве. Организация новой буксирной линии, принесящая заслуженную славу вятским судовладельцам, стала возможной только после объединения их в акционерное общество с капиталом более 3 миллионов рублей. Совет директоров предприятия, верно уловив конъюнктуру рынка, рискнул открыть новый раунд конкурентной борьбы организацией регулярного буксирного судоходства до Москвы. Результаты не замедлили сказаться. О них узнаем из газеты «Вятский вестник» за 29 июля 1905 года:

«В навигацию прошлого года совершено было несколько рейсов (четы-

*Чалка – причальный канат, трос.

ре)... до Москвы, что вызвало такой наплыв грузов, от большинства их пароходная контора должна была отказаться. В настоящее время этот путь обслуживается пятью пароходами. Главный груз в Москву: кожевенные товары, кожа ярославская, кожа простая, овчина, пенька, рогожи, солонина, рыба, отчасти скобяной товар и разные домашние вещи. Из Москвы: мануфактурные изделия, чай, сахар, вина (в бочках и ящиках), железные товары, машины, патроны, дробь, стекло, посуда, вата, оберточная бумага, аптекарские товары»¹¹⁴.

Ветеран вятского флота пароход «Посланник» более десяти лет работал на линии Нижний Новгород – Москва, которая превратилась в участок маршрута от Вятки до Москвы общей протяженностью 2236 верст. Вятские пароходы, сменяя друг друга, преодолевали пять рек, бросая якоря в Москве. Линия успешно конкурировала с железной дорогой, расстояние по которой оказалось в два раза меньше.

Вскоре обострение конкурентной борьбы между железнодорожным и речным транспортом привело к объединению «пароходных монополий» в синдикаты. Последние одновременно с установлением единых грузовых и пассажирских тарифов регулировали численность флота, объемы перевозок и размеры прибыли. Таких крупных синдикатов в зоне интересов вятских судовладельцев было три: Волжский (образован в 1903 году), Камский (1909 г.) и Москворецкий¹¹⁵.

Товарищество Вятско-Волжского пароходства вступило в Москворецкий синдикат, возникший в 1910 году. Он регламентировал срочно-буксирное движение между Нижним Новгородом и Москвой. Из общего объема перевозок (5 миллионов пудов за навигацию) на долю Товарищества приходилось 24%, впереди «вятских монополистов» оказалась только компания «Ока» (28%). По условиям Москворецкого синдиката предусматривались одинаковые сборы за подвоз и хранение товаров и одинаковые страховые премии. Управлял синдикатом комитет, состоявший из представителей компаньонов, а для контроля за соблюдением условий соглашения был создан совет¹¹⁶.

Во время первой мировой войны объем перевозок сократился, но пароходная линия между Вяткой и Москвой продолжала действовать до 1918 года. В народе память о ее существовании сохранялась долго, передавалась от одного поколения к другому и обростала самыми невероятными домыслами.

Ветеран Вятского пароходства А. К. Казаковцев, переселившийся в начале 1950-х годов из Аркуля в затон Клетино на р. Оке, встретил там старика 1893 года рождения, хорошо помнившего восторг, с каким жители прибрежных окских селений встречали первый вятский пароход¹¹⁷.

Река и железная дорога

До конца XIX века в Вятской губернии речное судоходство занимало монопольное положение, поскольку гужевой транспорт серьезной конкуренции составить не мог. Строительство железных дорог в соседних губерниях поначалу не вызвало тревоги у вятских судовладельцев. Отражением господствовавшего в обществе мнения по этому вопросу служит выдержка из речи гласного Т. Борисова в апреле 1875 года: «...удобство и быстрота, с каким совершаются рейсы в течение целых шести месяцев, невероятная дешевизна фрахта не позволяют и думать, чтобы железная дорога, проведенная вблизи судоходных рек, могла конкурировать с речным пароходством... Пароходство убьет железную дорогу в самом ее зародыше и оставит нам в удел одно разочарование»¹¹⁸.

У современного читателя подобное опрометчивое утверждение способно вызвать только ироническую улыбку.

Конец XIX века – века пара и электричества – характеризовался относительным ослаблением позиций речного транспорта. Преимущества железных дорог к тому времени сомнений не вызывали: круглогодовые перевозки, высокая скорость движения, надежность работы. Сказывался и протекционизм царского правительства по отношению к железным дорогам, а также традиционное пренебрежение к нуждам речного транспорта. В отличие от железных дорог, на Вятке, как и на других реках России, не существовало единых тарифов и регламентированных условий перевозок. Вместо них действовали фрахты, размер которых определялся условиями навигации и конъюнктурой рынка.

Железная дорога, проложенная от Вятки до Котласа (регулярное движение открыто в 1899 году), вызвала прекращение сплавного судоходства по рекам Лузе и Югу, которое почти два столетия обеспечивало сбыт вятских товаров за границу через Архангельский порт.

Трезво оценив ситуацию, вятские судовладельцы сумели развитие конкурирующего вида транспорта использовать для своей выгоды. В их среде возникла идея соединения пристаней в г. Вятке с железной дорогой. Изыскания для этого начались в 1898 году¹¹⁹. Однако осуществление дорогостоящего проекта стало возможным только после объединения трех крупнейших судовладельцев (Т. Ф. Булычев, Я. Ф. Тырышкин и П. И. Александров) в акционерное предприятие.

Строительство железнодорожной ветки началось весной 1903 года. Руководил работами инженер Ю. В. Бок¹²⁰. Работы продвигались быстрыми темпами, в конце июля паровозы уже курсировали от строившейся станции Петербургской железной дороги до Трифонова монастыря¹²¹, а еще через месяц последние рельсы легли на свежееотсыпанную насыпь у пристаней, расположенных в Пятницкой слободе¹²².

Кроме прокладки железнодорожной ветки, потребовавшей расширения

набережной в Пятницкой слободе, были построены деревянные причальные стенки. Это давало Вятской пристани большое преимущество, поскольку на большинстве вятских, камских и волжских пристаней существовали только временные мостки у необорудованного берега.

С объединением пристаней трех крупнейших судовладельцев в единый портовый комплекс «заправили» Товарищества Вятско-Волжского пароходства в ходе реконструкции пристанского хозяйства произвели его разделение на грузовой и пассажирский участки.

Существенным недостатком совершенного по меркам начала века пристанского хозяйства являлось отсутствие средств механизации погрузо-разгрузочных работ, но избалованные избытком дешевой рабочей силы судовладельцы, имевшие неограниченную возможность найма артелей грузчиков, о механизации даже не думали.

Таким образом, в первое десятилетие XX века в Пятницкой слободе г. Вятки был закончен созданием уникальный портовый комплекс, представлявший собою довольно редкий пример соединения пристанского хозяйства с железной дорогой в единый транспортный узел.

Сливался табачный дым с пароходным

С конца XIX века нарасхват раскупалась махорка, расфасованная в пачки с изображением довольного мужичка, покуривающего самокрутку. Таким фирменным знаком была отмечена продукция «Табачно-махорочной фабрики торгового дома Я. Е. Небогатикова сыновья в г. Нолинске».

Сведения об основателе предприятия находим в «Особом приложении» к газете «Вятские губернские ведомости» за 1890 год, где среди «лиц, имеющих право... для выбора земских гласных» назван «Небогатиков Яков Евсеевич, нолинский купец. Владеет в Нолинске на праве собственности тремя домами, оцененными в 12000 руб., лавкой в 2500 руб. и табачной фабрикой 15000 руб.»¹²³

Трижды женившийся Я. Е. Небогатиков наследство завещал сыновьям от первого брака: Федору, Ивану и Михаилу. Дети от других жен ни в производстве, ни в торговле не участвовали.

Братья-наследники кроме выпуска махорки занимались оптовой торговлей рыбой, а для быстрой доставки своих товаров и сырья обзавелись собственным пароходством.

Первенец своего флота буксирный пароход «Мелекес» они приобрели в 1896 году и переименовали его в «Нолинск». В 1903 году Небогатиковы организовали на пристани Медведок сборку буксирного парохода «Дедушка», через год в составе их флота появились «Три брата» и «Внук», а в 1913 году — «Внучка» и «Аркульский затон»¹²⁴.

В 1911 году почувствовавшие свою силу нолинские судовладельцы пе-

реманили у Товарищества Вятско-Волжского пароходства опытного капитана Я. С. Голомидова и назначили его управляющим своим пароходством¹²⁵. На новой должности он проявил себя толковым организатором, создав конкуренцию хорошо ему знакомой «пароходной монополии» на популярной у вятчей грузо-пассажирской линии Вятка – Казань.

Пароходство торгового дома «Я. Е. Небогатикова сыновья» предпочитало работать самостоятельно, не вступая в соглашение с вятскими пароходными «тузами».

Среди других судов вятского флота пароходы Небогатиковых выделялись дымовыми трубами, раскрашенными разноцветными полосами¹²⁶.

Двадцать два года тонкие струйки ароматного дыма от самокруток, начиненных махоркой фабрики Небогатиковых, смешивались с клубами дыма их пароходов. Национализированный в 1918 году флот нолинских купцов был объединен с национализированным Товариществом Вятско-Волжского пароходства.

На этом завершилась богатая событиями история купеческого флота на реке Вятке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Савинов И.* О водных путях // Вятские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1857. № 37

2. Историко-статистические сведения о населении г. Вятки и его занятиях // ВГВ. 1881. 1 апреля. № 26.

3. Очерк торговых путей к Ношульской и Быковской пристаням, лежащим на реке Лузе // ВГВ. 1857. № 37.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

7. *Кузнецов А.* О соединении р. Вятки и Северной Двины железною дорогою // ВГВ. 1858. № 9.

8. Торговля в Вятской губернии // ВГВ. 1874. 22 июня. № 50.

9. *Михайлов В. Е.* Об основных торговых путях из Вятской губернии к Архангельску и торговым пристаням // ВГВ. 1859. № 16.

10. *Кузнецов А.* Причины, препятствующие распространению торговли в Вятском крае // ВГВ. 1858. № 11.

11. *Кузнецов А.* Об открывающемся движении пароходов // ВГВ. 1858. № 15.

12. Объявление Северо-Двинского пароходного общества // ВГВ. 1858. № 35.

13. Внутренние известия // ВГВ. 1867. 2 сент. № 35.

14. *Кузнецов А.* О соединении р. Вятки и Северной Двины железною дорогою // ВГВ. 1858. № 9.

15. Статистические сведения о торговле в Вятской губернии за 1879 г. // ВГВ. 1880. 26 июля. № 60.

16. *Чеботарев М. Н.* и др. Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 112.

17. Чекуров М. В. Загадочные экспедиции. М.: Наука, 1991.

18. Пароход на Вятке // Отечественные записки. 1855. № 8.
19. Очерк промышленности Вятского края // ВГВ. 1858. № 18.
20. Кузнецов А. О необходимости улучшений в ходе торговли вятскими товарами // ВГВ. 1859. № 8.
21. Разные известия // ВГВ. 1860. № 4.
22. Вятка 3 мая 1861 г. // ВГВ. 1861. 6 мая. № 18.
23. Там же.
24. Там же.
25. Пароходство // ВГВ. 1862. 8 декабря.
26. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отд., 1986. С.62.
27. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 470.
28. Н. К. Два слова о пароходстве по реке Вятке // ВГВ. 1868. 14 сентября. № 37.
29. М. К. Пассажирское пароходство по реке Вятке // ВГВ. 1870. 28 июля. № 60.
30. Объявление // ВГВ. 1875. 10 декабря. № 99.
31. Миротлюбов Н. Очерк вятского пароходства. 1887. 3 октября. № 79.
32. Блинов Н. Н. Сарапульская старина: первые пароходы на реке Каме // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 4. М., 1914. С. 159 – 163.
33. Там же.
34. Чеботарев М. Н. и др. Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 192.
35. Блинов Н. Н. Сарапульская старина: первые пароходы на реке Каме // Известия Сарапульского земского музея. Вып. 4. М., 1914. С. 160.
36. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 470.
37. Извещение Торгового Дома «А. В. Якимов с сыновьями» // ВГВ. 1893. 13 февраля. № 13.
38. Вятка и достопримечательности // ВГВ. 1874. 27 февраля. № 17.
39. Чеботарев М. Н. и др. Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 193.
40. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 48.
41. Вятская хроника // ВГВ. 1874. 24 апреля. № 33.
42. Чеботарев М. Н. и др. Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 220.
43. Вятская хроника // ВГВ. 1874. 24 апреля. № 33.
44. Вятская хроника // ВГВ. 1874. 13 июля. № 56.
45. Там же.
46. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 565.
47. Вятская хроника // ВГВ. 1876. 14 апреля. № 28.
48. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 565.
49. Река Вятка // ВГВ. 1877. 25 июня. № 51.
50. Разные известия и заметки // ВГВ. 1869. 1 февраля. № 5.
51. Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели: Мемуары. (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 420. Л. 18.).
52. Орловский эксперимент // Вятская незабудка: Памятная книжка Вятской губернии на 1877 г. СПб, 1877. С. 273, 275.
53. ВГВ. 1871. 7 апреля.
54. ВГВ. 1872. 11 марта. № 21.

55. Расчетная жалованья служащих пароходства Булычева 1876 г. (ГАКО. Ф. 200. Оп. 2. Ед. хр. 1.).
56. Там же.
57. Объявление конторы пароходства Булычева // ВГВ. 1877. 12 января. № 4.
58. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 622.
59. Оленин-Волгарь П. Река Вятка и Вятский край // Путеводитель: Товарищество Вятско-Волжского пароходства. Вятка, 1910.
60. Крылов А. Н. Мои воспоминания. Изд. 8-е. Л.: Судостроение, 1984. С. 45.
61. Там же.
62. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 622.
63. Горький М. Очерки и наброски // Самарская газета. 1895. 23 июня.
64. Никитина И. В. По следам героев М. Горького. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1981. С. 63 – 77.
65. Хроника // Приложение к ВГВ. 1899. 6 июля. № 78.
66. Хохлов А. Об истории вятского телефона // Вятский край. 1992. 31 марта.
67. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 622.
68. Стойлов Н. Богатое наследство // Вятский водник. 1960. № 126. С. 2.
69. Хроника // Вятский вестник. 1908. № 218. С. 3.
70. Васильев П. Жадный и скупой: из воспоминаний старого речника К. И. Бердникова // Вятский водник. 1960. № 126. С. 2.
71. Главная книга главной конторы пароходства Булычева 1880 г. (ГАКО. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 187.)
72. Расчетная жалованья служащих пароходства Булычева 1876 г. (ГАКО. Ф. 200. Оп. 2. Ед. хр. 1.).
73. Объявление // ВГВ. 1889. 25 января. № 7.
74. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 565.
75. Озеров Н. Яков Фомич Тырышкин (некролог) // Приложение к ВГВ. 1903. 27 сент. № 114. С. 2.
76. Хроника // Приложение к ВГВ. 1899. 13 апреля. № 44.
77. Хроника // Приложение к ВГВ. 1899. 6 июля. № 78. С. 2.
78. Озеров Н. Письма с дороги // Приложение к ВГВ. 1899. № 74 – 75.
79. Местный отдел // ВГВ. 1896. 31 июля. № 60.
80. Хроника // ВГВ. 1897. 12 марта. № 21.
81. Хроника // Приложение к ВГВ. 1903. 23 сент. № 112. С. 3.
82. Миролюбов Н. Очерк вятского пароходства // ВГВ. 1887. 3 окт. № 79.
83. Местный отдел // ВГВ. 1896. 1 мая. № 34.
84. Книга для записи разгружающихся судов и остановившихся на зимовку в 1899 г. (ГАКО. Ф. 200. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 90).
85. Рева А. Торговый дом коммерции советника И. В. Александрова. // Выбор. 1992. № 23. С. 10.
86. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 608.
87. К вопросу о местном речном сообщении // Приложение к ВГВ. 1900. 1 июля. № 78. С. 1.
88. Описание губернского города Вятки 1804 г. // ВГВ. 1867. 18 марта. № 11.
89. Вятское пароходство // ВГВ. 1862. 28 апреля.
90. Разные известия и заметки // ВГВ. 1865. 21 сентября. № 56.
91. О пароходстве по реке Вятке в 1871 году // ВГВ. 1871. 24 ноября. № 94.
92. Там же.

93. Объявление конторы пароходства потомственного почетного гражданина Т. Ф. Булычева в Вятке // ВГВ. 1872. 26 апреля. № 32
94. Объявление конторы пароходства Т. Ф. Булычева // ВГВ. 1873. 27 июня. № 51
95. Миролюбов Н. Очерк вятского пароходства // ВГВ. 1887. 3 окт. № 79.
96. Там же.
97. Пароходство по реке Вятке с открытия навигации 1873 года // ВГВ. 1873. 28 марта. № 25.
98. Контора буксирно-пассажирского пароходства почетного гражданина Т. Ф. Булычева // ВГВ. 1874. 10 июля. № 55.
99. Слобода Кукарка // Казанский биржевой листок. 1880. № 60.
100. Объявление конторы пароходства Булычева // ВГВ. 1882. 6 окт. № 80.
101. Булычев Т. Ф. Контора пароходства Булычева // ВГВ. 1882. 4 дек. № 97.
102. Клепиков К. Воспоминания старожила // Приложение к ВГВ. 1901. 8 февраля. № 17. С. 2.
103. Там же.
104. Чеботарев М. Н. Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 270.
105. Там же. С. 272.
106. Омега. По Каме и Волге (Дорожные впечатления) // Приложение к ВГВ. 1900. 1 июля. № 78. С. 3.
107. Вятский край на Нижегородской ярмарке // Приложение к ВГВ. 1901. 9 авг. № 94. С. 1.
108. Хроника // Приложение к ВГВ. 1900. 4 ноября. № 132. С. 2.
109. Хроника // Приложение к ВГВ. 1900. 30 дек. № 155.
110. Хроника // Приложение к ВГВ. 1901. 6 янв. № 3. С. 2.
111. Хроника // Приложение к ВГВ. 1902. 21 марта. № 35. С. 1.
112. Хроника // Вятский вестник. 1905. 9 апр. № 8. С. 1.
113. Транзитный сквозной водный путь // Приложение к Вят. губ. вед. 1904. 4 сент. № 106. С. 1.
114. Хроника // Вятский вестник. 1905. 29 июля.
115. Чеботарев М. Н. Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 272.
116. Там же.
117. Казаковцев А. К. Из истории частно-купеческого флота на Вятке. Рукопись. (Хранится в музее Вятского речного пароходства).
118. Борисов Т. Сообщение о направлении Сибирской железной дороги // ВГВ. 1875. 26 апр. № 33.
119. Хроника // ВГВ. 1898. 9 дек. № 97.
120. Хроника // Приложение к ВГВ. 1903. 24 мая. № 60. С. 2.
121. Хроника // Приложение к ВГВ. 1903. 29 июля. № 88. С. 3.
122. Хроника // Приложение к ВГВ. 1903. 28 августа. № 101. С. 3.
123. Список лиц, имеющих право на участие в избирательных собраниях, для выбора земских гласных на трехлетие с 1891 г. // Особое приложение к ВГВ. 1890. № 89.
124. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. М.: Транспечать, 1927. С. 608.
125. Хроника // Голос Вятки. 1910. 29 дек. № 279. С. 3.
126. Казаковцев А. К. Из истории частно-купеческого флота на Вятке. Рукопись.

Тамара Николаева

Династия Тромозовых Антон Чехов и Николай Коробов

Династия Тромозовых

Глава I. РОЖДЕНИЕ ДРАГОЦЕННОГО КОНСТАНТИНА

До Рождества Христова оставалась всего неделя. Самое торговое время! А Катерина вздумала родить. С утра ей не могло быть, все лежала. В лавку пришлось призвать Николая. Он чинил кибитку, из сарая слышался стук топора. Отцу жалко было отрывать парня от дела, но сам он уже не справлялся. С утра бегал по городу, присесть было некогда. А покупатели перед Рождеством шли и шли: один просит соли, другой — мучки, третий — масла. Давно не бывало такого наплыва.

Вошел Николай, ладный, плечистый. Скоро женихаться начнет. И тут Иван Иванович впервые горестно подумал: «Проходит мое время». Когда-то и он был таким же невысоким, на вид не могучим, а силенка была и немалая. Теперь иногда слабость одолевает, да и то сказать: скоро уже полвека исполняется. А какая бурная, какая тяжкая жизнь за плечами!

Николай охотно торговал в лавке. Легко поднял мешок, принес, поставил на весы. Улыбаясь, сказал отцу:

— Анютка прибежала, видели? Я спрашиваю: «Зачем ты, Анютка?» А она говорит: «Тетенька или дяденька должны выродиться».

Иван Иванович засмеялся. Девятилетняя внучка Анютка была забавницей. Ее, шустрю, всегда звали на помощь в трудные дни.

Да-а, долгая жизнь позади. У старших дочерей уже дети большие. А сколько пришлось схоронить, сколько кровных могил на кладбище...

Иван Иванович подошел к шкафчику, достал пузырек с чернилами. Надо взять в дом, вчера решил было писать, да неловко повернулся и опрокинул пузырек, все чернила вылил. Там, правда, и оставалось-то на донышке. А он любил писать, когда чернил много. Иногда, как стихи польются, до полночи писал, увлекался до самозабвения. Вот и сегодня держит пузырек, и вроде бы даже руки подрагивают: бросил бы все, да сел бы за свое писание.

Николай посмотрел на отца и легко улыбнулся:

— Папаша, пора закрывать, поздно уже.

Они заперли лавку, задули свечи. Наверху поднимались в темноте. Впрочем, наверху окна светились снежным светом. Луны не было, но декабрьская ночь будто исходила изнутри перламутровым свечением. Иван Иванович почувствовал тот сладкий трепет души, который всегда предшествовал рождению стихов. Но тут из-за двери послышался стон, потом хрип, потом крик. Мужчины остановились. У Ивана Ивановича сжалось горло. Всякое у них с Катериной бывает, ревнива она не в меру. Но все-таки, жалко ее, которого уже рожает, а мучается.

Николай потянулся было к ручке — дверь отворить, как она сама распахнулась. Анютка, на ходу застегивая шубейку, выскочила, ойкнула, перекрестилась и скатилась с лестницы.

Скоро пришла соседка, из-за стены слышались молитвы, звон тазов, что-то роняли, за что-то ругали Ивана Ивановича. А он, уединившись в своем углу, слушал и не слышал. Он писал. Писал просто отчет по торговле: что продавал, почему, сколько продал – а сердце радовалось. После цифр перо легко пришло к стихам. Вспоминал свою последнюю поездку в Архангельск, почему-то вспомнил прошлую масленицу. Должно быть потому, что сегодня Николай заметил: масла, мол, осталось немного, до масленицы может не хватить. Вот и вспомнилось прощенное воскресенье и написалось:

У кровати у одной
Прощался муж с женой.
Как рано расцветало,
Что ночи не слышали.
Лениво состоят,
Невесело идут,
Должны бани топиться,
К посту чтобы омыться.
Вот и Масленка прошла
И веселье унесла.
На рынках пустым-пусто:
Хрен, редька и капуста
Лишь только продается.
Лениво к ним идется.
О Маслянице вздыхают,
Прелестницу ругают:
Так тошно обманула –
Лисой как проскакнула.
Да, что ни говори –
Принимайся за сухари!

И вот когда была поставлена точка, из-за двери раздался довольно низкий, уверенный и солидный крик младенца. Иван Иванович отложил перо, подождал, когда высохнут чернила, убрал исписанный лист.

Дверь открыла Анютка:

– Дедушка, мальчик родился, – сказала она, не улыбаясь, глядя расширенными глазами. Бабушкины страдания еще отражались в ее лице.

– А, бабушка-то что? – спросил Иван Иванович шепотом.

– Уснула, – ответила девочка и судорожно сглотнула.

Иван Иванович погладил ее по голове.

– И ты пойдй спать.

Она кивнула и тихонько прикрыла дверь.

Он не скоро лег. Все писал. Вспоминал свое родословие. Вспомнил молодость. Счастлив ли был? Кто знает... Жизнь всяко поворачивалась. Почему-то сегодня на память приходило все грустное. Давно ли, кажется, кончилась Отечественная война, когда побили Наполеона? Вот уж выросло

целое поколение, которое войны и не знает. И у них уже дети в силу входят. Нужно же им рассказать, как дело было. О воинских подвигах другие напишут, а ему, Ивану Ивановичу Громозову, бог велел писать всю правду про свою жизнь. В назидание потомкам.

Он точно знал, что исполняет веление свыше, потому что чувствовал: как напишет лист, так и на душе легче, и сил вроде прибавится, и несчастья отступают. Сегодня вот писал, и сын благополучно родился. А как страдала-то бедная Катерина!

И всю неделю не оставляла Ивана Ивановича страсть к писанию. Николай улыбался, Катерина сердилась. Детишки норовили бумагу на свои шалости пустить. Иван Иванович, привыкший к укорам и усмешкам, закрыв лавочку, непременно садился за конторку, зажигал сальную свечу и писал. Особенно тепло становилось на душе, когда он слышал уверенный, солидный голос новорожденного. О нем и писал счастливый отец.

Семнадцатое декабря —
День приятный для меня!
Хотя я много затруднялся,
Стоя в лавке, торговался,
А по утру закупал,
Бегал взад-вперед, устал.
Кто мне бремя облегчит?
Кто мне придет пособить?
Ожидаю я супруги,
Ожидаю верна друга.
День уж к вечеру склонялся,
За мной лавка заперлася.
Я спешил тогда домой
Ко Катюшеньке своей.
Баба в горницу уж входит,
Катерину мою водит.
Пришел час — природы время:
Разрешилось тяжело бремя.
И родился третий сын,
Драгоценный Константин...¹

Если бы сумел многоуважаемый Иван Иванович хоть одним глазком заглянуть в будущее и увидеть, кем вырастет его любезнейший сын, драгоценный Константин! Каких детей он родит? С кем сведет его жизнь? Можно ли было предположить тогда в середине XIX века, что через шесть десятков лет сведет судьба слободского мещанина Константина Ивановича Громозова с видными деятелями русского живописного авангарда? Мог ли предположить религиознейший Иван Иванович, описавший в своем дневнике историю всех церквей города Слободского и всех «преосвященнейших епископов Вятских и Слободских, которых память моя достигает», что его

потомки станут убежденными атеистами, революционерами, будут встречаться и работать с одним из величайших врагов православия и самодержавия, с вождем Великой Октябрьской революции В. И. Лениным и его женой.

Глава II. Иван Филимонов сын Громозов

Дневник Ивана Ивановича Громозова хранится в Кировском краеведческом музее. Это удивительный документ, единственный в своем роде. Написан он человеком грамотным, может быть, не одаренным великим писательским талантом, но безусловно не бездарным. Главное достоинство дневника в том, что он написан честно! И это сделало его бесценным историческим документом. Иван Иванович был ровесником Пушкина, но и в конце жизни, когда слава Пушкина уже проникла в самые дальние и глухие уголки России, мещанин города Слободского И. И. Громозов писал свой дневник так же бесхитростно, безыскусно, как в молодости. Судя по всему, он знал стихи русских поэтов, есть страницы, написанные явно под влиянием популярной поэзии. Но про свою жизнь, про родной город он пишет по-прежнему просто и честно. Это позволяет сегодня краеведам использовать его записи для исторических изысканий. 5 октября 1989 года «Кировская правда» опубликовала заметку краеведа Е. Березина, много работающего над историей Вятского пароходства.

«Кричат: пароход, пароход, — говорится в ней, — и кричат: скорее. Нога легка, берега усыпаны гулявшими красавицами и сопровождавшими их кавалерами».

В уголке страницы гусиным пером сделан набросок парохода «Орлов» — самое старое из дошедших до нас изображений вятских пароходов. Судно с высокой трубой, гребными колесами и небольшой надстройкой в средней части корпуса. Форштевень (носовая часть судна) наклонный, как у старинной расшивы, а за кормой — большой деревянный руль баржевой конструкции. Штурвала нет, рулем управляли при помощи длинного деревянного румпеля из толстого бревна. В кормовой части корпуса видны три квадратных окна — иллюминатора пассажирских кают.

Впечатление от увиденного чуда тогдашней техники оказалось столь велико, что вдохновило И. И. Громозова на сочинение таких (несовершенных, но в данном случае это неважно) стихов:

Ныне сильный великан
Быстро воды растолкал,
В поверхности дым клубится,
Пар клокочет, ось вертится,
А колесные лопатки,
Рассекая струи Вятки,
Быстро, шумно завертятся,
Буграми валы стремятся.
Против стрежи шел вперед
«Орлов» — быстрый пароход.²

В дневнике Ивана Ивановича много ценнейших сведений. Он не пропустил ни одного пожара, наводнения, ни начала, ни окончания строительства церквей, казенных строений. Он оставил отчеты о всех ярмарках, в которых участвовал: что продавал, почем, сколько продал. Описал всех епископов и бургомистров. Но это вошло в его писания потом. А начал он так. Взял лист-осьмушку обыкновенной бумаги (сегодня она кажется роскошной: плотная, тонкая, желтоватая, за полтора века не растрепавшаяся и не сломавшаяся) и написал:

«Родословие, сочиненное Слободским мещанином Иваном Ивановичем Грозовым как память родителей достигает». То есть написал то, что помнят и рассказали ему его родители³.

Давайте и мы из середины XIX века перейдем еще лет на 100 назад.

Официальные документы, хранящиеся в Государственном архиве Кировской области, упоминают впервые Грозовых в 1783 г. Речь идет об отце Ивана Ивановича.

«7 апреля 1783 года в Слободской градской избе был заслушан Указ коим повелено справлять почты из губернского города Вятки в здешний город Слободской еженедельно по средам пополудни во втором по десять часу а здешнего городу в губернский город Вятку еженедельно по понедельникам предполудню во втором на десять часу солдатами здешней штатной команды по подорожным». И среди многих подписей мещан указано, что вместо Ивана Грозова подписался Антон Зязев⁴. Отец стихотворца был неграмотным.

Есть еще один занятный документ.

«В Слободской городской магистрат из градской избы от градского старосты Алексея Кошкина и мещанского сборщика Мартына Ковырзина

Доношение

Сего октября 9 числа по присланному Ее Императорского Величества из Слободского городского магистрата в градскую избу к нам старосте Кошкину и сборщику Ковырзину с мещанством указу велено для отдачи в нынешний 783 год по четвертной ревизии набор рекрут пристойное число с указанным награждением; выбрать из Слободского мещанства отдатчика одного человека достойного и очередного и по выборе оного при зарученном мещанском приговоре дела приводу и присяге объявить в Слободской городской магистрат при доношении немедленно; и во исполнение объявленного повеления города Слободского мещане при собрании в градской избе с общего согласия приговорили и выбрали для отдачи в рекруты в отдатчики из мещанства Ивана Филимонова Грозова, на которого зарученный мещанский приговор и предъявляем при сем»⁵.

Иван Филимонов выполнил поручение – сдал четырех рекрут, о чем тоже есть документ. Сын его, однако, оставил свидетельства о более раннем историческом периоде. Свое «Родословие» он начинает со своего прадеда. Когда жил этот прадед? Иван Иванович не ставил дат, которых не знал. Давайте попробуем догадаться. Будем считать, в среднем, что сын

рождался, когда отцу было 25 лет. Значит, первая фраза «Родословия»: «Василий Громозов имел двух сынов Мартела и Филимона» может относиться к 1735–1740 гг. Вот откуда начинается история старинной династии, которую мы хотим проследить. Задача эта, надо признаться, неимоверно трудная. Проследим мы всего две веточки этого широко раскинувшегося родословного древа. Громозовы за свою историю породнились с множеством слободских и вятских фамилий. Дочери выходили замуж за Кошурниковых, Кошкиных, Чуватиных, Косаревых, Греховых, Смолиных, Платуновых, Поповых, Ефремовых. Получается, что коренные жители Слободского сегодня все родственники, одна большая семья. Хватает ли ладу в этой семье? Бережет ли она свое достояние, приумножает ли его?

Глава III. Летописец

Через сто лет после того, как Иван Иванович Громозов писал свое знаменитое родословие, его внучка Ия Константиновна написала свои воспоминания.

«Мои предки были выходцами из деревни Громозовы Слободского уезда, — писала она. — Разбогатев на торговле, они записались в купцы, переехали в Слободской и выстроили каменный двухэтажный дом с мезонином и двумя магазинами, но к концу 80-х годов, когда я родилась, от прежнего богатства ничего не осталось, семья была накануне разорения.

Деда своего я не помню, но очевидно это был образованный по тому времени человек, так как после него осталась довольно значительная библиотека, где была не только художественная литература, но и книги по истории и естествознанию.

Мне досталась в наследство бухгалтерская книга деда, где наряду с торговыми записями находились описания города Слободского и стихи его сочинения. Моему деду я обязана и редким по тому времени именем — Ия»⁶.

В этой самой бухгалтерской книге мы читаем: «Василий Громозов имел двух сынов Мартела и Филимона. Мартел продолжал жить в звании мещанина и имел двух сыновей и двух дочерей. Занятие имел — ходил на судах в работе на Волгу и был человек крепкого сложения. Мог нести по 10 пуд. Росту довольно сновитый, а под старость — горбатый. Не имел седины до смерти.

Филимон Васильев Громозов имел ремесло чоботное. Хорошо обрабатывал сапоги, ходил на Волгу. Женившись... он имел пристрастие к горячим напиткам. Но бабка наша Анна Андреевна была строгой и вспыльчивого нрава, старалась отвратить дедушку Филимона Васильевича от употребления оных. Делала всевозможные усилия, но не имела успеха превозмочь его пристрастие. Но чрезмерным настоянием столько огорчила, что дедушка решился навсегда оставить Слободской, почему в цветущих летах удалился, оставив терпеть сиротство супругу, двух сыновей и четырех дочерей при имуществе на пропитание 3 хлеба непеченых, на 3 копейки соли и на 3 копейки наличных денег и водворился, как слышно было, в Астрахани.

Сын Филимона Громозова, Иван остался на 3-м году сиротой, воспитывался родственницей. Сначала «вступил в работу по 3 копейки в неделю шить надолонки. А когда возрос, получал за усердное шитье рукавиц по 3 копейки на день. Цены, существующие тогда хлебу, по 3 копейки за пуд».

На 26 году женился на Евдокии, дочери секретаря городского магистрата Бориса Котельникова.

С 1810 года был избран мещанским старостой... Горячих напитков не употреблял до 40 лет. А потом имел слабость. Но мужественный дух его и крепкое сложение дали ему возможность воздерживаться, когда надо... Не опохмелившийся, он имел вспыльчивый нрав, при том был вельми правосуден, чистосердечен. Ложь и лесть ненавидел. Верил в предсказание в молодости, что умрет в 70 лет»⁷.

Умер он в 1818 году. «С 1817 года зашиблен был параличом». Супруга пережила его всего на год. Если предсказание сбылось, значит, он родился около 1748 года.

Именно он, Иван Филимонов Громозов первый разбогател. Его выбрали в ларечные – это одна из контрольных должностей – он прослужил 4 года. Вернувшись, купил дом. Потом построил новый, а старый уступил брату Василию. Потом выстроил еще дом, магазин, амбар.

Вообще Громозовы честно и усердно служили своему городу. Во множестве документов упоминается их фамилия.

Слободской в XVIII веке был крупным торговым городом. Купцов там было больше, чем в Вятке, и торговый оборот был больше. Жизнь шла солидная, размеренная, со своими проблемами, большими и малыми задачами. Иван Филимонович отправлял рекрут, принимал решения об организации почтового сообщения между Слободским и Вяткой. В качестве гласного он принимает к исполнению «Указ Ее императорского Величества самодержицы Всероссийской... о сборе с купечества процентов, а с мещанства подушной... В особливую казну... но с тем однако, чтобы кроме нужных и необходимых на содержание магистрата и городских дел расходы на другие не принадлежащие надобности употребляем не был...»⁸

Вот она, заря нашей бюрократии!

Впрочем, взглядываясь в эти старинные документы, можно открыть и нечто другое. Вот своеобразный финансовый план городского магистрата на 1798 год. Следует заметить расположение расходов по степени важности. Первое – на содержание канцелярии, второе – на богадельню, то есть на содержание убогих и больных, а уж потом на все остальное. Богадельню содержали горожане. Об этом стоит вспомнить сейчас, когда мы за опытом благотворительности ездим в Америку. Благотворительность в уездном городе Слободском существовала тогда, когда и Америки-то еще в сущности не было.

«1798 года января 21 дня. По Указу Его Императорского Величества в Слободской градской думе: имея рассуждение, что срок платежей государственных податей на 798-й год первой половины уже наступил да и на об-

щественные городские расходы непременно положить должно: а именно: в городском магистрате приказнослужителю подканцеляристу Петру Платуну и Никандру Платуну же двести пять рублей, градским писарям Семену Косареву сорок рублей, Флору Зяблову пятнадцать рублей, богоделенным нищим девятнадцати человекам каждому по два рубля по пятнадцати копеек – итого сорок пять рублей пятьдесят копеек, за перевод городских часов в год двадцать рублей, за отправление городской одинарной почты возчику Михайле Шиرونину в год двести пятьдесят рублей и наперед пятьдесят рублей. Находящемуся в здешнем городе учителю за январскую и майскую сего года трети сто двадцать рублей, ему же по силе устава на свечи и дрова десять – итого сто тридцать рублей. За отправление письменных дел в сиротском суде и городской думе Ивану Поторочиннову в половину пятнадцать рублей, на наем сторожей в Слободской городской магистрат Фоме... двенадцать рублей пятьдесят копеек, в городской думе и в училище Александру Ашихмину двенадцать рублей пятьдесят копеек. В сиротском и словесном судах Егору Мерзлякову двенадцать рублей пятьдесят копеек, за клеймение серебра в год один рубль шестьдесят одну копейку, пробирному мастеру Юрасову годового жалования шестнадцать рублей пятьдесят две копейки, за переплет разных дел десять рублей, за привод к присяге к разным должностям в год пять рублей, за поставку чернил в год пять же рублей, за отправление почты штафетом до нового года сто рублей, задержано бывши старостой Дряхловым во второй 797 года половине на городской расход тридцать один рубль пятьдесят три копейки. Да еще на покупку сургуча, бумаги писчей, воску, свечей сальных, дров, на починку мостов, на пожарные инструменты и на прочие необходимые по гражданству надобности двести пятьдесят девять рублей шестьдесят восемь копеек. Итого одна тысяча восемьдесят рублей двадцать четыре копейки...»⁹

И училище содержали тоже горожане. Похоже, российское государство испокон веку было скуповато на социально-культурные нужды народа.

Из центра же шли указы весьма занятные. По пятницам собирались в градскую избу гласные городской думы, среди них и удачливый торговец Иван Громозов и слушали «сообщение Слободского городского магистрата от 29 января к сведению о высочайшем Его Императорского Величества соизволении дабы нигде ни в какое время иллюминации не было, кроме дня Светлых Пасхи и особо повеленных дней...»¹⁰

С приближением весны у торгующих людей хлопот прибавлялось. Скоро тот самый светлый день Пасхи, одна за другой потянутся ярмарки – только поворачивайся! А тут как раз, того гляди, вскроются реки, дороги размокнут. Хлопотное время. А в думе новый указ – теперь уже не царский, а правительствующего Сената «...от 19 марта... прислана с указа правительствующего сената о высочайшем запрещении всем чинам впредь ездить в маскарад без маскарадного платья копия»¹¹

Ия Константиновна писала: «Расположенный на крутом левом берегу Вятки, тогда еще довольно многоводной, Слободской был сравнительно

крупным торговым пунктом по торговле пушниной и лесом. Река являлась удобным путем сообщения. Это подтверждает и самое расположение города. Все каменные дома с торговыми помещениями были расположены, главным образом, на набережной улице, вблизи спуска к реке – «взвоза», как называли в моем детстве.

Массивные каменные стены мужского монастыря, расположенного также на берегу реки Вятки, указывают на то, что он также был крепостью в защите от врагов»¹².

Город жил полнокровной жизнью. Сюда приходили не только царские и сенатские указы. Один из них приглашал слобожан приобщиться к европейской культуре:

«...Слободскому купечеству и лучшему мещанству объявить с подписью – не пожелает ли кто из купечества или мещанства оного наместнического правления получать на 784 год из московского почтамта российские и иностранные газеты, ведомости и журналы, собрав от присутственных мест сведения на желающих получить. Деньги сдачею в казну показанного количества денег и что об оном покажут заручит ту подписку Слободской городской магистрат...»¹³

Иван Филимонович наверняка не выписывал, ибо был неграмотным. Но были и грамотные, и богатые. Вероятно, подписывались. И долетал до Слободского пусть и с задержкой, голос далекой столицы, может быть, и слабый отзвук событий зарубежных.

И сам Громозов не все сидел в Слободском.

1 марта 1789 года: «Дана покормежная мещанину Ивану Громозову в Российские города для приобретения трудолюбием пользы сроком на девять месяцев»¹⁴.

6 марта 1789 года:

«Дана покормежная мещанину Василию Громозову в Российские города для приобретения трудолюбием пользы сроком на девять месяцев»¹⁵.

Куда отправились братья весной 1789 года? Мы не знаем и вряд ли узнаем. Его сын спустя 30–40 лет будет в подробностях описывать каждую свою поездку – в стихах!

Мог Иван Филимонович в одну из пятниц услышать и такой, на первый взгляд, странный указ:

«...о непочитании данного из орловской палаты суда и расправ бывшему Полтавского легионного полку бригадиру и кавалеру Василью Денисовичу Давыдову на сто сорок душ для представления в залог казне свидетельства за действительное...»¹⁶.

То есть, признается недействительным свидетельство, выданное Василию Денисовичу Давыдову, о том, что он заложил в казну 140 крепостных душ. Вспомним, что сюжет «Мертвых душ» подарил Гоголю Пушкин и сказал, что этот случай был с одним из его друзей. Уж не с Денисом ли Давыдовым? Не его ли отец – бригадир Полтавского полка – пытался заложить в казну мертвые души? Мы точно знаем, что этот указ был зачитан в Слобод-

ской городской думе, когда гласным был там Иван Филимонович Громозов. Соприкосновение Громозовых с великим романом весьма гипотетично. В дальнейшем жизнь поставит представителей этой семьи в такие положения, какие не придумать романистам.

Будут неравные браки и опалая любовь, будет тюрьма и непредсказуемое вызволение, будет трудовой подвиг и трагическая гибель, и сквозь все годы и все невзгоды, сквозь жизнь нескольких поколений Громозовых пройдет поэзия. И первым поэтом был Иван Иванович Громозов.

Глава IV. Непобедимая любовь к поэзии

Иван Иванович Громозов родился в 1798 году 8 сентября.

«Воспитан я в доме родителей, стоявшем среди Красной площади города Слободского. Поступил в обучение русской церковной грамоте в 1804 году к мящанке Сивковой». Обучение было недолгим и, как видим, малопродуктивным. Тем более уважения достойно упорство, с которым Иван Громозов преодолевал недостаток образования. Помните? – он оставил библиотеку исторических и естественнонаучных книг. И стихи со временем совершенствовались, если первые неуклюжи и наивны до смешного, то среди последних есть фрагменты истинно поэтические.

Вот как в начале творческого пути он описывал свирепствующую в Вятской губернии в 1830 году холеру. В Слободском приняли охранительные меры, и холера сюда не проникла.

Слышно грома звук раската издали –

Страх и трепет Слободскому навели.

Так жестоко испугались,

Злой холеры убоялись!

Творец мира защитил,

Праведный гнев обратил,

Наша вятская страна

Творцом мира спасена.

Славьте его из рода в род

Кроткий вятский народ!¹⁷

Следующий 1831 г. у Ивана Ивановича был поистине трагическим. «Несчастье, Эпоха для Слободского – Великий пожар», – записал он. А потом удивительно красочно, горестно описал смерть жены.

«Потом благословила детей... Екатерину – спанчою, стоящую 150 р. ...Вторую Елизавету – благословила юбкой в 130 р. и целковым (та побежала хвастаться благословением, а ей сказали: ты продала родную мать за столь дешевую цену)... Третью Александру благословила алой гранатуровой юбкой, стоящей 70 р. и целковым».

Через четыре месяца он «вступил в супружество третьим браком с Катериною Яковлевною из дома Кошурниковых». Этот брак был в жизни Ивана

Ивановича безусловно фактом важнейшим. Именно в это время он и начинает свое родословие, просыпается в нем и растет поэтический дар. Судя по его дневнику, отношения его с женой так и не вошли в колею обыденности. Всю жизнь он объяснялся ей в любви и всю жизнь в чем-то оправдывался. Эта женщина неустанно вдохновляла мужа до самой его смерти. Она не писала стихов, но, видимо, обладала не менее редким талантом женственности и любви.

Ее родная сестра Евдокия вышла замуж за Василия Захаровича Ефремова. Ефремов был моложе Громозова на 3-4 года. Мы знаем это из «Хронологии семьи», составленной Николаем Николаевичем Ефремовым. Он был внуком Василия Захаровича и правнуком Ивана Ивановича Громозова. Судя по его «Хронологии», сестры были довольно близкими по возрасту. Значит, третьим браком Иван Громозов взял в жены девушку совсем молодую. Ему было 34 года, а ей было ли 20? Мудрено ли, что она была его музой?

К тому же она рожала ему сыновей (от двух первых браков было три дочери). Через девять месяцев после свадьбы родился Николай (21 марта 1833 года). Эта дата нам пригодится, запомним ее. А потом идут записи боковые, но все они складывались в судьбу:

«Выдана в супружество дочь моя Екатерина за слободского мещанина Ивана Петровича Кошкина»

«Родился Иван Иванович Громозов».

«Скончался Ванюшенька».

«Родилась внучка Анна Ивановна Кошкина».

«Родился сын Афанасий (1836 г.)».

«Скончалась родительница жены моей Марья Ивановна Попова, бывшая в супружестве за Яковом Ивановичем Поповым»¹⁸.

Родился Александр, потом Владимир, Михаил. Они недолго прожили.

Здесь мне хочется сделать одно отступление. В 90-х годах XVIII века Иван Филимонович Громозов был гласным городской думы. В 1785 году городничим в Слободской назначается Петр Федорович Чайковский.

В метрической книге есть такая запись о рождении: «20 июля 1795 года у находящегося города Слободского в должности городнической Петра Федорова сына Чайковского – сын Ильи. Крещение 23 июля, крестил протоиерей Тимофей»¹⁹.

Не мог не знать гласный Громозов о рождении сына у городничего! Но не мог знать тот самый гласный Громозов о том, что сын новорожденного Ильи станет великим русским композитором. И пластинки с его музыкой прилетит из Петербурга кубо-футурист Матюшин своему тестю Константину Ивановичу Громозову – «любезнейшему сыну, драгоценному Константину».

Когда Петр Федорович – дед великого Чайковского – уехал городничим в Глазов, связи его со Слободским не порвались. Дочь Евдокия Петровна вышла замуж за города Слободского земского суда заседателя Василия Павловича Попова²⁰. Не родственник ли это скончавшейся в 1847 г. тещи Ивана Ивановича Громозова?

Вернемся, однако, в дом Ивана Ивановича. Он усердно записывает семейные события – родился, умер, был пожар, ездил на ярмарку, строится дача. Чаще всего и стихи об этом. Но вдруг прорвется:

За любовь ведь мне расплата клеветой,
И за нежность награжден одной мечтой.
А за верность я презренье получил -
Перенести обид теперь уж нету сил.
Вознесла мысли порочная жена .
Потеряв девство вступила за меня.
Всей горячности препоны разорву,
Презрю ту теперь которую люблю...
Племя злое из ехидны изошло,
Ты терзаешь теперь грудь мою за все
Разорвал бы я оковы у себя,
Но могу ли разорвать, детей любя?...

И еще одно терзает душу – дочери от второй жены. Любимая Катерина, его муза, была, видимо, не ангельского нрава. И падчерицам вряд ли жилось с ней легко и весело. Отец, чуткий и добрый, жалел их, понимал. И написал такой задушевный разговор Лизы и Сашеньки:

«Где мать наша родима,
Которая жизнь дала?
Открой же мне сестрица,
Кто такова была?»
Так Сашенька вещала,
Во горнице сидя.
Но Лиза вздохнула,
Взревши на ея.
«Была нам мать родима
Резва и весела,
Но я тогда сестрица
Мала еще была...
... Почтенно для нас имя
Наследовала ты,
Ее приятный образ
И милые черты».
Ей имя Александра
Самойловна была
Любила нас сердечно
И нежила всегда.
Любила всей душою,
Ласкала иногда,
Но с лаской и любовью
Учила нас тогда:

Как в жизни наслаждаться
К друзьям учтивым быть,
И богу покоряться,
Его всегда любить...
.... Любите добродетель,
Невинность, простоту,
Храните непорочность
И милу доброту.
За делом находиться
И лень презирать,
Начавши, не лениться,
Стараться окончать.
Но в цвете молодых лет
Скончалась она.
Той уж боле нет,
Котора нам мила...
... Мы малы, слабы, робки,
В нас нежные сердца.
Нельзя быть без ошибки,
Чтоб не гневить отца.

Недолго гневался Иван Иванович на свою жену. Вот пришла надобность ехать в Пермь. И он сочиняет песню на голос известной песни «Там далеко за горами»:

Я, расставшись с Катериной,
В скуке время провожу,
Без тебя, о, друг мой милый,
Я в Перми в тоске сижу,
Я в Перми в тоске сижу.
Тем несчастлив я на свете:
Ты ревнуешь, знаю, мне.
Сердце, видит бог-создатель,
Что всегда верен тебе.
Я всегда верен тебе!

Еще позже, уехав на север, он снова будет сетовать:

Неприятна мне разлука,
Грудь снедает мою скука,
Я хожу из дому в дом,
Чтобы скуку-то развеять,
И вздыхаю за чайком,
И не знаю, что мне делать.
Без тебя не жизнь, а мука,
И в веселом пире – скука.

Из любой поездки он рвался домой к своей музе, к своей семье.

Надо сказать, что многие наследники Ивана Ивановича унаследовали эту способность, не будучи домоседами, быть влюбленными в свое семейство, в свой дом. Сегодня это качество такое редкое – кажется драгоценным. Теплый дружеский дом, семья, где тебя любят, создают атмосферу защищенности, неперенной поддержки, только в этой атмосфере и может родиться творческая, неординарная личность.

...Долго мне будет томиться
В удалении от своих?
Помоги, бог, возвратиться
Во объятия родных!
Я из краю к тому Раю,
Где рождение получил,
Возвратиться так желаю
Изъяснить почти нет сил.
Река Силка, река Кобра,
Ты теки, теки быстрее,
Для меня будь столько доброй:
Пронеси суда резвей!
Пронеси до Слободского
По поверхности своей
До семейства дорогого
Донеси меня скорей!²¹

Вообще, на мой взгляд, эти годы – с 1833 по 1846-50 гг. были самыми плодотворными в жизни Ивана Ивановича. Он пишет очень много, и не только дневниковой поэзии. Вот довольно длинное стихотворение, описывающее масленицу 1835 г. Сколько в нем наивного очарования и вместе с тем точных наблюдений. И как близко оно к народным лубочным стихам. Немаловажное обстоятельство! Оно тоже даст свои плоды позже – через сто с лишним лет в Кировском издательстве будут опубликованы народные песни, записанные внуком Иваном Николаевичем Громозовым, и навсегда войдут в обиход ученых-фольклористов²².

Масленица 1835 г.

А что за торжество
Во городе открылось?
Иль ново божество
Какое в нем родилось?
Граждан всех отличают
Веселые лица
Их спросишь – отвечают:
«Уже масленица!»

А жизнь идет. Иван Иванович набирает общественный вес. В октябре 1840 года он закончил строительство нового гостиного двора.

Минуты в жизни есть счастливые
Могу ль об них я умолчать?
Труды понес я терпеливо –
Гостиный двор здесь созидать.
Но что ж награда мне за это?
И вот чего я заслужил:
Воскликнул дьякон: «Многи лета»
Сей звук приятен сердцу был...

В 1844 году, как мы помним, родился Константин Иванович. Николаю шел уже 12-й год. Через 5 лет он уйдет по обету в Соловецкий монастырь. Все Громозовы проделывали этот путь, с Соловецкого монастыря начиналась самостоятельная жизнь. И сам Иван Иванович в 1814 году посещал Соловецких чудотворцев. И вот теперь сын Николай.

Дражайший мой сыночек,
Как ясный соколочек,
Освободясь от дел,
Вспорхнул и полетел.
Исполнити обет,
Презревши радость лет,
По устью Двины
Во северны страны
Пред те волны морей
Достиг монастырей
С усердьем помолиться
И здраву возвратиться...

Один ходил! И хотя по всему пути жили купцы, знавшие Ивана Ивановича, торговавшие с ним, все же уход из дому 16-летнего юноши отца волновал. Поход этот обычно продолжался около года. Вернувшись, можно было и жениться. Николай Иванович не стал тянуть, и в апреле 1851 года взял в жены Марью Петровну из рода Платуновых. О ней мы знаем мало. У нее и Николая Ивановича Громозова было шестеро сыновей. Самый младший Иван родился в 1872 году. О нем разговор будет особый. Скончалась Марья Петровна в 1910 году. Внук ее Н. Н. Ефремов записал в «Хронологии семьи»:

«1910 г. Май 15. Скончалась бабушка Мария Петровна Громозова от переворота кишок. Заболела у дяди Николая Ивановича, своего сына, приехала от него 13 мая. Бабушка удостоилась приобщения и соборования. Отличительными чертами ее характера были добродушие и трудолюбие»²³.

Я очень боюсь, что из моего рассказа получается, будто я считаю самого Ивана Ивановича Громозова наивным. Нет, он был веселым поэтом,

склонным к лирическим излияниям, но человек был умный, деловой, со своим устоявшимся мировоззрением. О восшествии на престол царя Александра I в 1857 году он возвещает торжественно. Запись сделана крупно, украшена завитками. Лист с этой записью заполнялся тщательно, с истинной любовью. О реформе же 1861 года, отменившей крепостное право, упомянуто вскользь – пришел, мол, вот такой манифест. Зато другая реформа – в области организации торговли спиртными напитками – взволновала его. И он написал чуть ли не самое длинное свое стихотворение. Вот фрагмент из него:

Для разгульных мужичков
Настроено кабачков.
Взор на вывеску кинь –
Здесь продажа разных вин.
Тут был флигель и анбар –
Продают жидкий товар.
...И заводский господин
открывает магазин,
Блестят вывески златые,
Стоят вина дорогие.
Да и хлебное вино
С ними рядом внесено.
Все на вынос продается,
И веселье в души льется.
Видим выгоду немалу:
Купить водку из подвала.
...Веселей ходят, гуляют,
И кручину забывают.
Вместо штофу – два возьмем
И в охотушку попьем.
...Ножки шатаются, катятся,
Мужики к земле валяются.
Хочется штоф опростать,
Да не может с места встать,
Развалился, как свинья;
Веселись душа моя.
Для веселия другого
Всем молчать, молчать, ни слова!

Какая, однако, у нас это застарелая болезнь – питейные реформы!

В эти же годы – 1862–63 – состоялось семейное путешествие Громозовых – Иван Иванович с женой, сыном Константином и товарищем своим И. И. Шулаковым ходили на богомолье на Соловки: через Вятку, Орлов, Великий Устюг, Архангельск. Константину исполнилось 17 лет.

Был Громозов религиозен, верен самодержавию. И его деятельность во

славу города была отмечена не только словословием дьякона с амвона городского собора, но и знаменательным событием: в январе 1865 года «по выборам градского общества утвержден губернским правлением 2-й гильдии купец Иван Иванов Громозов в должность вступил БУРГОМИСТРОМ». Так и написано большими буквами. Рад был Иван Иванович, в этом нет сомнения. Но когда через год магистраты волею высочайшего Указа были упразднены, Иван Иванович принял этот факт вполне философски: записал, что «августа к 1 числу закрыли и дела сданы» и сочинил длинное рассудительное стихотворение под названием «Последний бургомистр»:

В высочайшей было воле
Магистраты упразднить.
Полтора сто лет иль боле
Граждан силен был судить.
...Давным давно устарели
Магистрата слабы члены,
В бессилии ослабели –
Так нужны и перемены.

Константин Иванович уже и на Соловецком богомолье побывал, и начал активно помогать отцу в торговле (в 1868 году он самостоятельно торговал холстом на ярмарке в Вятке), а вот жениться не спешил.

Глава V. Родословная веточка становится стволом

Традиционно Громозовы были домовитыми: женились рано, детей имели помногу, с удовольствием строили дома, много работали. Именно семейное благополучие было целью работы и жизни. Что-то было в этом провинциальное, но и завидно здоровое. А вот Константин не спешил с женитьбой. И тогда обеспокоенные родители взяли инициативу в свои руки. Свадьбы других детей отмечались просто дневниковыми записями. А женитьба младшего удостоилась стихов – причем, интересны эти стихи не только тем, что имеют отношение к судьбе наших героев, но и с точки зрения житейских наблюдений. Свадьба была не совсем обычной, женился Константин на своей двоюродной сестре, к тому же мать невесты была при смерти.

Долго Константин гордился,
Не хотевши в брак вступить,
Увидев Ольгу, он решился
Любовь и жизнь свою делить.
Отец и мать уже согласны,
Да разрешит ли архиерей?
Истрата времени напрасно,
Константин нанял лошадей.

Явился с просьбой к Аполлосу:
Немедленно разрешено!
Свободно, вольно после спросу
Священником благословлено.
А после Божьими судьбами —
И грусть печали заняла —
Любимая сватьюшка нами
Жестоко вдруг занемогла.
И поскорее торопились
Сколь можно свадьбу совершить,
Придана в лавках накупили,
Спешили поскорее сшить.
Больная дочь благословила,
Исполненная к ней любви:
«Люби, люби ты Константина,
И с ним счастливою живи!»
Дружно поезд подъезжает
У ворот народ толпится.
А родство свадьбу встречают,
И поезд в зале становится.
Родители детей благословляют
Во храме божьем перед браком
Быть повенчанными желают
Любви соединенные законом.
Громко певчи в храме пели,
Брак честно свершался,
Восковы свечи горели,
Народ смотрел и восхищался!

Так совершился брак Константина Громозова и Ольги Бородиной — дочери Ивана Петровича Бородина. У них родилась дочь Серафима. О ней рассказ будет особый. Ее мы уже можем увидеть на многих семейных фототрафиях.

Но все же давайте еще послушаем Ивана Ивановича. Он еще долго вел свой дневник, который все больше стал походить на летопись. С годами появились жалобы на то, что сыновья теснят его, ущемляют. Вечные жалобы! Взрослые сыновья взяли торговое дело в свои руки, отцу казалось, что они не все делают правильно потому, что не спрашивают совета у него. Торговля, видимо, действительно шла менее успешно. Ия Константиновна, родившаяся в 1881 году, писала так:

«В восьмидесятые годы прошлого столетия торговля вовсе упала, и Слободской представлял собой захолустный уездный городишко с 3–4 тысячами жителей, с сонными заросшими травой улицами, где тишину нарушали только шаги редких прохожих. Осенью и весной город тонул в грязи.

Некоторое оживление приносили базарные дни, когда окрестные крестьяне привозили продукты для продажи. Булочных в городе не было, только около 89-90 гг. появилась первая булочная на главной Глазовской улице.

На той же улице были расположены деревянные торговые ряды, часто пустовавшие, так как торговля постепенно замирала. На Глазовской улице были расположены дома миллионера (каковым его считали слобожане) Ончукова, нажившего состояние торговлей хлебом и лесом, и купцов Распоповых, занимавшихся «скоряжным делом», т. е. скупкой беличьих шкурок, выделкой их и изготовлением мехов. На них работало много кустарей-горожан. Конечно, они получали гроши за работу»²⁴.

Чуть раньше «Вятская незабудка», вышедшая в Петербурге в 1877 году, поместила «Общий очерк Слободского за 1876 г.», где корреспондент писал:

«Останавливаться на описании города мы не будем. С внешней стороны Слободской не представляет никаких особенностей: город как город... То же обилие деревянных построек, те же немощенные улицы, тот же весенний и осенний разлив навоза на торговых площадях, заставляющий базарную промышленность не только процветать, но и благоухать...

Одна из особенностей Слободского – это обилие торговых заведений; кроме двух громадных гостиных дворов, множество лавок устроено еще в жилых домах, особенно на Глазовской улице – нашем Невском проспекте... Безысходной скуки, обыкновенно присущей уездным городам, здесь, как будто, не заметно, хотя однообразие и разобщенность общества доведены до крайних пределов...»²⁵

Что в Слободском не было скуки, подтверждают другие корреспонденты «Вятской незабудки».

«Слободская лепта» на всемирную свечу».

«...Сочувствие к бедственному положению славян соединило наше общество в одно и заставило его дружно приняться за дело. В августе у нас было устроено гуляние, сбор с которого, за вычетом расходов, простирался до 200 р. В октябре образовался дамский кружок, члены которого собирали пожертвования деньгами, материалами, мехами и т. п. Местный клуб был ими превращен в мастерскую, где желающие собирались шить, кроить, вязать и т. д.; здесь же дежурные дамы принимали пожертвования и раздавали работу. Благодаря пожертвованиям, кружок успел заготовить теплой одежды и платья на 100 человек (платья и одежда отправлены в вятское управление Общества попечения о больных и раненых воинах). Наконец, 9-го ноября был дан концерт, доставивший 150 р. сбора...»

Слободская публичная библиотека

«Общественная библиотека при городской управе открыта в Слободском 1 июля 1875 г. До этого времени здесь была только маленькая частная библиотека Ефимова, основанная лет десять тому назад, с чисто торгашескими целями при его бакалейной лавке...»²⁶

Корреспондента «Вятской незабудки» следует поправить: владельцем

частной библиотеки в Слободском в 60-е годы XIX века был не Ефимов, а Ефремов, к «Хронологии» его внука мы обращались. Н. Н. Ефремов относит существование библиотеки к более раннему периоду.

«Дедушка мой Василий Захарович родился в 1801–1802 г. О нем точных сведений не осталось, передают, что он некоторое время был синильщиком. Затем сеноторговцем, торговал также и бакалейными товарами. Жил в своем доме близ острога... Бакалейная лавка (при бакалейной лавке была библиотека) была против Новых рядов, между домами, принадлежащими теперь Илье Ивановичу Рыбакову и Глафире Васильевне Зябловой»²⁷.

Писано это было в 1910 году. Так что слобожане могут поискать, где была первая в их городе библиотека.

Можно, конечно, укорять Ефремова за то, что наживался на читателях. А можно и поблагодарить за то, что выписывал в Слободской новые журналы и газеты, новые книги.

Вспомним, что Василий Захарович Ефремов и Иван Иванович Громозов были женаты на родных сестрах Евдокии и Екатерине из дома Кошурниковых. Так что библиотека Ефремова для Громозова была, вероятно, не такой уж дорогой, а может быть и бесплатной.

Стареющий Иван Иванович отходил от дел, ссорился и мирился с сыновьями. Но любовь его к жене так и не кончилась, хотя, разумеется, изменилась. В мае 1872 года:

Сорок лет уж миновало
Как в супружество вступил.
Все прошло, что огорчало —
Катерину полюбил.
Может не вполне любимый,
Только я ее любил;
За супружеско терпенье
Бог детьми наградил...
С нею обще мы трудились,
С нею дом приобрели,
С ней покосы заводились,
И купили часть земли...
Сыновей трех поженили,
Любовь брачну украсили,
Сношки внучат народили,
Внучки деда-бабу окружили.
И празднуем в жизни сей
Вместе с Катенькой моей
Сорокалетний юбилей.

К старости муза стала обыкновенной сварливой провинциалкой, которая не ужилась со второй женой любимого младшего Костеньки. Ия Константиновна вспоминала:

«...Отец был женат дважды. Первая жена его умерла рано от туберкулеза, оставив после себя мою старшую сестру Серафиму 3-х лет. Отцу «высватали», как тогда говорили, мою мать, когда ей только что минуло 17 лет. Она была сирота, отец и мать умерли у нее рано, а родственники постарались поскорее ее пристроить, не спрашивая ее согласия. В три дня состоялось ее знакомство и свадьба, а потом отец увез ее в Слободской. На всю жизнь сохранилось у нее отвращение к замужеству, и она всегда нас убеждала не выходить замуж, доказывая, что это принесет нам только горе. Мать была из раскольничьей семьи и много мне рассказывала о жизни раскольников. Она помнила, как их еще маленьких заставляли просиживать долгие службы в молельне, которые иногда тянулись по 6–8 часов, особенно в великий пост. Рассказывала о различных актах, особенно меня поразили рассказы о «душителях». Я не помню, как это там называлось, но там считалось, что если человек хочет заслужить вечное блаженство, — он должен принять «мученический венец». Фанатиков, которые соглашались на это, душили через подушку, которую клали ему на лицо, а на нее садились две старухи и пока он бился в предсмертных судорогах, они пели громко псалмы, желая заглушить его стоны. Когда позднее я читала «В лесах» Мельникова-Печорского, мне казалось, что я снова переживаю рассказы матери.

По тому времени мать была образована. Она окончила в Казани пансион, играла на рояле и пела. Голос у нее был очень хорош, она знала много русских песен. У меня остался от нее альбом, где она собирала и переписывала все песни, арии из опер, украинские песни. Мы в детстве пели вместе с ней, а она нам аккомпанировала на рояле.

И вот такую-то 17-летнюю девочку отец привез в Слободской, в чужую малокультурную семью, и она стала матерью своей трехлетней падчерицы. Мать отца — моя бабушка, была малограмотная, зараженная предрассудками женщина, типичная представительница купеческой среды, изображенной Островским. Конечно, мою мать встретили недружелюбно. Образованная «казанская» — называла ее в насмешку вся родня отца. Много горя вынесла мать, хотя они с отцом и жили дружно. Покорность свекрови — обязательное поведение было в то время. Когда мать долго не могла родить первого ребенка, позвали знахарок, ей одевали лошадиный хомут, так как считалось, что это поможет при родах. В результате у матери на всю жизнь осталась пупочная грыжа. Но у матери был энергичный характер. Мало-помалу она стала отвоевывать свою самостоятельность. Когда моей старшей сестре было 15-16 лет, бабушка выдумала грязную сплетню об ее отношениях с живущим в нашем доме приказчиком. Мать заступилась за падчерицу, возмущенная она потребовала от моего отца, чтобы тот поговорил с матерью о недопустимости ее поступка. В результате бабушка уехала от нас к своему старшему сыну. Я ее почти не помню»²⁸.

Об Иване Ивановиче осталось рассказать немного. Свою бухгалтерскую книгу вел почти до самой смерти. В 1874 г. он написал:

Не хотел уже писать,
Думал вечно отдыхать —
Успел в руки перо взять,
И не мог уж умолчать...²⁹

Признак истинно писательского таланта: не мог не писать. И пусть ветры с литературных вершин не затронули его честную душу, но ведь мы его и не числим среди поэтов. Мы должны поклониться ему за то, что он оставил нам подробнейшее, искреннее и вовсе не скучное описание своей жизни. Он не приспособлялся к модным, прихотливо меняющимся общественным настроениям. До конца жизни принимал царские и правительственные Указы с радостью, как дар небес, и готов был им служить со всем рвением. Но никогда это служение не было во имя корысти или тщеславия. Поэтому и богатств больших детям не оставил. О купеческой карьере Константина мы поговорим немного позднее, а вот о Николае Ивановиче его внук Н. Н. Ефремов пишет так:

«...папаша 8 октября 1877 года уехал в Казань для приискания должности, а мамаша уехала на время в дом дедушки Николая Ивановича Громова (ее отца). Имение же было перевезено к братьям дедушки (дедушка не принял имущество, боясь вовлечь родителей моих в несчастье, так как обстоятельства его были очень тяжелые)».

Тяжелые обстоятельства не надо понимать, как бедность. Семья была все же довольно богатой, во всяком случае, вполне обеспеченной.

Дальше Н. Н. Ефремов пишет:

«В 1872 году дедушка Николай Иванович купил дом на углу Никольской и Предтеченской около Николаевской церкви... Жил он в описуемое время или в Слободском или в собственном имении Кирилл Глазовского уезда».

Имение Кирилл сыграет немалую роль в истории Вятской фольклористики.

И все же Грозовы не стали денежными мешками. Характер был для того не приспособлен. «Лжи и лести не терпел», — написал Иван Иванович о своем деде. Сам тоже не лгал, не льстил. В торговле без этого, сами понимаете, не наживешься.

О Николае Ивановиче рассказ можно тоже заканчивать. Снова обращаемся к «Хронологии семьи Н. Н. Ефремова».

«21 ноября 1912 года. В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы около 9-ти часов утра на руках обоих сыновей и нашей семьи скончался незабвенный дедушка Николай Иванович Грозов. В последнее время у него была болезнь — порок сердца и отек ног, которая продолжалась около года. До этого дедушка был бодрым стариком, несмотря на то, что ему было 79 лет.

Дедушка в 80-х годах состоял членом Слободской городской управы, был также церковным старостой Сретенской церкви с 1906 по 1911 г. Много добра я видел на своем веку от дедушки и многим ему обязан. Мир праху его!»³⁰

Глава VI. Будни и праздники. Конец века. Слободской (Из воспоминаний И. К. Франчески)

«В Вятской губернии были развиты кустарные промыслы. Так наши соседи Греховы имели красильню и занимались, так называемым, набивным делом. Хлопчатобумажные ткани в то время были для крестьян роскошью, все одевались в домотканые холсты. Краски тоже были свои. Но женщины все же хотели одеваться понаряднее. Вот в таких красильнях, как у Грехова, холсты окрашивались в различные цвета, а потом на них наносились узоры.

Слободской окружен лесами, и понятно, что деревообделочные изделия являлись главным заработком на рынке. Я вспоминаю: особенно хороша была деревянная посуда, привозимая на рынок. Она каким-то особенным образом покрывалась олифой с золотистыми красками. Внутри больших чаш были выведены узоры черными красками. Жбаны для кваса были похожи на боярские братники XVI – XVII столетий. Так же красиво расписывались и берестяные бураки, особенно были красивы маленькие бурачки – игрушки.

Весной – через неделю после праздника пасхи около стен монастыря каждый год был детский праздник под названием «семик». Сюда со всего района привозилось много деревянных игрушек, посуды и других деревянных изделий.

С какой радостью мы покупали дедов-моховиков (деревянные грибы, обструганные куклы, одетые в лапти и меховые кафтаны, с берестяными шляпами на головах и с посохом в руках). Тут были и глиняные игрушки-свистульки, вырезанные из дерева кони, телеги и сани. Тут же продавались и пряничные, так называемые, сусальные кони.

Мои первые впечатления, насколько я помню, следующие: я сижу посреди улицы около нашего дома и играю дорожной пылью. Ясный солнечный день, кто-то берет меня на руки и пересаживает на тротуар, слышен унылый погребальный звон, показывается телега с пихтой, которую разбрасывает возчик по дороге. За ним движется погребальное шествие, заунывное «святой боже» звенит в воздухе. Наш дом находился между Сретенской церковью и мужским монастырем – в обеих погребали умерших, и мне, очевидно, ярко запомнилась эта картина. За домом был большой двор, мощный булыжником, с тремя большими амбарами, из которых один был каменный. Моему отцу принадлежал большой деревянный сарай, часть которого была отведена под коровник и конюшню. В остальной части стоял зимний возок и лежала всякая рухлядь. В конюшне помещалась старая лошадь, возившая воду для всего дома. В коровнике помещалась корова. За двором был огород площадью около гектара, в конце огорода стоял амбар для сена. Двор и огород были миром нашего детства. Огород выходил на берег реки Вятки, с самого высокого пункта его была видна далеко река и заливные луга за нею. Огород понижался в ложбинку и снова поднимался

на горку по неровному берегу реки. В ложбине журчал маленький ключик, чистой прозрачной речкой он сбегал к взвозу, там в зарослях водились змеи, вероятно, ужи, но мы очень боялись ходить туда. Уклад жизни нашей семьи был чисто купеческий. Строго соблюдались посты и все праздники. Каждое воскресенье пеклись пироги, а в большие праздники задолго начинали готовиться: мыли двери, окна, чистили образа. Больше всего надоедали посты, которые строго выполнялись.

За две недели до масленицы уже начиналась подготовка к посту. Ели только рыбу — мясо не полагалось. В масляницу каждый день были блины, сначала на дрожжах, а в пятницу и субботу на масляной неделе — тонкие блинчики. В воскресенье пекли хворост (пирожное) и снова блины. Но в четыре часа, когда колокол ударял к вечерне, все «молосное» из дома убиралось, отдавалось нищим и все мы переходили на строгий пост. Последнее воскресенье перед постом называлось «прощеным», и вечером нас детей заставляли просить прощения за грехи, кланяться в ноги взрослым, также просили прощения друг у друга. На другой день в понедельник первой недели поста разрешалось есть только редьку, хрен, капусту, грибы — все на постном масле, нам маленьким не давали даже молока, рыба разрешалась только на второй неделе поста. На седьмой неделе поста все взрослые говели. Наступала пасха, а с ней и разговение. Конечно, мы объедались и болели. Нам давали крашеные яйца и мы их катили с маленьких горок (доска, прислоненная к стене), старались разбить яйцо соседа и тем самым заполучить его себе. Рождество для нас детей ничем не отличалось от других праздников — елок тогда у нас не было.

Особенно долго тянулась зима. Короткий день переходил в длинный вечер. Освещение составляла сальная свеча, которую надо было постоянно поправлять, снимая нагар. Эта же сальная свеча служила нам и лекарством. Если болело горло — мазали сальной свечой шею и завертывали ее шерстяным чулком, который так неприятно колот шею. Зима тянулась скучно и нудно. Игрушки нам покупали редко, их заменяли куклы, сшитые из чулков и тряпок с нарисованными бровями, носом и глазами. Помню у одной из моих сестер была громадная тряпичная кукла чуть не с грудного ребенка. Так что она волочила ее за ноги.

Весна приносила нам сразу все детские радости. Свежий воздух врывается в непроветренные комнаты, возможность выбежать во двор, а главное, «семика». Этот своеобразный детский базар мы ждали, считая дни. Вот проходила пасха с колокольным звоном, крашеными яйцами, священниками, которые являлись с иконами в каждый дом, собирая обильную мзду с прихожан и, наконец, наступал «семик». Уже с утра по всему городу раздается свист пищалок, свистулек и прочей музыки. Вся детвора спешит на «семик», у кого нет денег, тот хотя бы полюбуется игрушками. И чего тут только нет! Глиняные куклы с яркой росписью, невиданные глиняные звери с рогами и, даже, целые группы. Вот барыня ведет ребенка, или рыбак едет на лодке и т. п. Особенно хороши бурачки и шкатулки из бересты с

нарезными рисунками с подложенной под рисунки фольгой. Все художественное творчество народа представлено в росписи игрушек глиняных и деревянных. Вот конь-тележка, это четырехугольный деревянный ящик на колесах, но вместо боковых стенок вырезаны и раскрашены деревянные кони, которые и служат боковыми стенками. Все эти игрушки стоят очень дешево. 10–20 копеек было тогда для нас уже целый капитал, на них можно было купить много игрушек. Насколько низки были цены, можно судить по тому, что мать всегда возмущалась дороговизной, когда ей приходилось платить за пару рябчиков 7 копеек.

Знахарство было развито не только в деревнях, но и в Слободском. Однажды захворал мой старший брат, по настоянию бабушки позвали знахарку. Как сейчас вижу следующую картину: он лежит на двух стульях, а старуха, наклонясь над ним, что-то шепчет, потом берет тесемку и начинает «мерять» расстояние от кончика пальцев правой руки брата до левой ноги, а затем от левой руки, до правой ноги – крест на крест. Полученные измерением длины тесемки она сравнивала и если величина их не сходилась, она объявляла, что его сглазили, после этого она сбрызгивала его водой и массировала. Я со страхом и любопытством наблюдала эту сцену. Таково было лечение знахарок. Конечно, черти, домовые, лешие, ведьмы, русалки и прочая нечисть были ближе и реальнее для населения, чем даже господь бог. Он-то ведь был далеко в небе, а с нечистой приходилось встречаться на каждом шагу в лесу и в обыденной жизни. Корова заболела – соседка-ведьма сглазила, в лесу заблудился – леший нарочно завел, а черт на каждом шагу вредил человеку. Этот мир нечисти то поэтический, то грозный, то просто смешной был предметом рассказов и сказок в нашем раннем детстве.

Наше моральное воспитание – в прививке нам условных рефлексов на слова: «грех» и «бог накажет». Всякое неисполнение десяти заповедей – был грех, за которым следовали кары, которыми наказывал бог. Нам внушалось, что он все знает и видит и от него никуда не скрыться. Особенно ярко описывался «ад», причем за каждый грех полагалось особое наказание: солжешь – за язык подвесят, за неисполнение других заповедей – черти будут жарить на сковородке. У меня было пылкое воображение – я в детстве представляла ад в виде большой кухни, где на плите сидят грешники на сковородках, а черти в фартуках ходят и переворачивают их вилами, а бог – был нечто грозное и карающее, уж, во всяком случае, не доброе и милостливое.

Между тем денежные дела отца шли все хуже и хуже: единственный источник нашего дохода – лавка, как тогда называли, – торговала все хуже и хуже, и товаров и покупателей было очень мало. Но все же не только в простые дни, но даже в такие праздники, как Рождество и Пасха, торговля не прекращалась. Много товаров отец давал в долг, а получал долгов очень мало. Обычно торговал приказчик, а для присмотра за ним кто-нибудь из нас сидел в лавке. За это нам разрешалось брать пряники и другие сладости. Я очень любила такие дежурства, дело в том, что в лавке был неболь-

шой книжный отдел. Научившись читать, я очень полюбила книги. Тут же на полках стояли такие замечательные, с моей точки зрения, книги, как сказки о Бове Королевиче или Еруслане Лазаревиче – стоили они копейку, но были и дорогие книги, такие как, например, «Волшебная лампа Алладина», картинки в ней были в виде панорамы: потянешь за ленточку и появляется волшебная пещера, или другие картинки. Я так увлекалась книгами, что забывала свои обязанности по наблюдению за честностью приказчика. Да и что я могла понимать в 7 лет? Отец и мать ходили грустные. Как-то раз я увидела, что заплаканная мать вынимает из шкафа пистолет отца, длинный с серебряной насечкой и чернью и прячет его в сундук. На мой вопрос «почему», она ничего не ответила, только сильнее заплакала. Я росла нервным, чутким ребенком и была очень привязана к родителям. Помню в эту ночь я горячо молилась, чтобы у нас в семье не было горя, и мать не плакала, но все мои молитвы были напрасны. Это положило мои первые сомнения в справедливости и доброте бога»³¹.

Константин Иванович Громозов к 1890 г. был уже женат второй раз на Агриппине Якимовне, у него было шестеро детей: Серафима, Владимир, Людмила, Ия, Ольга и Борис. Как и отец, как старшие братья, он был уважаемым в городе человеком, занимал выборные посты.

В 1890 году он был почетным мировым судьей города Слободского и земским гласным от Слободского в губернском земстве, агентом страхового общества «Москва». Членом земской уездной управы был Афанасий Иванович Громозов.

Есть и еще одна романическая гипотеза. Почетным мировым судьей в Вятке в этом же году был Иван Александрович Коробов³². Его сын Николай Иванович Коробов был ближайшим и любимым другом Антона Павловича Чехова. Были ли знакомы слободской и вятский мировые судьи Громозов и Коробов?

Можно не сомневаться, что были. В «Календаре Вятской Губернии на 1891 год» оба они числятся служащими Вятского отделения Государственного банка: Иван Александрович Коробов – член учетного комитета по учету торговых векселей, а Константин Иванович Громозов – член учетного комитета по выдаче ссуд. Неужели ни разу не разговаривали они? Неужели не похвастался ни разу Иван Александрович своим сыном, преуспевающим московским доктором, который дружил со знаменитым Чеховым?

А Константин Иванович Громозов через четыре года стал городским головой. И это была вершина его общественной деятельности в Слободском.

Торговые же его дела все ухудшались. Он был еще меньше, чем отец, способен к наживе. И также лжи и лести не терпел.

Дочь пыталась быть объективной, когда писала:

«Кризис бы разразился, если бы не спасли отца выборы его в члены Губернской Земской Управы. Жалование члена Управы, по тому времени, было очень большое – 200 рублей в месяц. Но для этой должности нужен был ценз, кажется, 3 тысячи рублей. Лавка была ликвидирована; все, что

можно, было заложено, и отец уехал в Вятку. Здесь он приискал квартиру и мы вскоре всей семьей переехали в Вятку»³³.

По разысканию А. В. Кузьмина это произошло в том же 1894 году.

Так закончился слободской период в жизни тех Громозовых, которые будут интересовать нас дальше.

Хотя нет, один из них – Иван Николаевич Громозов, младший племянник Константина Ивановича, еще останется в Слободском. Ему в 1894 году было 12 лет.

Глава VII. Вятка. Конец века. Земство.

(Из воспоминаний И. К. Франчески)

«Дату основания города Хлынова, названного потом Вяткой, относят к 1370–74 годам. Предполагается, что основатели его были Новгородцы или Суздальцы. Город был построен у реки Хлыновки, которая и сейчас существует в виде небольшой речонки. Возможно, что город был огражден с юга рекой, с севера оврагами, которые и сейчас пересекают южную часть Вятки. Остатки старого Хлынова сохранились в виде кладбищенской церкви, Хлыновской, как у нас называют южную часть города.

К Хлыновским постройкам, по-моему, относится и прежний Трифонов монастырь, расположенный также на берегу в низине, тогда как позднейшие постройки Вятки стоят на высоком крутом откосе. Монастырь был обнесен крепкими каменными стенами и по типу очень походил на мужской монастырь в г. Слободском. В монастыре находились мощи вятского святого Трифона. Рака с мощами стояла в главной церкви монастыря. Она была обнесена железной решеткой, и тут же стоял его посох. Внутри монастыря была выстроена небольшая деревянная часовня, внутри которой находился колодезь со святой водой. Очевидно здесь проходил ключ, наполнявший колодезь чистой, прозрачной водой. Верующие бросали в воду деньги на решетку, вделанную в колодезь на метр ниже поверхности воды. Стены часовни были покрыты древней живописью, что доказывает ее давнее происхождение. Около главной церкви была плита, где был похоронен юродивый, кажется, Прокопий. Существовала легенда, что если воды Вятки поднимутся до могилы, то город погибнет.

Мы в молодости часто бывали в монастыре. Там было и старое кладбище с полустертыми надписями. От кладбища и часовни веяло такой седой стариной, так много было поэзии и тишины в этом кладбище, что я иногда уходила сюда готовиться к экзаменам. Да и вообще я любила и люблю бродить по кладбищам, меня это всегда успокаивает. За монастырем через всю Вятку проходил глубокий овраг, соединенный с городом пятью насыщенными мостами: Казанским, Николаевским, Царевским, Никитским и Владимирским, названными по улицам, пересекающим город.

За мужским монастырем шел, так называемый, Спасский спуск, являющийся продолжением главной Спасской улицы. За ним, по левую руку, если

стоять лицом к реке, поднималась крутая гора, на которой и были выстроены первые здания уже не Хлынова, а Вятки. Гора не подходила к самой реке, между ней и рекой было метров 100–200 и там была проложена дорога на пристань. Верхушка горы была обнесена высокой каменной стеной с бойницами на углах. Стена шла вдоль Спасского спуска, а потом поворачивала параллельно реке. Здесь, внутри, очевидно, были выстроены более древние строения: вятский Кафедральный собор и консистория, вторая очень древняя церковь (названия ее не помню). Далее шли строения женского монастыря и казенной палаты. Перед собором была большая торговая площадь.

В начале 90-х годов улицы еще не были мощены, езда по ним была очень трудна. Зато церковей для 25-тысячного населения Вятки было слишком много – пятнадцать! Особенно красив был Александровский собор, стоявший на самом высоком месте города – около верхнего рынка. Он был построен по проекту архитектора Витберга, если не ошибаюсь, по плану храма Христа Спасителя в Москве. Витберг был выслан в Вятскую губернию. Собор имел вид ротонды с большим куполом, был окружен белыми колоннами. Верх купола внутри был так построен, что лучи солнца, попадавшие внутрь, создавали впечатление беспредельной высоты. У собора был раскинут сад и все место было окружено чугунной решеткой на каменном фундаменте. На решетке были отлиты гербы 11 городов Вятской губернии. Кроме Александровского сада, стоящего возле реки, этот сквер был любимым местом отдыха молодежи.

Вторым старинным памятником был Кафедральный собор. Здесь в торжественные дни собиралось все начальство города. Службу проводил архиерей и пел архиерейский хор, славившийся стройностью пения. В собор ходили, как мы теперь ходим в оперу, чтобы послушать пение. Исполнялись даже концерты, кажется, Бортнянского. Здесь раз в год предавали «анафеме» всех отлученных от церкви, в том числе Степана Разина и Льва Толстого. Протоиакон громовым голосом так произносил «анафему», что стекла дрожали. В великий четверг перед пасхой разыгрывались мистерии: архиерей, изображавший Христа, омывал ноги священникам, изображавшим апостолов. Вот беднягам священникам приходилось отмыывать накануне ноги в бане! Ведь сам владыка дотрагивался до их ног!

Под Кафедральным собором было подземелье, сделанное в виде пещеры. Туда спускалась по длинной лестнице, передняя стена пещеры была сделана вроде ниши. На высоте метра от пола было сделано что-то вроде раки, где в углублении под стеклом лежала «частица древка креста Христа». Вокруг много было сделано частиц мощей не знаю каких святых. Все это было залито массой света от свечей и лампад. У учащихся старших классов гимназии считалось, что если приложишься в пещере ко древку, обязательно сдашь экзамены. И вот весной в экзаменационное время гимназистки бежали в пещеру (она открывалась в 6 часов утра), а если по дороге попадался воз сена, то сдача экзаменов считалась обеспеченной. Воз-

чики сена только тихонько ругались, когда «господа гимназисты» вырывали из воя пучки сена «на счастье»!

Вторым сквером в городе был Александровский сад, стоящий на крутом берегу Вятки. Здесь открывалась прекрасная панорама на реку Вятку, заречье и Дымково – заречную слободу. Весной в половодье река разливалась очень сильно и заливала километров на 5, а то и семь заречный лес, а в сильные весенние разливы Дымково превращалось в вятскую Венецию. Жители могли передвигаться по слободе только на лодках. Надо сказать, что все дома слободы были построены на сваях. Заречный лес был большой, с просеками, которые весной превращались в водяные аллеи, по которым так хорошо было кататься на лодках.

В Александровском саду спуск к реке шел по деревянным лестницам, одной, ведущей на берег реки Вятки и другой, которая вела к Казанскому спуску по крутой горе. Вот с этой лестницей раз и случилось несчастье.

В Кафедральном соборе была икона Николая-Чудотворца. По преданию она была найдена на Великой реке, кажется, Верховинской волости. С тех пор 21 мая старого стиля ее несут на Великую реку. Все это проходило очень торжественно, собиралась масса народа не только из города, но и из уездов. В сопровождении архиерея и всего духовенства ее несли по Казанскому спуску к реке. У перевоза архиерей служил торжественный молебен, а потом ее (т. е. икону) с частью духовенства перевозили на другой берег и до Великой реки ее все время несли на руках через все деревни (расстояние, кажется, около 80 километров), за ней шла большая толпа богомольцев и ехали подводы с казной, так как на пути в каждой деревне икону встречали крестьяне и у каждой избы служили молебен. На Великой реке тоже собирались тысячи богомольцев, так что духовенство от этих путешествий получало большой доход. Возвращалась икона уже другим путем 28 мая и ее снова встречала толпа народа за городом у Богословского кладбища (теперь закрытого).

Так вот, не помню в каком году, когда провожавшие икону столпились в Александровском саду и на лестницах, ведущих к Казанскому спуску по горе, лестница под тяжестью народа обрушилась и масса народа покатилась по крутой горе к процессии, идущей вниз к реке. Конечно, было много покалеченных, а еще больше ушибленных. После этого лестница, ведущая к Казанскому спуску, была уничтожена. Считалось (да и до сих пор этого придерживаются), что пока Николай не сходит на Великую, рассаду помидор, да и огурцы высаживать нельзя, так как наступало ненастье и холода. И только 28 мая, 10 июня по новому стилю, можно было не бояться заморозков. За всю свою жизнь, сколько помню, это так и было, всегда были холода с 4 по 11 июня. Потом я себе это объяснила тем, что приблизительно в это время вскрываются северные реки Печора, Северная Двина и другие и наступает холодная ненастная погода.

Вторым праздником для вятчан, вернее детским праздником, в мае была «Свистунья». На торговой площади около Кафедрального собора и женско-

го монастыря уже дня за два начинали строить полотняные палатки. Приезжали торговцы и из других городов, из Казани. Продавались вяземские пряники, халва, конфеты, восточные лакомства, но, конечно, больше всего здесь было игрушек вятских кустарей.

Заречная слобода Дымково славилась (да и сейчас она широко известна) своими гипсовыми и глиняными изделиями. Продавались целые группы, статузки, вазы. Были деревянные кустарные изделия – игрушки: дудки, кони, старики-моховики, тележки, а также воздушные шары, деревянные ружья и самострелы, корзинки из соломы и т. д. Прямо на земле, в деревянных лотках продавали моченую грушу. Ее особенно раскупали за дешевизну, ведь в нашем суровом климате кроме репы и рябины тогда не было никаких фруктов и недаром раньше репу звали вятским яблоком.

С утра свист стоял по всему городу. Жестяные и березовые дудки были так дешевы и потому доступны каждому ребенку! Поэтому праздник носил название «Свистунья».

Иногда приезжали карусели. И большие, и маленькие под грохот барабана и других незамысловатых инструментов катались на лебедях, конях и лодочках, привешенных к кольцу карусели.

Осенью 1-го сентября на верхнем рынке около Александровского собора открывался большой базар, Семеновский, как его тогда называли. Тогда на площади были и бродячие цирки и балаганы с разными чудесами, вроде женской головы на блюде, иногда зверинец. Вот и все уличные развлечения вятчан в те годы.

Несмотря на малочисленность населения, торговля в городе была очень обширна, правда, Вятка снабжала и уезды. Мануфактурные, продовольственные, посудные и винные магазины, даже особый чайный – фирмы Перлова. Очень много было так называемых «погребков» – это нижние помещения в зданиях, здесь торговали татары фруктами и конфетами. И каких только фруктов там не было! В этих погребках можно было купить бананы, гранаты, а раз я видела даже ананасы. А дыни ананасная, канталупка от маленьких до больших. Много было сортов винограда, цены были недорогие: фунт винограда – 15–20 копеек, яблоки – 8–10 копеек, дыня – 50–60 копеек.

Было много и мороженой рыбы от осетрины до нельмы и моксуна, привозимых из Сибири. Славилась в городе кондитерская Якубовского. Высланный из Польши в Вятку, он скоро обосновался здесь, построил прекрасный дом, конфетную фабрику и булочную. Его пирожные и сдоба славились на всю губернию. Можно было купить слойку или пирожное по 3 копейки, булки, торты, сухари, все это было прекрасно приготовлено. И хотя в то время его кондитерская была единственная в городе – очередей там никогда не было. Правда, раньше очередей не знали: торговцев было более, чем покупателей и продавцы конкурировали друг с другом, стараясь привлечь покупателей или дешевыми распродажами или более низкими ценами.

Обслуживали городской транспорт извозчики, стоявшие цепочкой на углу многолюдных улиц. Некоторые извозчики работали от хозяев, но большинство было из окрестных деревень. Это было для них подсобным промыслом. Имеющие лошадей в крестьянском хозяйстве, они обзаводились городскими санками зимой, а летом – дрожками. Эти архаические экипажи, мне кажется, только и были в Вятке. На рессорную основу дрожек одевалось нечто вроде седла, впереди были козлы кучера. Эти дрожки могли вместить до 4-5 человек: два по одну сторону сидения, два – по другую. Ездить на них было не очень-то удобно, особенно без рессор, но для семейной поездки за город было приемлемо. Заработок извозчика 1 р. – 1 р. 50 к. в день считался хорошим, а такса в один конец города была 15 – 20 коп.

Через Вятку проходит два тракта: Московский и Казанский. В свое время наш город находился на пути ссыльных каторжников, которых гнали на каторгу в Сибирь. В начале Московского тракта (теперь это место находится почти в центре города) находилась пересыльная тюрьма, впоследствии переоборудованная в литейно-механические мастерские, а после революции здесь организован и работает до сих пор завод «Кировский Металлист». Очевидно, при пересыльной тюрьме было организовано кладбище для захоронения ссыльных, не выдержавших этапного пути, а может быть, и тех лиц, с которыми царское самодержавие расправлялось на месте. Сейчас при проводящихся земляных работах находят много человеческих костей и черепов с проломами.

Трудно сказать, к какому времени может быть отнесено существование пересыльной тюрьмы, так как завод «Кировский Металлист» недавно справлял свое 75-летие (с учетом существования литейно-механических мастерских).

Мы приехали в Вятку в начале лета. Отец уже полгода жил здесь и нанял для нас двухэтажный дом – особняк. Владельцы дома не жили в Вятке и, таким образом, отец являлся не только квартиросъемщиком, но и управляющим, так как второй этаж занимала семья учительницы Мышкиной. Много горя доставило это соседство нам с сестрой, так как учительница считала своим долгом следить за нашим поведением не только в гимназии, но и дома и постоянно сообщала отцу обо всех наших проступках.

...Председателем губернской земской управы был избран Авксентий Петрович Батуев, человек с высшим образованием – «либерал», как тогда называли людей, стремящихся к новизне. При нем вятское земство считалось одним из передовых в России. Вокруг земства сгруппировалась интеллигенция, так как земство все же было лучшим из «столпов».

На земские налоги развертывалась сеть земских школ с более широкой программой, чем церковно-приходские. Открывались больницы и фельдшерские пункты, были открыты акушерские курсы, земские реальные училища, программа которых была не менее, чем в мужских гимназиях, но без латыни и греческого языка. Земская губернская больница была очень хорошо оборудована, отдельно была устроена психиатрическая больница. Отец,

как член губернской управы, заведовал так называемыми богоугодными заведениями: губернской больницей, сиротским домом, ездил по уездам, контролируя постановку работы земских учреждений. Он редко бывал дома. Зато около нашей семьи образовался круг земских знакомых: врачей, служащих больницы и других земцев. Мать была еще молода, любила повеселиться, старшая сестра тоже, и у нас в доме вечно были гости. Это не были званые вечера, приходили на «огонек», как тогда говорили. Угощение было только чай, булка и варенье. Мать была мастерица варить варенье, а ягоды были очень дешевы – 8–10 коп. за килограмм. Вообще цены тогда были очень низки: масло – 70–80 коп. кило, мясо 30–35 коп., яйца – 6–8 коп. десяток и молоко 10–15 коп. четверть.

Мать не выносила пьянства и пьяных, и вино у нас в доме было только в такие дни, как день рождения отца. К этому дню готовиться начинали за-долго, так как все знакомые спешили поздравить отца. Отец не пил, но иногда с друзьями или в клубе выпивал. Раз в рождество он пришел домой после визитов, что называется «навеселе», он подозвал нас и что-то начал шутить. Его необычный тон, развязность в манерах испугали нас, мы отшатнулись от него, а мать еще добавила: «хорош, ведь у тебя растут дочери, как будут они уважать тебя!» Отец сразу ушел и лег. С тех пор за всю свою жизнь я не видела его в нетрезвом состоянии. У него был сильный характер: он много курил и при этом хорошие сорта папирос, и это очень чувствительно отражалось на бюджете семьи. Отец решил бросить курить, когда ему было 50 лет. Целый месяц он мучился, чтобы заглушить потребность курить, он даже ночью сосал леденцы и все-таки отвык. Зато он пристратился к меду.

Он мог за раз выпивать 6–7 стаканов самого горячего чая. Как-то раз я спросила его: «Неужели Вы не обжигаетесь?» «Зато все бактерии уничтожаются у меня во рту и в желудке», – смеясь ответил он. Во всяком случае он никогда не болел и дожил до 89 лет, сохранив полные умственные способности.

Точно не помню, но кажется, в 93–95 гг. лето стояло жаркое, наступила засуха и хлеб выгорел на корню. Даже семян на посев нельзя было собрать. Надо было принимать экстренные меры. Земство ассигновало на закупку хлеба очень большие суммы – несколько сот тысяч рублей. Надо было послать надежного честного человека, так как при закупках могли быть и злоупотребления – дело приходилось иметь с частными продавцами – помещиками. Управа решила послать отца. Он уехал в середине лета, очевидно, закупал на Кубани и в черноземных губерниях, так как он нам рассказывал о Ростове-на-Дону. Закупил он хлеб удачно, вовремя доставил, так что даже получил благодарность от управы, но сам вернулся «гол как сокол», как говорится в пословице. Дело в том, что командировочные деньги были невелики, а при покупках обязательно устраивались «вспрыски», угощения. Отец всегда платил свою долю, конечно, это дорого стоило. Нам потом основательно и долго пришлось сокращать бюджет. Мы жили очень скромно

— мать и сестра одевались просто, о нас и говорить нечего, я всегда носила после Люды ее платья, ей шили новые, но у нас в семье никто не обращал особое внимание на то, как кто одет. Питались мы не очень важно. Черный хлеб играл большую роль у нас, детей. Отрежешь, бывало, краюшку хлеба, густо посолишь и залезешь в укромный уголок с книгой, читаешь и ешь.

Помню, с Поволжья нам в Вятку занесли холеру. Люди умирали, а мы, дети, ели «горькую редьку» (сурепку) и особенно свиную редьку «просвирки» из породы мальвовых. Растет она у заборов и по окраинам дороги, на кучах мусора — и хоть бы один из нас заболел расстройством желудка! О гигиене, конечно, мы абсолютно не думали, а потребность в зелени, в витаминах заставляла нас есть все, что угодно, что было съедобно из зелени.

Благодаря хорошо поставленной медицинской помощи, никаких «холерных бунтов» у нас не было, и болезнь скоро была ликвидирована.

Я уже говорила, что Вятская губерния была родиной многих кустарных промыслов. Леса давали дешевый материал для поделок, но сбывать свою работу кустарям приходилось или на базарах и ярмарках, или частникам, которые старались нажиться за счет кустарей. Земство решило прийти на помощь кустарям — был открыт в Вятке Кустарный склад. Здесь принимались все кустарные изделия по сравнительно выгодной для кустарей цене. Склад закупал оптом все материалы, необходимые кустарям: гвозди, лаки, скобы, краски и т. д. — цены на которые были ниже, чем у частников. Кустарный склад сразу заслужил доверие у кустарей. Здесь же продавались закупленные на Нижегородской и Казанской ярмарках изделия павловских кустарей и другие товары: каповые изделия, корешковые, выжигание по дереву, дорожные корзинки, мебель всех видов, гамаки, сети, дымковские алебастровые, глиняные игрушки и группы, изделия из рога, бересты, соломки, все это можно было найти в кустарном складе. Некоторые изделия, такие, как каповые, были известны даже за границей. Кустарный склад явился большим конкурентом для частников. Черносотенная клика все больше и больше поднимала голову.

Однажды я проснулась утром от хлопанья дверей, тревожных голосов. Скорее одевшись, я побежала узнать, что случилось. «Батуев убит» — сказала мне сестра. Печальное лицо матери без слов подтвердило это. Оказалось, что он был убит душевнобольным Шабалиным. Он, как не опасный, свободно ходил по городу. Кто-то дал ему оружие, и он, явившись в квартиру Батуева, заявил, что ему нужно видеть его по делу. Батуев был доступен каждому, и его провели в кабинет, где он выстрелил и убил Батуева. Бессмысленность этого убийства была так очевидна, что скоро по городу поползли слухи, что помешанным воспользовались, сводя счеты с Батуевым.

На похоронах Батуева была масса народа, все хорошо относились к нему. Особенно тяжело было отцу, он очень уважал Батуева, с ним было легко работать. После смерти Батуева председателем управы, если не ошибаюсь, был избран помещик Садовень — человек «ни рыба, ни мясо». Задуманные еще при Батуеве, были открыты книжный склад и мастерские учеб-

ных пособий, а затем Вятское земство стало понемногу править – входя в русло деятельности всех земств.

После смерти Батуева отец еще прослужил трехлетие членом управы, но потом не был избран. Он поступил помощником заведующего Кустарным складом на 60 рублей жалования и работал там до выхода на пенсию.

Культурная жизнь Вятки 90-х годов представлена была в виде деревянного театра, клуба «Общественного собрания» и двух библиотек. Театр, украшенный коньками и полотенцами и прочей резьбой в славянском стиле, был рассчитан более, чем на 300 человек. Были тут и ложи, и партер, и амфитеатр, и балкон с галеркой. Антрепренеры, абонирующие театр, приезжали с готовой труппой, то с драматической, то с оперной или опереточной. Были и хорошие актеры, например, Кожевников – известный большой актер. Я видела его в «Разбойниках» в роли Карла Моора, его игра произвела на меня очень сильное впечатление. Членами клуба «Общественное собрание» могли быть только лица благородного происхождения. В клубе была только карточная игра и буфет, иногда давались семейные вечера членов клуба.

Библиотек в городе было две: Публичная библиотека с несколькими тысячами книг, расположенная в двух комнатах. Научной литературы почти не было, зато беллетристики было много, был и детский отдел. Вторая библиотека – магазин была частная – Залесской. Здесь были почти одни переводные романы, в большинстве французские. В магазине помню только так называемую лубочную литературу: «Магометанка, умирающая на гробе своего мужа», «Как солдат спас Петра Первого от разбойников» и тому подобная литература за 2 копейки книжка. Вот и вся общественная жизнь Вятки.

В городе были семейные дома, где по вечерам собирались: мужчины – поиграть в карты, женщины – посплетничать, а молодежь – потанцевать. Наш дом был одним из таких оазисов, но в карты у нас не играли – отец вечером уходил в клуб, взрослых знакомых у матери почти не было, сплетен она не любила. Сама еще молодая, она очень радушно принимала молодежь, которая у нас бывала. Это были воспитанники старших классов гимназии и реального училища, жившие в земском сиротском доме. Здесь на полном содержании земства жили сироты из крестьянских семей и земской интеллигенции. По окончании учебных заведений земство давало им стипендии и они поступали в высшие учебные заведения, т. е. в университет, сельскохозяйственный институт, ветеринарные и медицинские институты. Вот эта-то молодежь и бывала у нас постоянно. Отец нанимал большие квартиры, чаще всего особняки, так как семья была немаленькая, да и мебель была громоздкая – один рояль занимал много места. Зал и столовая были самыми большими комнатами в доме.

Собираясь вечерами, пели, слушали музыку, а иногда, даже просто играли. У старшей сестры знакомыми были более солидные старшеклассники. Подрастала Люда, а за ней тянулась и я – у нас были подруги и моло-

дежь помоложе. Особенно веселыми были рождественские вечера: гадали, пели, образуя круг, «Царевич-королевич», играли в колечко или кошки-мышки. Один год увлекались театром. У Симы, старшей сестры и Люды оказались таланты, особенно хорошо играла Люда. Тогда ей было 14 лет. Ставили пьесу «Карл Иванович», сюжет не сложен: дети – мальчик и девочка не выучили урок, гувернер хочет их наказать, но он в этот день именинник и ради этого прощает их. Пустая, но очень веселая с пением и танцами, комедия. Она была так хорошо поставлена, что потом всю труппу пригласили даже играть на каком-то благотворительном вечере. Вторая пьеса была «Гадание». Боярыня выходит в сад гулять с зеркалом: конец, как полагается, кончается свадьбой. Надо было выдержать стиль эпохи, и вот все венчальные платья матери и бабушки пошли на сарафаны, кокошники и боярские костюмы. Все было выдержано в древнерусском стиле. Боярышню играла Сима – она была очень хороша – ее тип подходил к русской красавице. В первый и в последний раз в жизни и я играла: карлицу – Фетинью Роговну. На мне была душегрейка, очипок с рожками и погремушка. Я сидела у свадебного стола и гремела погремушкой, а мне изредка бросали пряник со свадебного стола, что для меня и было главным.

Прошла пора театров, на следующий год началось увлечение спиритизмом. На отдельный столик клали лист бумаги разграфленный клеточками, как шахматная доска, в каждой клетке была написана буква алфавита. Потом на чайное блюдечко прикрепляли кусочек воска на обратной его стороне и опрокидывали блюдечко на лист бумаги. Спириты садились вокруг столика и клали руки на опрокинутое блюдечко. Оно начинало бегать по бумаге, останавливаясь восковым кусочком перед буквой, так складывались слова и фразы. Конечно, очень мало, кто верил в это серьезно. Какой-нибудь шутник так ловко водил блюдечко, что остальные еле успевали за ним. Так у нас говорил дух Наполеона, потом какой-то веселый монах долго смешил всех, появляясь чуть ли не в каждый сеанс.

Вообще, увлечение спиритизмом было в ту пору в обществе повсеместно. Недаром Лев Толстой высмеял это в «Плодах просвещения». У нас даже выписывали журнал «Ребус», где можно было найти все от спиритизма до явлений загробного мира. Я с увлечением зачитывалась этим журналом, так как очень любила все страшное.

Третье увлечение нашего кружка был гипноз, не помню, кто был медиумом, но знаю, что мать тут принимала горячее участие. Закончилось это увлечение трагически. Одну из подруг Симы загипнотизировали. Она была высокого роста и сидела на стуле, гипнотизер стоял перед ней, делая пассы. Вдруг она выпрямилась и сидела, как деревянная, голова была на спинке стула, ноги не сгибались. Все в испуге кинулись к ней, гипнотизер старался разбудить, но все безрезультатно, пришлось вызывать врача. Только после долгих усилий ее привели в чувство. Она была очень слаба. Ее спросили, что она чувствовала: «Я точно была на краю пропасти и вот-вот упала бы в нее», – отвечала она. Мать так перепугалась, что строго запретила всякий гипноз.

Мы с Людой читали очень много, но подход к чтению у нас был разный. Люда брала от книги все, что она могла ей дать, читала по истории, литературе. Я еще в детстве начиталась много книг не для своего возраста, беря у матери романы, приложения к "Родине", то, что ранее называли "бульварные романы". Когда мы стали брать книги в публичной библиотеке, я зачитывалась Жюль Верном, Эмаром, Майн Ридом. Моя необузданная фантазия уносила меня далеко от действительной жизни. Старшая сестра старалась приохотить меня к более серьезному чтению и возмущалась: "Опять "Всадник без головы"! Но эта привычка искать в книгах только фабулу, еще надолго осталась у меня"³⁴.

Дочери, вероятно, не все знали о деятельности отца. А он был весьма деятелен и трудился с успехом. По свидетельству вятских адрес-календарей, Константин Иванович Грозомов, как мы помним, был членом учетного комитета по выдаче ссуд Вятского отделения Государственного банка, членом губернской земской управы, уполномоченным страхового общества "Москва", уездным и губернским земским гласным, почетным мировым судьей г. Слободского, членом правления Вятского общества потребителей. Это все выборные должности, причем выборы были альтернативными всепреемством. Для купца карьера, успех, репутация были очень важны. Если тебе не доверяют люди — как ты будешь жить и работать? Грозомову доверяли.

Глава VIII. В поместье Кирилло-Покровском

Основная часть обширной семьи Грозомовых, между тем, оставалась жить в Слободском, продолжала заниматься своими купеческими делами, обихаживала, как могла, свой город, то есть участвовала в общественной жизни. Мы знаем, например, что Афанасий Иванович Грозомов в 90-е годы прошлого века был членом Слободской уездной управы³⁵. Старший из братьев Николай Иванович был гласным Слободской городской думы и замещал городского голову в его отсутствие³⁶. В общественном банке Анфилатова первыми заместителями директора Шмелева были Н. И. Грозомов и Н. И. Грехов³⁷. Через несколько лет Грехов стал директором, а его заместителем А. И. Грозомов.

Они тоже должны были знать отца и дядьев Николая Ивановича Коробова, близкого друга А. П. Чехова. Один из дядьев Ефим Александрович Коробов был директором Вятского общественного банка Веретенникова, потом в работе этого банка активно участвовали его братья и самый младший Иван³⁸, отец московского врача. Вместе они были гласными в губернском земском собрании от уездов: Коробовы — от Вятского, Грозомовы — от Слободского³⁹. У старшего Николая Грозомова, видимо самого удачливого купца, между тем, вырос сын Иван — человек энергичный и достаточно своеобразный. В те годы, когда сестры Грозомовы — кузины Ивана Николаевича, рвались в Петербург учиться, когда они, отринув привычную стезю купеческих дочек, окунулись в романтическую, полную опасностей револю-

ционную деятельность, Иван Николаевич Громозов женился. Почему-то эта женитьба не была по душе родителям. Он настоял на своем, а чтобы избежать конфликтов, уехал в поместье Кирил Глазовского уезда. Или, может быть, это было родительской волей? Кто знает... Известно только, что в 1904 году он жил где-то недалеко от нынешнего села Афанасьево. Именно там, в Зюздинском краю Глазовского уезда располагалось это купеческое поместье. Главным экономическим объектом была мельница – довольно доходное предприятие. Туда и увез молодую жену Иван Николаевич.

Никто уже не может помнить сейчас, как жили, что делали там молодожены. Детей у них долго не было.

И снова натываемся на некую загадку этой семьи. Казалось бы: преуспевающий молодой зажиточный купеческий сын женился по горячей любви, уехал с молодой женой. Казалось бы: живи, наслаждайся, умножай капитал. А он почему-то, живя там, начинает записывать старинные крестьянские песни от девушек села Афанасьево. Зачем ему это? Всю жизнь хранил он тетрадку с этими записями, не пытаясь как-то их обнародовать. Значит, писал из любви к народной поэзии, из душевной потребности.

У его дочери – кировчанки Татьяны Ивановны Громозовой сохранилось и довольно изрядное количество фотографических пейзажей, очень красивых, выполненных Иваном Николаевичем. Татьяна Ивановна вспоминает, что отец рисовал довольно хорошо. К сожалению, рисунков отыскать не удалось. А любовь к фотографии, видимо, была долгой и страстной, ибо она перешла и к детям. Татьяна Ивановна фотографировала тоже всю свою долгую жизнь. Был способным фотохудожником и сын Борис, к сожалению, рано умерший.

После Кирима Иван Николаевич жил неподалеку от Просницы, здесь у него тоже была мельница. Татьяна Ивановна жизнь в Проснице уже немного помнит, и хороший дом, и семейное благополучие.

Имел Иван Николаевич Громозов и дом в Вятке, солидный, двухэтажный. Этот дом достоин был бы того, чтобы его увековечить, чтобы открыть там музей. Но его сломали. И не так давно. Сейчас на его месте автостоянка напротив бывшего обкома КПСС. В этом доме на втором этаже после того, как вместе с убийством Батуева погибла и его общественная карьера, поселился Константин Иванович Громозов. С ним жили его дочери Серафима и Людмила. Сюда приезжала из Петербурга, Петрограда, Ленинграда младшая дочь Ольга. В 1924 году здесь целое лето жил один из корифеев русского авангарда, музыкант, композитор, художник, друг талантливейших русских художников К. Малевича и П. Филонова, учитель целой плеяды молодых Михаил Васильевич Матюшин.

Перед самой Великой Отечественной войной в этот дом к Борису Громозову пришли два друга: Игорь Франчески и Леонид Дьяконов. Они были молоды, и хотя жизнь их уже сильно и незаслуженно наказала, были энергичны, полны надежд. Леонид Владимирович рассказывает об этом так:

– Мы болтали, наверное, очень громко. А за стеной лежал умирающий

старик. И вдруг он позвал к себе сына. Тот вышел и позвал меня. Старик сказал: «Ты, я знаю, интересуешься фольклором. Вот возьми тетрадку». Это он в молодости записал песни. И какие прекрасные песни!

После войны, когда Л. В. Дьяконов уже выпустил несколько прекрасных детских книг, написанных на материале вятского фольклора, пригодилась и громозовская тетрадка. В одном из сборников «Кировская новь» он опубликовал несколько песен из нее, оценив их очень высоко. С тех пор, хоть и редко, но все же песни из тетрадки Громозова появляются в печати.

Афанасьевскому району вообще повезло. На протяжении полутора веков там записывали песни и профессиональные исследователи, музыковеды, и любители. Среди них Иван Николаевич Громозов занимает не последнее место.

Послесловие

Серафима Константиновна Громозова всю жизнь работала в книжных складах и издательствах. Она была прекрасным, уважаемым специалистом. Сохранилось письмо В. Бонч-Бруевича с настойчивой просьбой возглавить книжный склад издательства «Знание». До конца жизни она жила с отцом, своей семьи у нее не было.

Людмила Константиновна была талантливым, популярным в Вятке и уважаемым в России врачом-психиатром. Л. К. Громозова стояла у истоков создания лечебницы на Раковке.

Л. К. Громозова всю жизнь писала стихи, рассказы, пьесы. Погибла в железнодорожной катастрофе в 1927 году, весь город скорбел о ее гибели, по просьбе пациентов и коллег по работе ее похоронили под окнами кабинета, где она работала главным врачом психиатрической больницы.

Ия Константиновна, в замужестве Франчески, прожила долгую трудовую жизнь. Работала на железной дороге, в библиотеке им. Герцена. Всю жизнь она писала стихи. Написала большую повесть «Прошлого изменить нельзя». Небольшая часть этого произведения стала книгой «Связная партии» (в сотрудничестве с Б. А. Порфирьевым). Оставила подробные, интереснейшие воспоминания.

Ольга Константиновна, в замужестве Матюшина, была членом Союза писателей. Автор многих книг, статей, воспоминаний о Горьком и Маяковском. До конца жизни хранила домик на Песочной, в котором жила с Матюшиным и который был одним из центров русского авангарда. Детей у нее не было.

Владимир Константинович был одним из первых вятских фотохудожников, состоялась его персональная выставка. Возглавлял лабораторию по изготовлению туманных картин (диапозитивов). Семьи не имел. О судьбе Бориса Константиновича ничего выяснить не удалось.

У Ии Константиновны Франчески было двое детей. К счастью, до сих пор живы Игорь Георгиевич и Тамара Георгиевна, в замужестве – Зингер.

Они и сохранили богатейший архив старинной династии слободских купцов, вятских мещан, поэтов, художников, земских деятелей. О младшем поколении этой славной семьи напишут после меня. Я же благодарю И. Г. Франчески и Т. Г. Зингер за неоценимую помощь в написании этой работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. И. Грозомов. Родословие Кировский областной краеведческий музей, № 3755.
2. Е. Березин. Ныне сильный великан...// Кировская правда. 1989. 5 октября.
- С. 4.
3. См. прим. 1. Все стихи Грозомова цитируются по указ. рукописи.
4. Государственный архив Кировской области, далее ГАКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1. Л. 23.
5. Там же. Л. 238.
6. И. К. Франчески. Мои воспоминания. Рукопись. Хранится у Т. К. Николаевой.
7. См. прим. 1.
8. ГАКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3. Л. 46.
9. ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.
10. Там же. Л. 33.
11. Там же. Л. 80.
12. См. прим. 6.
13. ГАКО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1. Л. 246.
14. Там же. Д. 4. Л. 4.
15. Там же. Л. 11.
16. ГАКО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.
17. См. прим. 1.
18. Там же.
19. В. И. Пролеева. К родословной П. И. Чайковского. Ижевск, 1990. – С. 20.
20. Там же с. 22.
21. См. прим. 1.
22. Кировская новь. Киров, 1947. С. 180.
23. Слободской краевед А. В. Кузьмин сообщил автору очерка: «Дневник принадлежал научному сотруднику Кировского пединститута Алексею Николаевичу Ефремову, уроженцу г. Слободского. Вместе с ним мы посещали занятия художника Захваткина. Будучи уже больным, Ефремов зашел к Е. Д. Петряеву и показал ему дневник своего деда. Евгений Дмитриевич при встрече со мной дал мне дневник для ознакомления. Здесь я проявил свою проворность: за ночь перепечатал его для себя. Подлинник впоследствии мне найти не удалось». Цит. по этой копии.
24. См. прим. 6.
25. Слободская публичная библиотека // Вятская незабудка. СПб., 1877. С. 159.
26. Там же.
27. См. прим. 23.
28. См. прим. 6.
29. См. прим. 1.
30. См. прим. 23.

31. См. прим. 6.
32. «Список лицам, служащим в Вятской губернии» // Памятная книжка Вятской губернии, далее ПКВГ. Вятка, 1890. С. 113, 128, 168, 195.
33. См. прим. 6.
34. Там же.
35. См. прим. 32. С. 104, 113, 138.
36. «Список лицам, служащим в Вятской губернии» // ПКВГ на 1886 г. Вятка, 1886. С. 327, 330.
37. ПКВГ на 1870 г. Вятка, 1870. Справочные сведения. С. 43.
38. См. прим. 37. С. 67, 96, 101.
39. «Список лицам, служащим в Вятской губернии» // ПКВГ на 1890 г. Вятка, 1889. С. 185, 222, 229, 252.

Антон Чехов и Николай Коробов

*«...Мой приятель, отличный
человек, и такой же враг...»*

А. П. Чехов

1. Зарождение дружбы

8 августа 1879 года в Москву из Таганрога приехал Антоша Чехов, закончивший гимназию и пробующий себя на поприще мелкой журнальной юмористики. Отец, разорившийся мелкий торговец, вынужден был бежать от кредиторов. Семья жила в Москве бедно, тесно, впроголодь. Располагались в подвальном этаже дома, принадлежавшего церкви св. Николая на Грачевке. Чтобы как-то помочь матери, Антон привез с собой двух пансионеров-земляков — Зембулатова и Савельева, люди эти были с достатком и платили Чеховым за дом и за стол.

«На следующий день — новый сюрприз. Приехал какой-то человек из Вятки и привез с собою нежного, как девушка, сына. Откуда-то он узнал, что мы — порядочные люди, и вот решился просить мою мать взять в нахлебники его сына, тоже приехавшего в Москву поступать в Университет. Это были очень богатые люди, квартира наша была убога и темна и помещалась в глубоком подвале, но отец так заботился о нравственности своего сына, что не обратил на это внимания и поместил его у нас. Этого молодого

го человека звали Николай Иванович Коробов. Он быстро сошелся с Антоном, и до самых последних дней оба они были близкими друзьями»¹.

Так писал Михаил Павлович Чехов, брат писателя, в своих воспоминаниях «Вокруг Чехова».

Много позже Владимир Иванович Немирович-Данченко в книге «Рождение театра» напишет о Чехове:

«Первое время нашего знакомства мы встречались нечасто, даже не могли бы назвать себя «приятелями». Впрочем, я не знаю, был ли Антон Павлович вообще с кем-нибудь очень дружен. Мог ли быть?»²

Теперь мы можем ответить – мог быть очень дружен и был, именно с Николаем Ивановичем Коробовым. Поскольку он был врачом, не входил в круг творческой интеллигенции, о нем нечасто вспоминают, и даже исследователи знают не все.

А дружба началась сразу веселая, молодая. Трое южан и один вятский поступили в Университет на медицинский факультет. Жили дружно, ухаживали за девушками, дурачились, читали, ходили на выставки. Чехов стал сотрудничать в московских юмористических журналах.

18 ноября 1879 года три друга-южанина отправили молоденькой родственнице Чеховых Юлии Лядовой письмо, в котором предрекали себе медицинское будущее. Савельев думал, что станет практикующим врачом в Шуге, на родине обаятельной Юлиньки Лядовой. Зембулатов собирался стать земским врачом в Области Войска Донского, к которой относился и Таганрог. Чехов просто подписался таганрогским мещанином. А про Коробова написано: «Коробова нет дома, будущего д-ра медицины в Вятке»³.

Все сложилось по-другому: на юг уехал Савельев. Зембулатов был врачом Московско-Курской железной дороги и работал в Серпухове, где было имение Чехова. Коробов в Вятку не вернулся. Он стал авторитетным врачом в Москве и известным деятелем на ниве благотворительности.

По всей видимости, каждое лето Коробов ездил на каникулы домой, и вполне вероятно – практиковал в Вятке. Хорошо известно, что Чехов в каникулы работал врачом в земских больницах. Сведений о деятельности студента-медика Коробова нет. Не сохранилось и писем Чехова в Вятку к Коробову. А они были! Чехов сохранил ответы Николая Ивановича из Вятки.

В 1880 году Н. И. Коробов писал: «Прежде всего grand merci за Ваше любезное письмо. Затем скажу, что я приехал в Вятку 6-го июня – ехал, значит, с лишним 6 суток...»⁴

В последнее университетское лето, перед окончанием курса наук Чехов работал в маленьком городке Воскресенске. Там неподалеку работал его брат Иван Павлович учителем. Из Воскресенска Чехов написал Коробову в Вятку письмо, вероятно, с просьбой найти место длямышленного ученика своего брата, мальчика Вани Бабакина. Коробов ответил:

«Получил твое письмо и положительно не знал, как исполнить твою

просьбу, по той, конечно, причине, что в отсутствии трудно оказать влияние на ход политических дел и перемещать, и назначать министров в прямом смысле слова. Однако, если найдешь нужным, то сходи в магазин Горожанкина и спроси, не требуется ли им министр твой – только не говори, что он читает и понимает Щедрина, потому что такие качества для министров суть не в похвалу, а в осуждение... Сообщи тебе некую истину, которая может доставить тебе двугривенный. В уездном городе Котельниче для вывески местной публичной библиотеки употребили вывеску от кабака, закрасили ли плохо ее или от дождя, солнца и времени она выцвела, только теперь на ней написано: «Котельничская библиотека распивочно и на вынос...»⁵

В магазин Горожанкина он посылал Чехова не просто так. Довольно скоро его женой стала Екатерина Ивановна Горожанкина. Чехов ее хорошо знал и много помогал ей, когда у нее открылся туберкулез.

Первый рассказ, который был благосклонно замечен литературными обозревателями и не был чистой юмористикой, назывался «Цветы запоздалые». Чехов любил его и потом почти без перемен включал в свои сборники и собрание сочинений. Рассказ был посвящен Николаю Ивановичу Коробову. Коробов поблагодарил за посвящение, а еще больше за предостережение. Напомним: там речь идет о молодом враче, который не замечает любви молодой, но бедной девушки; он весь погружен в денежные расчеты и думает только о богатстве. Когда же любовь настигает его, он увозит возлюбленную в Италию, к теплу и цветам. Но – поздно. Она умирает. Вряд ли студент-третьекурсник был подвержен накопительству. Но вспомним: Коробовы были очень богаты.

«Цветы запоздалые» были напечатаны в октябре-ноябре 1882 года в журнале «Мирской толк». А весной в апреле имя Коробова появилось на страницах Литературного приложения журнала «Москва». Чехов написал «маленький роман» в пасторальном духе, назвал его «Зеленая коса». Действие происходило на даче у теплого моря. Гости, приехавшие на дачу, носили имена и фамилии знакомых: поручик Егоров, студент-медик Коробов с женой Екатериной Ивановной, художник Чехов. По-видимому, это был роман-мечта: Коробов еще не был тогда женат.

И вот четверо друзей-однокашников закончили Университет, стали докторами. И с этого времени Чехов стал обращаться с медицинскими просьбами к Николаю Ивановичу.

Летом 1885 года семья Чеховых поселилась в Бабкине в имении Киселевых, а неподалеку жил тогда еще молодой художник И. И. Левитан. Видимо, тогда у него начало сдавать здоровье, он был очень нервен, жаловался на сердце. Из Бабкина Чехов писал Коробову в Москву и просил полечить Левитана, который внезапно укатил в город.

Левитан писал Чехову: «В ответ на Вашу бесконечную доброту посы-

лаю Вам мою глубокую благодарность. Коробов был у меня, но уже застал меня почти здоровым, я даже работал...»⁶

Зима 1885 года стала поворотной в жизни Чехова. В декабре он ездил в Петербург, где несколько неожиданно для себя почувствовал большой интерес к своему творчеству. Постепенно занятия литературой стали приносить все больше денег, отнимать все больше сил. Чехов становился больше писателем, чем врачом. Но контакты с друзьями-медиками все еще были крепки, совместно праздновались свадьбы. Приходилось разыскивать по всей Москве фрак и другие принадлежности костюма свадебного гостя, а то и шафера.

Чехов был шафером у студента-медика Еремеева. После свадьбы он писал Савельеву: «Спасибо тебе восьмизатное (с чердаком и погребом!). Не будь твоего скюртука, я погиб бы от равнодушия женщин!!! Еще раз спасибо за скюртук. Желаю, чтобы он у тебя женился и народил множество маленьких скюртучков...»⁷

Потом, в Таганроге, Чехов встретился с Еремеевым. Тот, подвыпивши, будет объясняться в любви. «Знаком я с ним был мало, но он клянется, что у него на этом свете только и есть два истинных друга: я и Коробов», — писал А. П. Чехов домой⁸.

Утверждение некоторых исследователей, что контакты с Коробовым после окончания Университета на несколько лет прекратились, неверно. Основываются исследователи, видимо, на отсутствии писем. Но зачем писать, если виделись часто?

Зимой 1891–92 годов Чехов купил именище Мелихово в Подмосковье. Наконец, большая и сложная по взаимоотношениям семья Чеховых обрела и постоянное жилье, и дачу. В числе первых гостей в Мелихове был Николай Иванович Коробов. Приезжал он довольно часто, фотографировал, присылал снимки. Сразу же возникла активная переписка между давними друзьями. Коробов исполнял поручения Чехова в Москве. Антону Павловичу написал его товарищ по гимназии И. И. Островский о том, что в Москве заболела его знакомая Раковская. Чехов написал Коробову, получил от него ответ и написал Островскому: «Большая теперь, славу богу, здорова. У нее был один мой приятель, отличный человек и такой же врач...»⁹ Но Коробов исполнял не только медицинские поручения. Не был чужд он и литературным интересам своего уже знаменитого к тому времени друга. Участвовал, например, в организации вечера в пользу голодающих в декабре 1893 года вместе с издателями Сабашниковыми, Евреиновой и другими, приглашал к участию и Чехова, но тот не смог¹⁰.

Первое лето, проведенное в Мелихове, подбодрило Чехова. Его уже мучил туберкулез, но он не сдавался и много работал: задумал пьесу «Чайка»,

начал строить флигель для гостей, сажал деревья, цветы, ждал холеру. Казалось, что вот, наконец, обрел счастье, и жизнь теперь пойдет гладко. Но...

Шла работа над «Чайкой». Чехов зазывал к себе гостей. 16 марта 1895 года он писал А. С. Суворину: «Приезжал ко мне из Москвы доктор, почтитель Ницше, очень милый и очень умный человек, с которым приятно было провести два дня...»¹¹

Чехову захотелось вставить в новую пьесу кое-что из рассуждений Ницше. Осенью Чехов был в Москве, но Коробова не застал, написал ему. Коробов ответил: «Здоровье мое – ничего. Был сегодня в больнице; голова у меня никогда не болит после таких вещей. Пошли пьеску – я тебе вставлю, а если переводить не буквально, а от себя присочинить, то выйдет может и складно, да до смысла не доберешься...»¹²

Кто же тот богатый человек, который привез своего сына в Москву и поместил в бедной семье, в подвале, соблазнившись такой нематериальной вещью, как порядочность? Что можем мы узнать об очень богатом человеке, который был к тому же и мудр?

2. Из династии Коробовых

Отец Николая Ивановича Коробова в том самом 1879 году, когда он привез сына в Москву, был «купеческим братом», т. е. еще не был выделен из семейного капитала. Я думаю, вятским людям будет интересно познакомиться с династией Коробовых. Уже одно то, что А. П. Чехов так высоко ценил Николая Ивановича, позволяет нам поподробнее рассказать, в какой семье воспитался он, кто были его предки. Но династия Коробовых интересна и сама по себе. Купцы, торговавшие галантерейными товарами, съестными припасами, были главными устроителями женского образования в Вятке и вообще видными благотворителями.

В разрядных записях 1489 г. читаем: «Лета 6997. Взятие Вятцкое. В большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Андрей Семенович Чернятинский. В передовом полку Григорий Васильевич Морозов да Андрей Иванович Коробов...» И далее: «Потомком литовского выходца, приехавшего на службу к великому князю Тверскому, был также и Андрей Иванович Коробов...»¹³

Вот с тех пор Коробовы и осели на Вятке. С середины XVIII века можно уже говорить о серьезной торговой деятельности Коробовых. Во всяком случае, это были уже тогда видные и состоятельные граждане города Вятки.

В начале XIX века вятский купец Александр Ефремов Коробов был известен и, хотя был третьегильдейным, занимал высокие посты в купеческой иерархии: в 1814 году он был помощником купеческого старосты, а в 1838 году – старостой. К этому времени у него было уже четверо сыновей¹⁴.

Старший Ефим Александрович тоже был человеком известным и пользовался авторитетом, хотя и числился купеческим сыном. В 1858 году он был избран в комитет для строительства Александровского собора. В эти годы он уже был директором частного банка Федора Веретенникова и директором попечительского комитета о тюрьмах¹⁵. Так на протяжении всей жизни он и совмещал – финансовую, банкирскую деятельность и активную благотворительность. И когда в Вятке открылась первая Вятская женская гимназия – Мариинская, то он стал членом попечительского совета и был им, видимо, до конца своей общественной деятельности.

Второй сын Александра Ефремовича Никанор с середины века был активным общественным деятелем: гласным градской думы, Вятского уездного земского собрания, председателем уездной земской управы. И Никанор Александрович вкладывал свои капиталы в строительство женской гимназии и был членом уездного училищного совета.¹⁶

Третий сын Николай Александрович поменьше других братьев был занят общественной работой, хотя тоже был в числе жертвователей на строительство женской гимназии, долгие годы был гласным городской думы. Но, по всей видимости, был хорошим семьянином. Потому что многие жители нашего города еще помнят его сыновей – очень известных вятских деятелей Сергея и Александра Коробовых. Но о них чуть позже.

Четвертый сын – Иван Александрович Коробов, тот самый мудрый отец, поместивший сына в подвале у Чеховых, родился в 30-х годах XIX века. В 1870 году он был уже 2-й гильдии купеческий брат, член попечительства о тюрьмах, гласный городской думы. Потом он будет почетным мировым судьей, членом попечительского совета Мариинской женской гимназии, членом податного присутствия и присутствия по опекунам делам, членом учетного комитета Вятского отделения государственного банка, почетным попечителем (и фактически создателем) земского ремесленного училища. Одним словом, мы с уверенностью можем говорить, что основоположниками женского образования в Вятке, а также и ремесленного обучения были купцы Коробовы¹⁷.

Сейчас мы много говорим и размышляем о возрождении финансовой работы на здоровой основе конкуренции. Так вот во время, когда зарождалось племя финансистов в Вятке, в первых рядах его были опять же Коробовы. Одним из первых директоров банка Веретенникова был Ефим Коробов, а последним – в 1917 году – Александр Николаевич, двоюродный брат московского врача. Другой двоюродный брат Сергей Николаевич в полной мере заменил своих дядьев на ниве попечительства и общественной деятельности. В 10-е годы нашего века он был: гласный Вятской городской думы, купеческий староста, член казенной палаты, попечитель 2-й Вятской

женской гимназии, член общества Святителя и Чудотворца Николая, член епархиального училищного совета. Многие хорошо помнят дочь Сергея Николаевича — Елену Сергеевну Москалец, искусствоведа, художницу, корреспондента радио и областных газет.

3. Николай Коробов в Вятке

10 января 1860 года во Владимирской церкви города Вятки венчались купеческий сын Иван Александров Коробов и вятского купеческого сына Афанасия Иванова Ухова дочь Аполлинария¹⁸. Надо сказать, что это были люди одного, если можно так сказать, купеческого клана. Когда директором банка Веретенникова был Ефим Коробов, товарищем директора — Федор Иванович Ухов, дядя Аполлинарии Афанасьевны Коробовой. И жили они рядом, на одной улице. И богаты были почти одинаково.

24 ноября того же 1860-го года у Коробовых родился сын Николай, впоследствии близкий друг Чехова¹⁹.

В августе 1870 года Коля Коробов поступил в Вятскую мужскую гимназию. Об этом периоде Вятской гимназии мы знаем довольно много, писали и об учителях, и об атмосфере, царившей там. Писали не в связи с Коробовым, а в связи с Константином Эдуардовичем Циолковским. Когда Коля Коробов поступил в первый класс, Константин Циолковский учился во втором классе. На следующий год они окажутся одноклассниками, так как Константин Циолковский останется во втором классе на второй год. Вместе с ним останется и Александр Спицын, впоследствии наш замечательный историк.

В третий класс они перешли все вместе. Здесь к ним присоединился Игнатий Циолковский, оставленный в третьем классе. А через год в третьем же классе останется и Николай Коробов.

Здесь нужно оговориться: оставление на второй год в прежние гимназические времена не было актом наказания, воспитания, дискредитации. К этому факту относились спокойно. Если ребенок не смог одолеть программу класса, то пусть останется и повторит, никакой трагедии в этом нет. Вместе с Николаем Коробовым в третьем классе осталось еще 25 его одноклассников, а в четвертый перевели лишь 22. В ту зиму в городе свирепствовали инфекционные болезни, были сильные морозы, гимназия закрывалась. И поэтому меньше половины учеников смогли перейти в четвертый.

Учился Николай Коробов хорошо. Судя по отметкам (хотя по ним судить о способностях человека нельзя, даже если речь идет о гимназическом образовании), так вот, судя по отметкам, у него большие способности были к точным наукам и к истории, к языкам — немного меньше. Но все же он кончил гимназию в 1879 году на четверки и пятерки²⁰. И сразу же уехал

в Москву. Там и сложилась его судьба, там обрел он семью, друзей, любимую работу, авторитет хорошего врача и массу обязательств по благотворительности.

4. Благотворитель

Увы... болезнь медленно, но неуклонно отнимала у Чехова силы, энергию. Писатель вынужден был бросать все: медицинскую практику, задуманные литературные работы – и уезжать на юг. Чехов и правда был хорошим доктором (он сам не раз писал об этом своим друзьям). Иначе не продержаться бы ему так долго, болезнь свалила бы его гораздо раньше. И все же мы должны помнить, что он создавал свои великие произведения, вопреки гнетущему неотвязному недугу.

К 1895 году уже появились серьезные, значительные произведения. Слава его перешагнула границы Российской империи. В эти годы вышли в свет: «Попрыгунья», «Палата № 6», «Черный монах», «Бабье царство», «Три года», «Рассказ неизвестного человека» и другие.

В эти же годы особенно часты и активны были контакты Чехова с Коробовым. «Милый Николай Иванович! Сделай мне еще и пришли, пожалуйста, хотя в 2-3 экземплярах ту фотографию-группу, где изображен я с серпуховскими докторами. Уж очень просят... Вчера был у меня Макар (Зембулатов – Т. Н.). А когда ты приедешь? Будь здоров. Нижайший поклон Екатерине Ивановне»²¹.

Наступил 1896 год – год «Чайки». Она прошла в Александринском театре в Петербурге. И с треском провалилась. Чехов был потрясен и обескуражен. Из Петербурга буквально бежал. В поезде забыл свои вещи. В Мелихово вернулся, как в нору, зализывать раны. Но жизнь не давала долго лелеять горести. Через неделю он написал Николаю Ивановичу: «Милый Николай Иванович, на сих днях, вероятно, будет разрешено проф. Дьяконову издавать журнал «Хирургия». Если ты не раздумал принимать участие в издании хирургического журнала... то побывай у Дьяконова Петра Ивановича... Моя пьеса прошла очень шумно – в том смысле, что одни говорят, что она бессмысленна, и бранят меня так, что небу жарко, другие же уверяют, что это «дивная» пьеса. Ничего не разберешь, но я вылетел из Петербурга, как бомба, и получаю теперь множество писем и телеграмм: сборы полные. Хотел проездом заехать к тебе, чтобы увезти тебя в деревню, но была отвратительная погода. Исполнение этого моего доброго намерения я отложил до середины ноября, когда установится санный путь и когда буду в Москве»²².

Чехов написал Коробову о двух важнейших своих печалях: провалилась пьеса и закрывался хороший, нужный журнал «Хирургия». И если с пьесой все более или менее утряслось, то с журналом Чехов будет возиться еще долго.

А у Николая Ивановича своих забот невпроворот. Он не очень обременял своего знаменитого друга личными печальями. И все же помощь пона-

добилась. 23 января 1897 года Антон Павлович писал своему знакомому журналисту Ежову: «Милый Николай Михайлович, прилагаемое письмо прислано мне моим приятелем доктором Николаем Ивановичем Коробовым (Б. Полянка, д. Поземщикова). Речь идет о благотворительном обществе при Первой градской больнице...»²³

Это письмо печаталось и цитировалось не раз, а вот «прилагаемое письмо» почти неизвестно широкому читателю. Давайте сегодня прочтем, что же писал наш земляк Антону Павловичу Чехову, на что так горячо откликнулся великий русский писатель.

«Январь 21-го. Милый Антон Павлович! Прежде всего извини, что я, получив твое последнее письмо, не ответил, словно умер – да дело в том, что меня выбрали в секретари благотворительного общества при нашей больнице, а дела так много, да оно и запущено – я теперь сижу там с головой. По поводу этого же самого общества обращаюсь к тебе с просьбой. Сначала расскажу, что за общество.

Мы одеваем, обуваем московскую и деревенскую голь, которая попадает нам с Хитрова рынка и прочих подобных мест иной раз в чем мать родила. Затем оперированным даем искусственные ноги, трахеотомические трубочки, бандажи, очки и т. п. Деревенским или вообще иногородним даем при выписке деньги на дорогу, рубля 3 даже 5, а московским на извозчика и конку.

Затем одна барыня г-жа Щекотова года 4 устроила при нашем обществе приют для маленьких детей (от дня рождения и до 5 лет) бедных больных, лежащих у нас в больнице. Ты можешь представить прачку, у которой есть трехмесячный ребенок, которого часто некуда девать, если прачка попадает в больницу, а тем более умирает. Положим, это бывает не часто, но все же за 4 года было 70 ребят таких, т. е. всего принято в приют, большую часть взяли родители, когда выздоровели, или родные, но и теперь еще несколько осталось в приюте, которых некуда девать, а они уже подросли и их надо учить. Расходу было от 1500 до 2-х тыс. в год.

Теперь это закрывается, так как у общества нет средств содержать приют, ибо весь доход общества менее 3-х тыс. и его не хватает одевать всех этих хитровцев, ибо зима холодная и много больных возвратной горячкой в ночлежных домах. Приют же содержала г-жа Щекотова на сборы с концертов и т. п., общество не тратило ни копейки. Г-жа Щекотова теперь отказывается добывать деньги и одна возиться с приютом, и мы было совсем решили приют закрыть, как совершенно неожиданно получаем приглашение от доктора В. К. Попандопуло пожаловать к нему и получить 1000 р. на приют. Жертвовательница, желающая остаться неизвестной, дает их, да и еще обещают в этом же году дать другую тысячу. Теперь приют на год обеспечен и пока будет существовать.

Далее, 13-го февраля будет ровно 25 лет, как открыли общество. Решили устроить торжественное собрание в этот день в больнице в 1 час дня и читать в нем отчет за 25 лет.

Я прошу тебя, нельзя ли обо всем этом замечтку в московских газетах. Пожалуйста, помоги. Напиши мне, к кому обратиться и дай записку, обещаешь весьма. Денег у нас мало, а если рекламировать, что-нибудь и попадется. Поклон твоим. Будь здоров. Приезжай есть пельмени. Твой Н. Коробов»²⁴.

Вот об этом и писал Чехов Ежову. Кончалось письмо Антона Павловича так: «Я жалею, что письмо моего приятеля коротко. Не найдете ли Вы возможным и нужным повидаться с ним? Он мог бы дать Вам много материала бытового и цифрового. Он очень умный человек. Бывает дома после двух. Кстати сказать, лечит прекрасно...»²⁵

Совсем скоро возникла надобность у Чехова во всех этих превосходных качествах своего друга.

Через две недели Антон Павлович написал Коробову: «Милый Николай Иванович, я приехал. Большая Московск. гостиница № 2. Как бы нам повидаться? Я рассчитываю побывать у тебя, но не могу назначить дня и часа, так как по обыкновению, дни и часы мои перепутались в Москве, и я не располагаю ими. Как-нибудь побывай у меня — и мы условимся насчет пельменей. Поклон Екатерине Ивановне. Твой А. Чехов»²⁶.

Вероятно, ели они пельмени (вятские!) и в этот приезд, и в следующие. Чехов в эту зиму ездил в Москву часто — шла российская перепись. После переписи он намеревался поехать в Петербург, но 22 марта за обедом у него хлынула горлом кровь, и его увезли в клинику проф. Остроумова.

«Я очень испугался, когда в «Московской» узнал, что Оболонский увез тебя в клинику Остроумова — там меня не пустили к тебе, и солдат говорит, что не пустили уже 5 человек. Этому я от всей души сочувствую. Если тебе можно писать, ради бога извести, что с тобой, и если тебе я на что-нибудь нужен, то я это сделаю!» — писал Н. Коробов²⁷.

Конечно, потом он попал к Чехову и, вероятно, помощь его была значительной. Антон Павлович выписался из больницы 10 апреля, в Мелихово вернулся 11-го и сразу же послал Коробову маленькое письмецо: «Милый Николай Иванович, я уже дома! Все обстоит благополучно. Впрыскиваю в свой собственный живот мышьяк и стараюсь побольше есть. Книгу твою пришлет надзирательница остроумовской клиники в 1-ю градскую больницу. Тебя и Екатерину Ивановну поздравляю с праздником. Большое тебе спасибо, очень большое — это кстати сказать. Будь здоров. Твой А. Чехов»²⁸.

Коробов очень скоро приехал в Мелихово. А стоило ему уехать, как вслед полетело письмо: «...напоминаю о твоем обещании еще побывать у меня. Буду ждать — имей это в виду. До приезда пришли фотографии»²⁹.

Следующую зиму Антон Павлович вынужден был провести в Ницце. Он упивался теплом, радовался сытой богатой жизни, а душа тосковала. В

это время во Франции возникло дело Дрейфуса, о котором не одно десятилетие писали все газеты мира. Это было, пожалуй, самое шумное судебное дело в истории. Чехов читал газеты, переживал, писал письма на родину. Но в России даже среди его знакомых не все оказались единомышленниками, и это Чехова очень расстраивало, усугубляло болезнь. Самое первое упоминание о Дрейфусе было в письме к Коробову: «...Я в Ницце, уже обжился здесь и привык. Кровохаркания бывают понемногу, но подолгу, в общем здоровье совсем недурно и умирать я не собираюсь... Газеты полны рассуждений и сплетен о Дрейфусе, читаю очень внимательно...»³⁰

Дело по обвинению еврея Дрейфуса в измене Франции станет лакмусовой бумажкой в русском обществе. Оно будет объединять единомышленников и резко разведет в разные стороны Чехова и его бывших друзей из «Нового времени» во главе со знаменитым А. С. Сувориным. Доктор Коробов бесспорно был единомышленником Чехова. Он хорошо понимал Антона Павловича: и его заботы, его расстройства, и его прославленный юмор. Он ответил Чехову из Москвы: «Меня удивляет, отчего идет кровь? Не играешь ли ты в Монако? ...Зачем такие пессимистические рассказы в «Русских ведомостях»?

Напиши что-нибудь жизнерадостное, что бывает в ранней юности, когда хочется кричать и скакать от радости бытия... Вчера в Эрмитаже справлялся юбилей Златовратского. Похоже, что это только предлог либеральной демонстрации. Народу записалось столько, что, говорят, половине отказали. Пропать адресов, между прочим, от рабочих, которые якобы воспитываются на его сочинениях, была на юбилее и драка у Тихомирова с Медведевым...»³¹

5. А в это время в Вятке

Конец прошлого века — это расцвет Вятского земства. Открывались больницы и училища, создавались книжные склады (это не склады в сегодняшнем понимании. Тогда они были посредниками между издательствами и покупателями, и сами иногда издавали книги). В Вятке возник известный во всей России кустарный склад. Земство заботилось о порядке и чистоте на городских улицах, контролировало торговлю, занималось благоустройством, поддерживало создание музеев, концертов, газет. Одним словом, Вятское земство было по-настоящему хозяином на своей земле, рачительным хозяином и строгим.

В эти годы Вятка жила богато. Здесь работали банки, страховые общества, благотворительность охватывала все слои населения.

Создавали богатство в числе прочих сограждан и купцы Коробовы. Напомню: двоюродные братья Николая Ивановича Коробова, который много делал для беднейших жителей Москвы, способствовали процветанию Вят-

ки и ее жителей. Александр Николаевич Коробов стал товарищем директора общественного банка Федора Веретенникова. Сергей Николаевич служил в городской думе и был активным членом губернского попечительства о детских приютах. К 1916 году первый из них станет уже директором банка, а второй расширит круг благотворительных занятий на женское просвещение.

Был у Николая Ивановича и родной брат Михаил Иванович Коробов. На некоторых старых вятских открытках можно увидеть вывеску магазина Коробовых. Это как раз Михаила Коробова, продолжившего отцовское дело. К сожалению, мы пока не знаем, как жили и когда умерли родители Николая Ивановича. А вот о брате Михаиле знаем достаточно много, причем, из неожиданного источника.

Дело вот в чем. В Вятке с середины XIX века существовал городской клуб или, как его иногда называли, «благородное собрание». В 1906-1908 годах царское правительство в целях борьбы с нарастающим революционно-демократическим движением решило провести регистрацию всех общественных организаций. И вот заявления на организацию стали подавать многочисленные добровольные пожарные общества и общества пчеловодов, музыкальные и драматические кружки, кассы взаимопомощи и кружки естествоиспытателей. Было подано прошение и об официальном открытии собраний Вятского клуба. Это было в 1907 году, а 1 января 1908 года Вятский губернатор закрыл клуб «ввиду несоблюдения Вятским общественным собранием устава оного, происходящих там безобразий, драк и азартных игр...» Выясняется, что азартные игры были, а драка была всего одна, она и послужила поводом к закрытию благородного собрания. Причины были гораздо глубже, но об этом поговорим как-нибудь в другой раз. Сегодня же — о Михаиле Коробове.

«Протокол

1908 года января 1 дня. Пристав 1 части г. Вятки, произведя расследование по поводу игры в карты в азартные игры в Вятском общественном собрании, расспрашивал нижепоименованных лиц, которые рассказали: «Александр Михайлович Строганов рассказал, что... в «железку» играло человек 12; Михаил Иванович Коробов, который был выпивши, привязывался почти ко всем... Коробов за что-то назвал Аронсона жидом; последний заметил, что он не жид, а еврей, после чего Коробов опять назвал Аронсона жидом... Аронсон замахнулся на Коробова... но был удержан другими...»³²

Вот вам и братец! Этакий затхлый персонаж Островского!

Дон Лейбович Аронсон был лучшим вятским дантистом, известен он был и как брат популярного в те годы скульптора Наума Аронсона, жившего в Париже.

Возвращаясь к разговору о Вятском общественном собрании, надо ска-

зять, что оно было опять открыто через год, но во главе его встали новые люди, более удобные для губернатора. А Михаил Иванович Коробов продолжал ходить в клуб, вероятно, продолжал играть в азартные игры. Он был очень богат, и вряд ли особенно обращал внимание на нотации власть предержащих. Вот реклама его магазинов, которая появлялась на страницах печатных изданий постоянно вплоть до 1917 года:

«Модно-галантерейные магазины М. И. Коробова в Вятке

Имеются в выборе:

Золотые и серебряные вещи, карманные часы, мельхиоровые и бронзовые изделия, образа в серебряных и апплиновых ризах, киоты и свадебные шкатулки, перья, ленты, кружева, тюль, веера, альбомы, нессесеры, риди-кюли, портвояжи, рамки, зонтики солнечные и дождевые, шляпы дамские, мужские, детские летние и зимние, мужское и дамское белье, галстуки, перчатки лайковые и шведские, запонки рукавные и шемизетные, гребни, гребенки и щетки головные, шерсть, шелк, бумага и фельдикос разных цветов. Парфюмерный товар русских и заграничных фабрик, туалетные и кабинетные вещи, чернильные приборы, металлические венки, зеркала туалетные. Швейные машины. Имеются в продаже несгораемые шкафы, цена 200 р. Специальное отделение церковной утвари и дамских шляп.

Все требования господ покупателей по выписке и поручениям исполняются аккуратно и добросовестно».

Я как-то упустила из виду других близких родственников Николая Ивановича Коробова по линии матери — Уховых. А ведь дядя матери Аполли-нрии Афанасьевны был почти до конца прошлого века товарищем дирек-тора банка Веретенникова, гласным городской думы. В начале нашего века на этих постах его сменил брат Аполлинарии Афанасьевны, то есть дядя Н. И. Коробова, тоже богатый вятский купец Митрофан Афанасьевич Ухов.

Вот так жили вятские Коробовы в конце прошлого и начале нынешнего века.

6. Испытание дружбы

В феврале 1899 года Николая Ивановича Коробова постигла беда. Он писал Чехову об этом так: «Милый Антон Павлович! Обращаюсь к тебе с просьбой. Дело в том, что у моей жены после инфлюэнцы развивается туберкулез легких, и мне советуют везти ее в половине марта в Крым. Ответь мне, пожалуйста, какая там в это время погода, и где лучше всего поместиться, имею в виду, что она будет жить с прислугой и ребенком»³³.

Чехов в ответ написал длинное подробное письмо, потом начал искать квартиру, потом нашел. В это время имя старого друга в переписке Чехова упоминается очень часто — в письмах к брату, к сестре, к матери. Пишет и Коробову: жду, жду. И вот сообщение в письме к Марии Павловне 19 марта 1899 года: «Пришел Николай Ив. Коробов. Он рассказывал про тебя и про

мать; советует купить дом, который давал бы доход, находя, что иметь дом только для себя — это дорогостоящая роскошь. Он говорил обстоятельно, так что я согласился с его доводами. Идет дождь»³⁴.

Коробов приехал опять же с фотоаппаратом, снимал постройку дома в Аутке. Сейчас там дом-музей А. П. Чехова, в который едут туристы со всего мира. И они (люди со всего мира) смотрят фотографии нашего земляка, доброго человека и отличного врача.

В это время слава Чехова уже гремела по всей России и многим странам Европы. Жил он напряженно, времени было мало: строил себе дом для зимовок, готовился к концертам, посвященным 100-летию со дня рождения А. С. Пушкина, писал новую пьесу. И главное — его одолевали чахоточные болезни со всей России. В какой-то газете появилась корреспонденция, что Чехов строит санаторий для больных земских учителей, и повалили письма-просьбы. Антон Павлович очень переживал, что не может помочь многим, хотя делал для больных все, что мог. И в это такое напряженное время он так хлопотал о жене Н. И. Коробова! Екатерина Ивановна жила в Ялте все лето, поправилась и вернулась в Москву, а Чехов, увы, болел все тяжелее и вынужден был снова уехать в Ялту на зиму от московских друзей, от талантливого Художественного театра, от любимой женщины.

В рождественские праздники накануне 1900 года состоялось избрание в академики по разряду изящной словесности. Почетными академиками стали Л. Толстой, А. Чехов, В. Короленко, А. Потехин, А. Кони, А. Жемчужников, А. Голенищев-Кутузов, В. Соловьев, К. Арсеньев и К. Р. (Константин Романов). Эти выборы потом принесли больше хлопот Чехову, чем радости. Да и в день получения известия Чехов был болен и ничего, кроме тоски, не почувствовал. Друзья же ликовали.

«Милый Антон Павлович! Поздравляю тебя от души с избранием в почетные академики. Я горжусь, что у меня есть товарищ-академик, и выбран в хорошей компании, впрочем, мало сказать — в хорошей, где есть Л. Толстой... Скажи, пожалуйста, как ты себя чувствуешь академиком? Есть ли у вас мундиры и что говорит Толстой? ... Я видел «Дядю Ваню», по-моему, это лучшая русская пьеса за последние 20 лет. Я ставлю ее много выше «Чайки», мне она кажется даже совсем особенной. В «Чайке» чувствуешь театр, сцену, а в «Ване» сама жизнь, и оттого сначала как-то дико и странно. А потом, как взглядишься, чувствуешь трепетание новой жизни...»³⁵

Так писал Коробов. Чехов ответил тоже длинным письмом, рассказывал о своем нездоровье. В Москве, в театре публика устраивала овации, слала телеграммы любимому автору, а он болел, страдал от одиночества. И когда осенью приехал в Москву, то почти не вылезал из театра. Там было все по-другому, там было высокое искусство. И там играла обладательница удивительно задушевного голоса Ольга Книппер. И Коробов тогда часто бывал в театре, радовался за друга и переживал за него.

Антону Павловичу Чехову оставалось жить всего три с небольшим года.

А жить-то как раз становилось все лучше. Чехов был сравнительно богат, по крайней мере, вполне обеспечен. К нему пришла любовь, он женился. У него появились верные последователи: Бунин, Горький. За Чеховым ухаживали, издатели просили хоть строчку, хоть обещание на будущее. Одним словом, жить бы да радоваться. А он писал из Ялты Д. Т. Савельеву, одному из тех пансионеров, которых он привез с собой из Таганрога для поддержания семейного бюджета: «На днях в Ялте был у меня Макар (Зембулатов – Т. Н.), который стал немилосердно толст. А Коробов постарел, поседел; и я поседел, похудел... одним словом, обращаемся все мало-помалу в маститых...»³⁶

Как известно, в 1904 году Чехов вынужден был уехать в Германию, в Баденвейлер, где и скончался. Николай Иванович Коробов постоянно приходил к Марии Павловне Чеховой, к матери, следил за лечением своего знаменитого друга, но помочь уже ничем не мог. Родственники вспоминали, что Коробов очень поддерживал их в трудные дни.

Умер Николай Иванович в 1919 году в Москве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. П. Чехов. Вокруг Чехова. М., 1981. С. 52.
2. Вл. И. Немирович-Данченко. Рождение театра. М., 1989. С. 47.
3. А. П. Чехов. ПССП. Письма. М., 1979. Т. 1. С. 30.
4. Там же. С. 495.
5. Там же. С. 131.
6. И. И. Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. М., 1956. С. 25.
7. А. П. Чехов. ПССП. М., 1979. Т. 1. С. 97.
8. Там же. Т. 2. С. 62.
9. Там же. Т. 5. С. 169.
10. Там же. Т. 5. С. 160.
11. Там же. Т. 6. С. 37.
12. Там же. Т. 6. С. 671.
13. Труды Вятской ученой архивной комиссии, ТВУАК. Вятка, 1906. С. 31.
14. ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 138. Л. 6.
15. Там же. Д. 608. Л. 16.
16. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии. // ПКВГ на 1873 г. Вятка, 1873. С. 102, 107.
17. Там же. ПКВГ на 1873 г. С. 101; ПКВГ на 1882 г. с. 147.
18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 73. Д. 138.
19. Там же.
20. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 310. Л. 9.
21. А. П. Чехов. ПССП. Письма. Т. 6. С. 127.

22. Там же. С. 207.
23. Там же. С. 278.
24. Российский государственный архив литературы и искусства, РГАЛИ.
Ф. 549. Оп. 1. Д. 297. Л. 1.
25. А. П. Чехов. ПССП. Письма. Т. 6. С. 278.
26. Там же. С. 20.
27. Там же. С. 694.
28. Там же. С. 327.
29. Там же. С. 342.
30. Там же. Т. 7. С. 98.
31. Там же. С. 472.
32. ГАКО. Ф. 839. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.
33. М. М. Решетников. Письма Коробова к Чехову. // Кировская правда, 1980.
№ 118. С. 3.
34. А. П. Чехов. ПССП. Письма. Т. 8. С. 131.
35. См. прим. 33.
36. А. П. Чехов. ПССП. Письма. Т. 11. С. 240.

Светлана Панькова

Жупцы Жардаковы: годы и судьбы

Котельнич – старинный уездный городок. Он расположен на берегу реки Вятки, вблизи реки Моломы (бассейна реки Вятки), что, несомненно, имело важное значение для развития экспортной торговли. В XIX веке по числу представителей купечества г. Котельнич занимал пятое место в Вятской губернии.

На формирование купеческого сословия в городе большое влияние оказала Алексеевская ярмарка. Она открылась в период царствования Алексея Михайловича (1645–1676) и продолжалась с 1 по 18 марта. Позднее срок проведения ярмарки был продлен до 23 марта. Указом Сената от 9 сентября 1843 г. она была узаконена¹.

Купеческое сословие в Котельниче постепенно увеличивалось, рос товарооборот Алексеевской ярмарки. К 1783 г. здесь было 20 купеческих семей, 42 души мужского пола. В то время в Котельниче проживали купцы Петровы, Зырины, Халтурины, Пинаевы, Куршаковы и др. Их общий капитал составлял 10375 рублей, от 500 до 600 руб. на каждого².

В купеческое сословие обычно записывались мещане и крестьяне. Так, по данным 4-й ревизии 1782 г., купцами г. Котельнича стали 7 крестьян³.

По Жалованной грамоте городам, подписанной Екатериной II в 1785 году, было установлено деление купцов на три гильдии. Котельничское купечество записалось в третью гильдию. Купцы этой гильдии должны были иметь капитал от 1000 до 5000 руб. и получили право торговать только в своих городах.

Для многих городских обывателей переход в купечество стал непосильным делом. В г. Котельниче уменьшилось число купеческих семей: к 1791 г. их осталось 12 (27 душ мужского пола) с капиталом от 1015 до 1050 руб. Через полвека, в 1841 г., подтвердили свои капиталы 33 семьи⁴.

Учитель Котельничского училища сын купца Илья Глушков сообщал, что в эти годы началась торговля котельничан с Архангельским портом. До этого времени товары зимним путем отправлялись только до Великого Устюга. Первыми купцами, начавшими торговлю с этим портом, были Сергей Дмитриевич Зырин, братья Иван и Прокопий Максимовичи Кардаковы⁵.

Фамилия Кардаковых стала известна купеческой среде с первой четверти XIX века. Об этом купеческом роде и пойдет повествование дальше.

Первым представителем фамилии, записавшимся из крестьян в купеческое сословие, был Иван Максимович Кардаков. Старший сын в семье, он, вскоре после женитьбы, уезжает в Котельнич и становится мещанином. С 1825 г. Иван переходит в купеческое сословие⁶. Его братья Василий с семьей, Прокопий, сестры Ефимия и Фекла оставались жить вместе с отцом в д. Кардаковы, находившейся в Игумновской волости Котельничского уезда.

В 1826 году Прокопий женится на дочери крестьянина Ильи Куршакова девице Анне. После смерти отца Максима Ивановича Кардакова, Иван взял себе в помощники брата Прокопия, который перебрался на жительство в Котельнич.

В 1832 г. были записаны в купечество с общим капиталом 8000 руб. 12 крестьян Котельничского уезда⁷. Главными предметами отпускной торговли котельничских купцов являлись мука ржаная, овес, рожь, лен, льняное

семя и масло, куделя и др. Товары отправлялись к архангельскому порту, в Петербург, Рыбинск, Нижний Новгород.

Благодаря поддержке брата, Прокопий становится на самостоятельный путь. Купец 3-й гильдии, он ведет торговлю в г. Никольске Вологодской губернии⁸. В 40-е гг. братья Кардаковы переходят во 2-ю гильдию⁹.

Иван и Прокопий положили начало купеческому роду Кардаковых. Три поколения этого рода в 1825–1917 гг. приумножали свой купеческий капитал. Предприимчивость, родственные связи, взаимоподдержка помогали существовать этому роду и выстоять в трудную годину.

В истории этой большой семьи выделяются три ветви родословного дерева, основателями которых стали Иван, Василий, Прокопий Кардаковы.

ИВАН МАКСИМОВИЧ КАРДАКОВ родился в 1796 году в деревне Кардаковы (еще эту деревню называли Вновь Кардаковская, Нижние Кардаковы). Предки его были государственными крестьянами. Их основным занятием являлось земледелие. «За утеснением хлебопашества по приговору мирскому» они переезжали из деревни в деревню, пока не основали новое поселение и название ему дали в честь своей фамилии – Кардаковская¹⁰. Место выбрали живописное, на берегу реки Моломы. Дед Иван Козмин сын Кардак к моменту рождения внука был сельским старостой. В его честь и назвали первенца.

В 18 лет от роду Иван женился на дочери крестьянина д. Бызинской Даровского прихода Агриппине Стефановне Бобровой. Старший брат его жены занимался хлебной торговлей, а младший брат Захар Бобров впоследствии, с введением земства, был избран первым председателем Котельничской уездной управы¹¹.

В возрасте 55-ти лет супруга Ивана Максимовича Агриппина скончалась и была похоронена на городском кладбище¹². Памятник на могиле сохранился до наших дней, на нем надпись: «Жена купца 2-й гильдии Агриппина Степановна Кардакова (1796–1853 гг.)».

У Кардаковых было семь детей, выжили только двое: Михаил и Евдокия.

Единственный наследник Михаил Иванович Кардаков (р. 1819 г.) не только стремился приумножить купеческий капитал, но оставил след в истории г. Котельнича как купец-благотворитель. Он был умен, богат и с умом вкладывал свой капитал.

В январе 1856 года Михаил Иванович был избран городским головой, а в 1857 г. одним из первых котельничских купцов перешел в 1-ю гильдию¹³.

В 1854 г. М. И. Кардаков первым построил в г. Котельниче кожевенный завод. При одном мастере в пяти огромных корпусах этого завода работали от 70 до 100 человек. Ежегодно здесь вырабатывалось от 15 до 27 тысяч штук кож. Продукция отправлялась в С.-Петербург, Москву, на Нижегородскую ярмарку.

К кожевному заводу были присоединены салотопенное, свечное и клейное производства. На каждом из них работал один мастер и 10–15 рабочих¹⁴.

С 1858 г. Михаил Иванович и его братья принимали деятельное участие в учреждении «Северо-Двинского пароходного общества»¹⁵.

Память о себе этот купец оставил и в общественной жизни города. 26 декабря 1859 г. в г. Котельниче открылось женское приходское училище. Для училища М. И. Кардаков не только пожертвовал дом, но и взял на первый год все расходы по училищу, в частности, положил жалованье преподавателям, освободил некоторых родителей от платы за образование дочерей (за право учения необходимо было платить 10 рублей в год). Михаил Иванович и его супруга также изъявили готовность стать попечителями училища и вносить ежегодно по 100 рублей каждый. 12 декабря 1860 г. училище было преобразовано во второразрядное, в конце XIX века преобразовано в гимназию¹⁶.

Нужно также отметить, что Кардаковы ежегодно жертвовали по 10 рублей на выпуск журналов для уездного училища¹⁷.

Особым объектом благотворительности Кардаковых были котельничские храмы. В 1857 г. Михаил Иванович вместо ветхой деревянной холодной кладбищенской церкви построил полукаменную теплую. На свой счет он взял постройку иконостаса, его позолоту и живопись. М. И. Кардаков пожертвовал этой церкви и колокол в 127 пудов.

Особенно была благодетельствована Кардаковыми Николаевская церковь¹⁸. Известно, например, что Михаил Иванович заказал в Дивеевской обители 40 икон для иконостаса этой церкви.

В 1862 г. в г. Вятке проходила губернская сельскохозяйственная выставка. Здесь были представлены экспонаты и М. И. Кардакова. При подведении итогов выставки ему присудили золотую медаль за приплодного бычка холмогорской породы. Лучшими были признаны также кожи с его завода.

6 ноября 1862 г. в г. Котельниче открылся городской общественный банк им. М. И. Кардакова. Михаил Иванович пожертвовал 10 тысяч рублей серебром в основной капитал банка для обслуживания операций Алексеевской ярмарки¹⁹.

Банк носил имя Кардакова и после его кончины. В 1872 г. его директором был С. С. Зырин. Наиболее оживленный период деятельности банка отмечался в 1872–1879 гг. К 1895 году основной капитал банка возрос до 62 тысяч рублей серебром²⁰.

Но даже и то, что банк был основан и носил имя Кардакова, являвшегося, кстати, потомственным почетным гражданином г. Котельнича, не спасло его продолжателей от банкротства. Наследников после себя Михаил Иванович не оставил. Четверо детей, рожденные в 40–50-е гг., умерли, не дожив и до года.

Жена М. И. Кардакова не смогла продолжать коммерческие дела своего мужа на прежнем уровне. Кроме того, Надежда Дмитриевна Кардакова (так звали жену Михаила Ивановича) стала должником. Ее долг банку по векселям составил 7412 рублей с процентами. А в 1871 г. недвижимое имение, состоявшее в г. Котельниче на двух участках в компанейском винокуренном

заводе (фирма «Любовь», половина принадлежала Кардаковой), было оценено в 13394 рубля и поставлено на продажу²¹.

Так закончилась история первой ветви Кардаковых.

ПРОКОПИЙ МАКСИМОВИЧ КАРДАКОВ имел троих наследников – сыновей Андрея (р. 1830 г.), Ивана (р. 1833 г.) и Александра (р. 1840 г.).

В 1854 г. в Николаевской церкви состоялось венчание котельничского купеческого сына Александра Петровича Зырина и дочери котельничского купца 2-й гильдии Прокопия Кардакова девицы Ольги. Поручителями со стороны жениха были потомственный почетный гражданин, купец 2-й гильдии г. Орлова Вятской губернии Ф. Т. Булычев, купец 2-й гильдии г. Котельнича Семен Сергеевич Зырин и др. Со стороны невесты поручителями выступали купеческие сыновья Андрей и Иван Кардаковы²².

На этой свадьбе и присмотрел себе зятя Филипп Тихонович Булычев. Через три года его дочь Раиса вышла замуж за Ивана Прокопьевича Кардакова²³. Андрей Прокопьевич взял в жены дочь умершего купца 2-й гильдии г. Орлова Андрея Синцова Аполлинарию²⁴.

На 1858 год по Котельничу было объявлено 47 купеческих капиталов, выдано 59 свидетельств на торговлю²⁵. Торговые свидетельства получили по 1-й гильдии – 2 купца, 2-й гильдии – 2, 3-й гильдии – 43. Среди купцов 1-й гильдии были Кардаковы.

После смерти отца Иван и Андрей Кардаковы основали свой Торговый дом.

Братья Кардаковы состояли на службе в органах городского самоуправления. Так в 1857–58 гг. А. П. Кардаков был бургомистром в городском магистрате, а с января 1862 г. – городским головой²⁶. Образование он получил в Вятской гимназии.

В 1866 г. братья Кардаковы стали потомственными почетными гражданами города Котельнича²⁷.

В возрасте 39-ти лет Андрей Прокопьевич Кардаков скоропостижно скончался. Его похоронили в церковной ограде Николаевской церкви. У Кардакова осталось три наследника: Максим, Прокопий, Николай. Последний наследник появился уже без отца и был назван Андреем. Вдове Аполлинарии Андреевне Кардаковой было тогда всего 30 лет. Воспитывать четверых сыновей ей помогали братья Андрея Прокопьевича.

А. П. Кардаков оставил о себе долгую память. Он был инициатором открытия Комиссаровской ремесленной школы. В ней было два отделения: кузнечно-слесарное и столярно-токарное. Содержалась школа за счет средств города, уездного земства и дохода от работ учащихся. Обучение в школе было бесплатное²⁸.

Иван Прокопьевич Кардаков после кончины брата остался во главе фирмы. Надо сказать, что в 1870 году в Котельниче было 25 купеческих фирм, в двух из них во главе стояли купцы С.С. Зырин и И. П. Кардаков²⁹. Они имели значительный товарооборот в торговле через Архангельский порт. До конца 80-х гг. обе фирмы имели свои закупные конторы и комиссионеров в Котельничском, Яранском, Уржумском, Орловском уездах. Котельнич-

ские купцы торговали хлебом, вином, съестными товарами, железом, льном, кожей и т. д. Сбыт товаров производился в городе и уезде, а также в Архангельском порту. Товары в этот порт доставлялись по Северной Двине. В числе основателей пароходства по этой реке был Филипп Тихонович Булычев.

Зять Булычева Иван Прокопьевич Кардаков в 1867 г. вместе с купцами С. С. Зыриным, А. А. Прозоровым стал владельцем старейшего на Северной Двине пароходства. Флот был невелик: два парохода, несколько барж, пристани, но пользу купцам оказывал большую. Акционерами Товарищества Северо-Двинского пароходства И. П. Кардаков был избран его директором³⁰. К этому времени судоводители освоили плесы Северной Двины, Сухоны, Юга.

В 1862 году Иван Прокопьевич состоял членом комитета по вопросу о проведении железных дорог в Вятской губернии. В 1868 г. он вместе с С. С. Зыриным как патриот своего города и предприимчивый купец представил докладную записку губернскому земскому собранию, в которой настаивалось, чтобы железная дорога (Вятско-Двинская и линия Пермь – Вятка – Ярославль) прошла через г. Котельнич. Но победила купеческая группа северных заводчиков, выступавшая за строительство железной дороги через Котлас.

Продолжая традиции братьев, бывших «отцов» города, Иван Кардаков принимал деятельное участие в общественном управлении города. С ноября 1871 г. он стал городским головой и не оставлял сей пост почти 20 лет. До этого, с 1869 г., Иван был мировым судьей. А образование он получил в Вятской гимназии.

Имя И. П. Кардакова встречается среди гласных Вятского губернского земского собрания от Котельничского уезда. Иван Прокопьевич был также председателем сиротского суда³¹. Кроме того, с 1873 г. он был введен от земства в Котельничский уездный училищный совет.

За многолетнюю службу умный, деятельный купец 1-й гильдии И. П. Кардаков был награжден орденом св. Анны 4-й степени, золотой медалью «За усердие» и знаком Красного Креста³².

Братья Кардаковы вкладывали свой капитал и в развитие котельничской промышленности. В 1891 г. наследникам Андрея Прокопьевича Кардакова принадлежали 2 кирпичных завода в г. Котельниче, а в селах Ивановском и Арбаже Котельничского уезда – 2 питейных заведения. Иван Прокопьевич владел в городе складочным амбаром. В Даровской и Рязановской волостях уезда он имел 3 водяные мельницы, а в селах Даровском и Вонданском – 2 питейных заведения³³. Более того, в г. Котельниче представителям этого рода принадлежало 12 домов.

В роде Кардаковых подрастало третье поколение. Следуя семейным традициям, наследники получали имена в честь дедов и прадедов: Максимы, Прокопии, Андреи... Корни родословного дерева этого рода уходят в начало XVIII века. Именно тогда в деревне Ананьинской жил крестьянин Андрей Кардаков³⁴.

Интересы наследников связаны были не только с торговлей. Прокопий Андреевич Кардаков, например, в 1886 г. окончил курс в Николаевском кадетском корпусе. Через год он был принят в число студентов Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства³⁵.

В 1888–1890 гг. в Котельниче Максим Андреевич избирался почетным мировым судьей. По службе пошел и Андрей Николаевич Кардаков (внук Андрея Прокопьевича). В 1913 г. он значился кандидатом на судебные должности в Вятский окружной суд³⁶. В 1915 г. А. Н. Кардаков избирался городским судьей г. Глазова и губернским секретарем³⁷.

Судьба разнесла, разметала членов семьи Кардаковых в разные стороны. К наследникам Андрея Прокопьевича ниточка тянется в г. Липецк.

Ивана Прокопьевича Кардакова любящая жена Раиса Филипповна ода-рила 14-ю детьми, в живых осталось 9. Наследников было пятеро: Прокопий, Максим, Алексей, Константин, Авраам.

Младший сын Авраам в 1915–1916 гг. жил в г. Вятке, имел чин коллежского регистратора и служил штатным контролером окружного акцизного управления³⁸. Старшая дочь Анна вышла замуж за Алексея Константиновича Иванова, кандидата юридических наук Императорского Санкт-Петербургского университета, исполнявшего дела судебного следователя Вятского окружного суда по Котельничскому уезду. Судьба остальных детей И. П. и Р. Ф. Кардаковых неизвестна. Поиски впереди.

Основателем третьей ветви этого родословного дерева являлся **ВАСИЛИЙ МАКСИМОВИЧ КАРДАКОВ**. По юридическому статусу представители данной семьи принадлежали к крестьянам Игумновской волости Котельничского уезда. Однако в стороне от торговой деятельности своих братьев Ивана и Прокопия Василий Максимович не оставался. Братья его, хотя и переехали в город, долгое время оставались верны приходу Вознесенской церкви села Гостино. Здесь были крещены их сыновья Михаил, Андрей, Иван. Не забыли они и родовое гнездо — деревню Кардаковы.

Сын Василия Максимовича Семен был ровесником Ивана Прокопьевича Кардакова. Двоюродные братья поддерживали друг друга в торговых делах и не только. В 1855 г. при венчании в Николаевской церкви Андрея Прокопьевича Кардакова поручителями со стороны жениха были двоюродные братья купец Михаил Иванович и крестьянин Семен Васильевич Кардаковы³⁹.

Василий Максимович с женой Маврой Саввичной, сыном Семеном и невесткой Марией Максимовной проживал в д. Кардаковской. Здесь, в деревне, родились его внуки Иван, Илья, Петр.

Важно отметить, что Семен Васильевич, будучи крестьянином, торговал по купеческому свидетельству. Дела его шли неплохо. Он даже был избран первым президентом Котельничского экономического общества, основанного 1 мая 1875 г.⁴⁰

Торговля у Кардаковых была семейным делом. В 18 лет старший сын Семена Иван становится агентом отца по закупке льняных товаров в дерев-

нях и селах Котельничского уезда. После смерти отца 23 летний Иван Семенович стоял во главе фирмы, занимавшейся скупкой сырья в уезде.

Почти сразу же И. С. Кардаков столкнулся с трудностями. Стали снижаться цены на льняные товары. Выход из создавшегося положения, которое вполне могло привести к разорению, Иван Семенович ищет в новых формах торговли.

Раньше говорили: «Вятка – всему богатству matka». Вот и решил он заняться там торговлей. А торговать он стал ювелирными изделиями. В 1888 году, после пятилетнего пребывания в губернском городе, И. С. Кардаков, оставаясь по документам крестьянином Котельничского уезда, торговал по купеческому свидетельству 2-й гильдии⁴¹.

В деревне Кардаковы оставались его младшие братья. В 1884 г. Илья Семенович сдал экстерном экзамены в Вятской гимназии и был удостоен звания учителя сельского приходского и начального училища. Поработать учителем ему не пришлось, но зато в 1895 г. он был попечителем Гостевского народного училища⁴². Этот факт еще раз подтверждает мысль о том, что попечительство было в традициях рода Кардаковых.

С середины XIX века активизировался процесс проникновения купеческого капитала в сферу производства. В 1891 году в Котельничском уезде числилось 37 овчинных, 14 кирпичделательных, 18 смолодегтарных, 213 красильных и маслособойных предприятий, 460 ветродействующих мукомольных мельниц. В конце XIX – начале XX века появились заводы овсяных круп и по производству толокна. В числе их владельцев были братья Кардаковы.

Толокно, овсяная крупа издавна являлись предметом экспортной торговли. Запаренная овсяная крупа – «Русский геркулес» – готовилась из тщательно отсортированного и запаренного овса. Продукция отправлялась на север России, пользовалась успехом в Вятской губернии.

В рекламе говорилось: «Кушайте овсяную крупу и толокно «Русский Геркулес», предлагает завод И. С. Кардакова». «Толоконче» оценили и за рубежом. В 1907 г. на выставке в Брюсселе эта продукция была отмечена большой золотой медалью. Таковую же награду Кардаковы получили в Ростове-на-Дону. В 1909 году в Казани они заслужили большую серебряную медаль «За трудолюбие и искусство от министерства финансов». Об этом сообщала реклама на коробке.

В начале XX века дела у наследников третьей ветви шли неплохо. Иван Семенович Кардаков стал купцом 2-й гильдии, он владел галантерейным магазином в Вятке. Илья Кардаков имел двухэтажный дом в Котельниче. Рядом с его домом находились магазин «Покупка и продажа хлебных товаров И. С. Кардакова» и контора «Российского общества транспортирования и страхования грузов и товарных складов с выдачею ссуд». Котельничское агентство этого общества возглавлял Илья Семенович⁴³. Известно о нем и то, что с 1909 по 1911 гг. он являлся земским гласным⁴⁴.

В первое десятилетие XX века начался упадок торговли сельхозтовара-

ми и сырьем. Вот и Илья Кардаков потерпел неудачу. В июле 1911 г. в Котельниче состоялись торги по продаже недвижимого имущества, объявленного несостоятельным должником Ильей Кардаковым. Его имущество было продано за 15007 рублей уездному земскому гласному А. И. Бабинцеву⁴⁵, который владел винной торговлей в Котельниче и селе Богородском, сдавал меблированные комнаты в самом центре Котельнича.

Трудности у Кардаковых были еще впереди. Наступил грозный 1917 год... Известен следующий факт: Иван Семенович воевал на стороне Колчака, погиб под Омском⁴⁶.

Известно также, что Кардаковский толоконный завод был демонтирован на основании постановления ВЦИК и СНК от 20 августа 1928 г. и бездействовал. Вскоре завод решили восстановить. Зачем же добру пропадать! В деревне была создана толоконная артель. Ей безвозмездно были переданы постройки при заводе. Старые хозяева новой власти оказались не нужны.

... В сентябре 1994 г. Илья Семенович Кардаков (1866–1933) и его жена Парасковья Тихоновна (1894–1932) были реабилитированы⁴⁷. Их дети Наталья Ильинична и Владимир Ильич в настоящее время живут в г. Кирове. Здесь живут и внуки Ивана Семеновича, а бывший его магазин (сейчас магазин «Ткани») до сих пор зовут «Кардаковский».

Такой вот путь прошли вятские крестьяне-купцы Кардаковы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Игумнова Г. Развитие торговли // Котельнич. Годы и люди. Котельнич, 1993. С. 23.
2. Государственный архив Кировской области, далее ГАКО. Ф. 15. Оп. 3 Д. 221. Л. 11.
3. Наумов П. Материалы для истории торговли Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1903 г. Вятка, 1902. С. 209.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 82. Д. 443. Л. 6.
5. Глушков И. Топографическо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнича // Этнографический сборник. СПб., 1862. С. 34.
6. ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Д. 313. Л. 146.
7. Там же. Оп. 75. Д. 616. Л. 63.
8. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3744. Л. 14–17.
9. ГАКО. Ф. 237. Оп. 73. Д. 227. Л. 247 об.
10. ГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 45. Л. 72.
11. Игумнова Г. Котельнич дореволюционный // Котельнич. Годы и люди... С. 30.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 73. Д. 222. Л. 185 об.
13. Там же. Д. 243. Л. 206.
14. Глушков И. Указ соч. С. 61–62.
15. Там же. С. 35.
16. Там же. С. 59–61.
17. Там же. С. 34.
18. Там же. С. 24.

19. Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880). По Вятским губернским ведомостям // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 31.

20. Наумов П. Указ соч. С. 219.

21. Продажи имений // Вятские губернские ведомости. 1871. № 9. 30 января.

22. ГАКО. Ф. 237. Оп. 73. Д. 227. Л. 247 об.

23. Там же. Д. 243. Л. 254.

24. Там же. Д. 232. Л. 799.

25. Состояние Вятской губернии в 1858 г. // Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1860. С. 201.

26. Список лиц, состоящих на службе в Вятской губернии. Вятка, 1863. С. 192.

27. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3820. Л. 21–26.

28. Открытие Комиссаровской ремесленной школы // Вятские губернские ведомости. 1872. № 5. 15 января.

29. Список гг. купцам 1-й и 2-й гильдии Вятской губернии. Ведомость о числе купцов 1-й и 2-й гильдии Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии на 1870 г. Вятка, 1870. С. 22–57.

30. Березин Е. Иван Кардаков на Северной Двине // Вятский край. 1994. № 142. 3 августа.

31. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Вятка, 1875. С. 167, 179.

32. Список лицам, служащим в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1888 г. Вятка, 1887. С. 380.

33. ГАКО. Ф. 956. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–49.

34. ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Д. 243. Л. 176 об.

35. ГАКО. Ф. 582. Оп. 70. Д. 306. Л. 9.

36. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1913 г. Вятка, 1913. С. 27.

37. Адрес-календарь Вятской губернии // Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 г. Вятка, 1915. С. 99.

38. Там же. С. 28.

39. ГАКО. Ф. 237. Оп. 73. Д. 232. Л. 799.

40. Вятская хроника за последние 25 лет (1855–1880). По вятским губернским ведомостям // Столетие Вятской губернии... Т. 2. Вятка, 1881. С. 141.

41. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4223. Л. 154.

42. ГАКО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 2191. Л. 42.

43. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1908 г. Вятка, 1908. С. 198.

44. Адрес-календарь лиц, служащих в Вятской губернии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1911 г. Вятка, 1910. С. 100.

45. Котельничская хроника на 1911 г. // Котельничский календарь-альманах на 1912 г. Котельнич, 1912. С. 116.

46. Ощепков К. Из рода Кардаковых // Вятский край. 1994. № 50/1. 13 марта.

47. И. С. и П. Т. Кардаковы были реабилитированы 23.09.1994 г. на основании ст. 3 п «в» закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г.

Татьяна Малышева

Меценаты Клобуковы

Вятский художественно-исторический музей в 1910 году был открыт для народа как сокровищница произведений искусства, как школа для будущих поколений, он принадлежал Вятскому художественному кружку. Это был редчайший случай в истории музейного дела в России. В состав кружка входили художники, учащиеся художественных учебных заведений, любители искусства из всех сословий, в том числе просвещенное купечество. Члены кружка могли жить, учиться, работать в Париже, Казани, Москве, Петербурге, но на их денежные взносы в Вятке существовал музей – один из первых провинциальных музеев в России.

Почетными членами кружка значились меценаты и первые жертвователи произведений искусства, в том числе М. К. Морозова, вдова знаменитого московского коллекционера, владельца текстильной мануфактуры М. А. Морозова, братья В. М. и А. М. Васнецовы, художники-земляки, жившие в Москве. Среди членов кружка – вятские собиратели произведений – купеческий сын, начинающий художник А. А. Репин и его ближайший друг, тоже ученик Московского училища живописи, ваяния и зодчества А. В. Исупов – «первая палитра» Италии в будущем. Они оба входили в Вятское землячество студентов в Москве, которому покровительствовал А. М. Васнецов, руководивший пейзажным классом училища. Активным деятелем в кружке проявил себя и представитель старинного купеческого рода Н. Е. Машковцев, выпускник историко-филологического отделения Народного университета им. Шанявского в Москве, будущий музеевед, профессор искусствоведения.

Первым председателем Правления кружка был С. А. Лобовиков, местный художник-фотограф с европейской известностью, товарищем председателя – вятская меценатка и скульптор Зинаида Дмитриевна Клобукова, казначеем и статистиком кружка – заступающий место городского головы в Вятке Аркадий Михайлович Васнецов, младший брат выдающихся художников.

В одном из залов современного здания художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых стоит мраморный бюст красивой женщины: горделивая посадка маленькой головки на высокой шее, тугой узел волос, точеный профиль, на тонких губах улыбка мудрости и доброжелательства.

Мрамор тщательно отшлифован и излучает сияние. Это портрет вятской «малиновки» Зинаиды Дмитриевны Клобуковой, созданный в 1915 году русским скульптором А. С. Голубкиной, которая училась мастерству у самого Огюста Родена в Париже. Зинаида Дмитриевна была дочерью Д. Д. Абрамова, заведующего отделением Волжско-Камского банка, женой Петра Павловича Клобукова, одного из самых богатых купцов Вятки, матерью четверых детей, один из которых живет в Москве до сих пор, а у внуков

музей и сейчас иногда приобретает произведения художников, сохранившиеся с начала века.

Представляется неравная пара: высокая стройная молодая дама с живым улыбчивым лицом, обходительная, легкая в разговоре, а рядом – важный, барственный господин, одетый по последней моде, спокойный, деловой, внушающий уважение. Разница в возрасте была существенной – 16 лет. Петра Павловича влекла к Зинаиде Дмитриевне не только молодость, но и возможность покровительствовать – это было свойственно натуре единственного наследника в родовой ветви Клобуковых. И привилегию благотворителя он унаследовал от отца. Отец – Павел Петрович Клобуков – женился в свое время на дочери потомственного почетного гражданина г. Слободского Вятской губернии Елизавете Петровне Воробьевой.

В начале нынешнего века к его родовому владению – полукаменному двухэтажному дому на углу улиц Семеновской и Царевской г. Вятки (ныне ул. Воровского и Свободы) – прибавились благоприобретенные еще три жилых дома, пять магазинов и три лавки. Образование Павел Петрович получил домашнее, но согласно послужному списку от 10 октября 1903 года состоял членом Вятской городской думы, членом Вятского Палестинского общества и братства Святителя Николая Чудотворца, был церковным старостой Вятского Кафедрального собора, высочайше пожалован званием потомственного почетного гражданина, земским избирательным собранием избран в уездное земство, думою избран председателем Городского попечительства о бедных и попечителем городской начальной школы при Доме призрения детей бедных граждан города Вятки¹.

Еще в 1899 году Клобуков-отец пожертвовал под богоугодное заведение двухэтажный каменный дом на углу Владимирской и Морозовской (ул. К. Маркса и Р. Люксембург) с единственным пожеланием, чтобы приют для бедняков назывался его именем. В 1902 году он снова совершил благотворительный акт – передал каменный особняк на углу Спасской и Царевской (ул. Дрелевского и Свободы) Попечительству императрицы Марии Федоровны, разместившему здесь общество слепых².

Честь и славу рода, своего купеческого имени высоко держали отец и сын Клобуковы. Их самый большой Универсальный магазин на углу Спасской и Казанской (ул. Дрелевского и Большевиков) размещался в здании, построенном по проекту И. А. Чарушина в стиле модерн в 1909 году, украшенном фамильным вензелем из опоки – затейливо переплетенные буквы «ППК» не уничтожила даже Советская власть. Павел Петрович скончался в 1905 году, но еще при жизни отца сын вошел во все его дела и естественным образом достойно продолжил их. Четыре поколения Клобуковых – мужчин в роду имели имена Петра и Павла, внук носил имя деда.

З. Д. Клобукова с юности была увлечена искусством, она рано начала участвовать на вятских выставках как акварелистка. Сыграли свою роль ее встречи со скульптором Н. Л. Аронсоном, который приезжал в Вятку к брату-дантисту, а потом сопровождал Зинаиду Клобукову в Париже. Благодаря

связям и капиталам мужа Зинаида Дмитриевна могла подолгу жить в Москве, общаться с братьями Васнецовыми, посещать выставки, на одной из которых произошла важная для нее встреча с А. С. Голубкиной.

В письме от 5 февраля 1914 года Аполлинарий Васнецов писал брату Аркадию в Вятку:

«Был вчера с Исуповым в гостях у З. Д. Клобуковой с супругом, как его зовут – забыл. Ты, конечно, знаком с ними, и я даже послал тебе поклон. Говорили о музее и о Вятке. Тут же был и Машковцев, их, по-видимому, хороший знакомый. Музейные дела как будто нельзя назвать хорошими, и публика музеем не очень заинтересована, и людей мало. Есть, конечно, люди в кружке очень сочувствующие, как Клобуковы... Самое важное теперь, конечно, вопрос о собственном здании музея, но на это, по-видимому, плохая надежда».

В следующем письме от 20 февраля 1914 года, как выход из трудного положения, Аполлинарий Михайлович предлагал: «Не согласится ли или не соблазнится ли кто-нибудь из вятских тузов назвать музей своим именем (например, Булычов) – (написание авторское – Т. М.) с условием дать постоянное помещение и средства для создания музея. «Вятский музей имени Н. Н. Булычова» – звучит ведь соблазнительно на вечные времена, в название потомства для прославления всероссийского града Вятки, вятских медичисов (от фамилии «Медичи» – флорентийского рода в средневековой Италии, создателей торгово-банковской компании, прославившихся меценатством. – Т. М.) Булычовых – ведь что-нибудь да значит. Эх, подойти бы к нему с таким предложением, благо у него и дом есть. Жертвователи картин ничего не могут иметь против»³.

Кто знает, может быть, не начнись мировая война, Т. Ф. Булычев соблазнился бы передать свой «мавританский замок» для музея. Но он передал его под госпиталь для раненых солдат, а оборудовала госпиталь на свои средства З. Д. Клобукова и сама же служила в нем сестрой милосердия.

Но и музей не был обойден вниманием Клобуковых. Его пополняющая коллекция с 1912 по 1918 год размещалась в белом флигеле Клобуковых на ул. Спечинской (ул. К. Либкнехта, 86), принадлежавшем родственникам четы меценатов. В ответ на письмо вятского друга Н. Н. Хохрякова о том, что музей сейчас (около 1916 года) устроен лучше, чем прежде, А. М. Васнецов просит: «Поклонись, пожалуйста, Сергею Александровичу (Лобовикову – Т. М.). Очень рад за музей, что ему обстоятельства складываются более благоприятные. Спасибо Петру Павловичу и Зинаиде Дмитриевне – им от меня передай глубочайший поклон»⁴.

Поддержкой Клобуковых пользовался не только музей, но и вятские художники, часто бедствовавшие. Красноречивым свидетельством такого доброго покровительства является письмом художника Н. Н. Хохрякова в Москву Аполлинарию Михайловичу: «...Павел Петрович Клобуков взял у меня для подарка в именины Зинаиды Дмитриевны мой сад с березами (со скамеечкой, вдали дома за деревьями видны). Ты эту вещь хвалил (Аполли-

нарий приезжал в Вятку летом 1916 года – Т. М.). Я над ней после того еще работал порядочно. В общем, на эту вещь я много потратил времени и, я думаю, если назначу за нее рублей 300, это не будет много.... Зинаиде Дмитриевне хочется, чтобы я написал их гостиную. Боюсь только за это приняться, – трудно сладить, – ничего не выйдет. Но все-таки попробую. Интересно по краскам старинная мебель, цветные скатерти, ковры, когда кончу свои очередные – тогда буду к ним ходить писать... Запечатал было письмо – да от Клобуковых получили за картину деньги. Просил 300, – а мне послали 400. Говорят, мало назначил! Вот доброта где!»⁵.

Пейзаж, о котором идет речь, сейчас находится в семье Клобуковых-Светлосановых, у сына, внучки, правнучки и праправнучки в Москве, а вот интерьер гостиной, если он был написан по просьбе Зинаиды Дмитриевны и удался, то может входить сейчас в коллекцию Государственной Третьяковской Галереи. Об этом тоже свидетельствует переписка, только более позднего времени.

Уже в августе 1928 года Н. Н. Хохряков делится с Аполлинарием Михайловичем новостью: «Я получил от Машковцева Н. Е. письмо, в котором он сообщает приятное для меня известие, что ГТГ приобрела от З. Д. Клобуковой мой интерьер. Конечно, это меня очень радует, что в галерею будет теперь две моих вещи маслом (первая «Пасмурный день» была приобретена П. М. Третьяковым с выставки Товарищества передвижных художественных выставок в 1886 году – Т. М.)»⁶. Знал Николай Николаевич, что расставалась Зинаида Дмитриевна с любимыми картинами не от хорошей жизни, сама жила трудно, перебиваясь мелкими заказами; более уверен был в ее авторитетном заступничестве, когда дело коснулось пенсии. Н. Н. Хохряков служил в музее хранителем картинной галереи до 70 лет, пора было выходить на заслуженный отдых. «Вот у меня протекции нет, – писал он младшему Васнецову, – нужно, чтобы кто-нибудь там был за меня, а кого просить и через кого хлопотать. Если увидишь З. Д. Клобукову, при случае поговори, пожалуйста, с ней, у ней много знакомых влиятельных, и она могла бы, мне кажется, подействовать в мою пользу»⁷. Такое меценатство по-советски для провинциальной интеллигенции имело значение и существенное.

После 1917 года З. Д. Клобукова стала уполномоченной Наркомпроса в Вятке. В своем доме она организовала художественные мастерские для учеников народной студии, а потом перебралась в Москву, поближе к А. С. Голубкиной, у которой продолжала набираться мастерства. Жизнь Зинаиды Дмитриевны – это особая тема, вероятно, лучше всего символически выраженная ею в разговоре с любимой учительницей.

«Ну, да, ведь вы же малиновка!» – говорила Голубкина. – «Нет, Анна Семеновна, как вы не видите, что я ящерица. Судьба хватит за хвост, а я убегу, у судьбы в руках один хвост останется»⁸. Так до самой смерти в 1968 году и оставалась она гибкой ящерицей, неунывающей щебетуньей-малиновкой.

Нелегко пришлось и Петру Павловичу. Живущий сейчас в Москве единственный сын Клобуковых – Павел Петрович, по семейной традиции названный в честь деда, вспоминает, как мальчиком присутствовал при разговоре отца с протоиереем о. Вениамином Тихоницким, настоятелем Кафедрального собора. Разговор шел о сбережении фамильных драгоценностей под стенами собора. В первый момент, спасаясь от последствий революции, Петр Павлович хотел затеряться в Москве и покинул Вятку, но с наступлением нэпа вернулся. Преодолев разруху и голод, он умно и живо наладил торговлю; но период этот оказался недолгим.

В 1923 году, как вспоминает Павел Петрович, к отцу пришли доброжелатели и сказали, что надо уходить, скрываться, чтобы выжить. Купеческая хватка и предприимчивость оказались не милы Советской власти.

Вот тогда в судьбе вятского миллионера Клобукова появились Карачаевский аул под Кисловодском, конезавод с государственными племенными конюшнями, стол счетовода-бухгалтера, в должности коего пребывал Петр Павлович до старости.

Петр Павлович умер в 1944 году, его вторая жена Галина Дмитриевна, старшая сестра Зинаиды Дмитриевны, пережила всех из этого поколения Абрамовых-Клобуковых и умерла в 1970 году. О кавказском периоде лучше всего рассказал бы потерянный дневник Галины Дмитриевны, которая, согласно воле отца оканчивала Сорбонну, но став женой Петра Павловича (больше подходила ему по возрасту и характеру), в советское время работала учителем русского языка и литературы в Карачаево-Черкессии.

Из разговоров с Павлом Петровичем в Москве можно сделать вывод, что ему, родившемуся в 1912 году, самым обнадеживающим и благополучным временем в жизни представляется период нэпа, а самые памятные, праздничные дни для него – поездки к отцу, когда Павел Петрович участвовал в конных состязаниях и по молодости лет, лихости, природной сметливости мог легко обгонять верхом на чистокровных арабских и английских скакунах даже местных жителей – горцев.

Любопытно, что Павел Петрович в 30-е годы женился в Москве на представительнице известной вятской династии купцов Сунцовых – богатых соседей его отца по коммерческому предприятию – Универсальному магазину в гостином дворе Вятки. Мать его жены Анны Семеновны – Ольга Семеновна Долгова – росла полусиротой и воспитывалась в Вятке у родной тети – Ольги Ильиничны Сунцовой, о которой до сих пор жива легенда в доме Клобуковых, будто муж ее капиталы наживал, а она их на благотворительные дела использовала. Сохранился аттестат и дневник Ольги Долговой, с золотой медалью окончившей Мариинскую гимназию в Вятке. Первой любовью романтической гимназистки был Николай Рудницкий, будущий ученый, имя которого носит научно-исследовательский институт сельского хозяйства Северо-Востока.

Павел Петрович в годы Великой Отечественной войны работал над госзаказами для военной промышленности, был начальником лаборатории,

новатором-исследователем, в своей теме следящих систем работал как главный конструктор над малыми искусственными спутниками. За успешную работу инициативный ученый и практик был награжден орденами «Знак Почета» и «Трудового Красного Знамени».

Сейчас его жизнь беспокойна, как прежде, в густонаселенной квартире со старинной резной мебелью и картинами, где уживаются четыре поколения.

Когда в 1989 году в художественном музее им. В. М. и А. М. Васнецовых отмечалось 100-летие со дня рождения З. Д. Клобуковой, состоялась выставка ее работ. К выставке были отреставрированы произведения, подаренные музею самой Зинаидой Дмитриевной в 1923 году перед тем, как она окончательно покинула Вятку, и те работы, которые сохранились у наследников.

Для знакомства с городом, с музеем приезжали потомки Петра и Зинаиды Клобуковых: внучатый племянник В. М. Алпатов, сын Ирины Петровны – А. Б. Казаков с женой и дочь Павла Петровича – Э. П. Клобукова. С тех пор они тесно связаны с Вяткой. Владимир Михайлович Алпатов – доктор филологии, ученый-востоковед, бывал здесь с лекциями, рассказывал о своих путешествиях по всему миру; его статьи о знаменитых языковедах публиковались в местной прессе. Элеонора Павловна Клобукова по профессии переводчик, преподаватель английского языка и просто хороший человек. Она гостеприимно встречает всех вятских музейщиков в своей квартире, следуя бабушкиному правилу помогать ближнему, с удовольствием посещает вятские выставки в Москве, вечера в Васнецовских музеях-мемориалах, интересные заседания вятского землячества.

Приятно общаться с Элеонорой Павловной: какие бы ни были времена, она, как и бабушка, плакаться не станет, и у нее всегда находится выход из трудной ситуации. Ее острый, предприимчивый, как у деда Клобукова, ум при хорошем здоровье мог бы послужить добрую службу обществу, живи она в других обстоятельствах, чувствуй себя увереннее. Ее здравомыслие, трудолюбие помогают жить и старичку-отцу, и внучатой племяннице Мариэтточке. Имя девочки не сходит с уст Элеоноры Павловны, тем более, что бабушка, дедушка, мама, папа Мариэтточки очень заняты в сегодняшней сложной жизни. Мама – Софья Владимировна Светлосанова, профессиональный экономист, выпускница МГУ, стала генеральным директором компании, имеет свой офис, увлеченно занимается коммерческими делами.

Но больше всех напоминает вятского деда Петра Павловича Клобукова по внешности да, очевидно, и по деловым качествам А. Б. Казаков. То же округлое лицо и голубиный (похожий на грудку голубя) разрез светлых глаз, белокурые волосы, та же степенность и достоинство в походке, манере говорить.

Сейчас Андрей Борисович возглавляет Научно-исследовательский институт типового и экспериментального проектирования. Он главный архитектор, и его труд ценится в Москве, обретающей новый облик с «новыми русскими».

В роду исконном Клобуковых появились новые фамилии, но в потомках живут генетические задатки. Традиции рода сказываются в проявлениях характера, выборе занятий, отношений к людям, к делу. История распорядилась так, что от новых поколений трудно ожидать прямого меценатства, предполагающего бескорыстие, целенаправленность, высоту идеи и, конечно, состоятельность. Но жизнь никогда не останавливается на месте, появились новые фамилии – образуются и династии, оживет традиция российского купечества создавать капитал не для себя, а для общества, для Отечества.

* * *

Когда рукопись уже была готова к изданию, столичная газета «Капитал» опубликовала интервью с Софьей Светлосановой, правнучкой З. Д. и П. П. Клобуковых (Евграфова Е. Владелица магазина отдыхает в небе // Капитал. 1997. 3–9 сент.).

Сейчас Софья Владимировна – совладелица крупнооптовой фирмы «Ано-ир» и магазина-салона для будущих мам «Кенгуру». В ее магазине более тысячи наименований товаров, под Новый год и беременным нужны вечерние платья. Есть мечта создать клуб для беременных, открыть магазин для детей, чтобы надолго сохранить своих покупателей. Это полезный бизнес, Софья знает по себе – у нее десятилетняя дочка.

Но еще Софья Светлосанова включена в состав российской сборной команды по авиаралли, участвующей в международных соревнованиях. У нее собственный самолет Як-18 Т, управляя которым, она получает удовольствие. И это хобби, так же как плавание с аквалангом, езда на лошадях, соответствует характеру Софьи Владимировны. Хрупкая, изящная молодая женщина умеет проявлять волю и вправе ожидать, требовать от подчиненных того, что может сделать сама.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 628. Оп. 5. Ед. хр. 28. Л. 377 – 378.
2. Сведения о пожертвовании особняков сообщены автору А. Г. Тинским.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 715. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35–37.
4. Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее ОР ГТГ). Ф. 11. Ед. хр. 308.
5. ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 144.
6. ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 185.
7. ОР ГТГ. Ф. 11. Ед. хр. 172.
8. Голубкина А. С. Письма. Несколько слов о ремесле. Воспоминания современников. М., 1983. С. 338.

Владимир Любимов

Деловой мир старой Вятки. Словарь

Настоящую подборку имен представителей вятского предпринимательства следует расценивать: во-первых, как алфавитный перечень тем для скрупулезных исследований, которых до последнего времени почти не было; во-вторых, как рекламу проделанной составителем работы по изучению вятских родословных. Автор достаточно полно проследил большую часть названных фамилий, составил соответствующие таблицы. Можно сказать, что по этим фамилиям уже готовы материалы для «Словаря вятских родословных».

В этой публикации, поскольку автор не специализируется на изучении купечества, акцент сделан на бытовые характеристики в ущерб торгово-предпринимательским.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

пр. – приблизительно,

род. – родился,

ум. – умер,

г. – город, год.

Цифры в скобках означают, что вся информация перед скобкой относится к году, обозначенному цифрами в скобках.

* * *

1. АГАФОНОВЫ – из слободских посадских. Замечательны вятский 2-й гильдии купец, золотых дел мастер Дмитрий Иванов Агафонов (пр. 1813–1857) и его сын Михаил (род. пр. 1840). Старший Агафонов выполнял заказы Вятских и Пермских епископов. Сохранился некогда принадлежавший этим купцам-мастерам вятский дом на ул. Спасской (ныне ул. Дрелевского, 37). Были в родстве с ВОРОБЬЕВЫМИ, ПОПОВЫМИ, ЧУВАТИНЫМИ...

2. АЛЕКСАНДРОВЫ – из крестьян Слободского Богоявленского монастыря, жителей монастырской загородной слободки. Любопытно, что первые четыре основателя этого рода звались Василиями Васильевыми (Васильевичами). Предпоследний Василий Васильевич (пр. 1813–1869) значился потомственным почетным гражданином и 1-й гильдии купцом, а его сын Иван (род. пр. 1827) получил звание коммерции советника. Ивановы наследники имели винокуренные, спиртоочистные и пивоваренные заводы в Казани, Саратове, Малмыже и Слободском (1913). Построили церковь в Демьянке (ныне в черте г. Слободского). Казанский дом Александровых после октябрьских событий 1917 г. был облюбован местными большевиками (здесь размещался губком) и стал штабом обороны города от белых. Состояли в родстве с БАКУЛЕВЫМИ. Константин Алексеев Бакулев управлял «колоколенным» заводом Александровых под Кукаркой (1879).

3. АЛЬГИНЫ. Фамилия распространена в Котельниче и его уезде. Не исключено, что котельничского корня и вятские купцы-домовладельцы Альгины. У «уклонившегося в раскол» Никифора Иванова Альгина (пр. 1800 — после 1864) квартировали семинаристы братья Васнецовы (ныне ул. Орловская, 39). Прихожане Донской церкви («до уклонения в раскол») г. Вятки.

В родстве с ЛАПТЕВЫМИ, ЛЯНГУСОВЫМИ, ЧАРУШИНЫМИ...

4. АНФИЛАТОВЫ. Фамилия — ранее известна всей России, благодаря предпринимательству слободского купца Ксенофонта (Селефонта — по крещенской метрике) Алексеева Анфилатова (1761—1820). Он отправил первые российские торговые корабли в Америку через Атлантику, основал первый в России общественный банк. А еще Анфилатовы построили замечательную двухэтажную, украшенную картушами Благовещенскую церковь в Шестакове (их род — из деревни Вагинской Благовещенского прихода), сродни сохранившимся в Тотме.

В родстве с ГЛУХИХ, ПЛАТУНОВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ, архангелогородскими ПОПОВЫМИ и ЛАТЫШЕВЫМИ...

5. АРШАУЛОВЫ — «грузинской нации», из дворовых людей генерала Щербинина. Попали на Вятку (не позднее 1791 г.) уже будучи отпущенными «вечно на волю». Петр Григорьев Аршаулов (пр. 1765—1818) — первоначально именовался Петром Грузином и был поверенным (управляющим) госпожи Щербининой на принадлежавшем ей тогда Никулицком винокуренном заводе. Он и его братья, записавшись в вятское купечество (с 1794 г.), стали преуспевающими горожанами, владельцами многих каменных домов.

В родстве с КАЛИНИНЫМИ, КОЛОТОВЫМИ, КОРОВАЕВЫМИ, МАШКОВЦЕВЫМИ, КОСАРЕВЫМИ, РЯЗАНЦЕВЫМИ, СИНЦОВЫМИ, архангелогородскими ПОПОВЫМИ... Не исключено родство с известным летчиком Константином Арцеуловым (род. 1891), а через него свойство с художником И. К. Айвазовским.

Не путать с семейством и наследниками «Могилевской губернии города Арши мещанина из еврей» Израиля Мойшовиса, принявшего православие (крещен в Вятской Владимирской церкви в 1806 г.) и ставшего Александром Петровым Аршауловым — в честь крестного Петра Григорьева Аршаулова и, возможно, в честь города «Арши» (Орши).

6. БАБИНЦЕВЫ — одна из древнейших и самых распространенных вятских фамилий (хлыновские горожане Бабинцевы упомянуты еще в дозоре 1615 г.).

Работник архиерейского дома, прихожанин Спасского собора Афанасий Иванов Бабинцев (пр. 1672 — после 1748) и его потомки — среди прародителей художника Н. Н. Хохрякова и выдающегося деятеля отечественной и мировой науки В. М. Бехтерева.

В родстве с ПОПОВЫМИ, УХОВЫМИ...

7. БАКУЛЕВЫ – слободские мастеровые и заводчики, широко известные благодаря налаженному ими производству колоколов. Прихожане Слободской Николаевской церкви, в тяглых посадских жителях (1749). Породились со многими купеческими и чиновничьими фамилиями (АЛЕКСАНДРОВЫ, КУРШАКОВЫ, ОНЧУКОВЫ, СУНЦОВЫ...).

Не исключено, что известный хирург А. Н. Бакулев (из крестьян деревни Невениковской, близ г. Слободского) в каком-то отдаленном родстве с Бакулевыми-горожанами.

8. БАТУЕВЫ – малмыжские купцы и мещане из посадских, давшие известного земского деятеля Авксентия Петровича Батуева (1863–1896) и хирурга Николая Александровича Батуева (1855–1917).

Еще один из Батуевых стал богатым частоторговцем и переселился в Китай. Все свое состояние завещал родному городу.

В родстве со СТАХЕЕВЫМИ...

9. БАШИМАКОВЫ – вятские мещане, купцы из крестьян деревни Луковской (Луковицкой) Успенского Трифонова монастыря. Среди прародителей этнографа Николая Евгеньевича Ончукова (1872–1942) и многих мастериц дымковской игрушки (Никулины, Мезрины, О. И. Коновалова...). Прихожане Сретенской церкви, в родстве с КЛОБУКОВЫМИ...

10. БЕЛЯЕВЫ. Известны благодаря Козьме Васильевичу Беляеву (1798–1858) – отставному канцеляристу, «фридрихсгамскому первостатейному купцу» из Яранска, приятелю и кредитору А. И. Герцена. Этот Беляев пробовал добывать золото на Алтае, владел землями, бумагоделательной фабрикой и мукомольной мельницей на Буге в Уржумском уезде (1855), содержал почтовых лошадей на Московском тракте в пределах Яранского уезда.

11. БЛИНОВЫ – вятские купцы из хлыновских посадских, мастера переплетного дела.

Константин Яковлев Блинов – 2-й гильдии купец (1861), «пустил» в кстининской волости стекольный завод (1861), основал с братом Александром (ум. 1846) первую частную типографию в Вятке, приобрел усадьбу Колошиных на ул. Московской.

12. БОРОДИНЫ – глазовские купцы из слободских посадских. Известны связями с В. Г. Короленко.

Михаил Павлович Бородин (1854–1910) – известный земский деятель, литератор.

В родстве с ЗЫРИНЫМИ, со слободскими ПОПОВЫМИ...

13. БУЛЫЧЕВЫ – орловские, вятские, петербургские купцы из крестьян

Орловской округи (крестьянин Никита Семенов Булычев переселился в Орлов в 1739 г.). Владели недвижимостью в Енисейске (1889).

Венец их деятельности и известности обычно связывают с именем Тихона Филипповича Булычева (1847 – после 1918), вероятный прототип известной пьесы М. Горького, владелец-строитель уникального, экзотичного особняка на ул. Николаевской (ныне ул. Ленина, 96) и целого пароходства...

Почти не знают на Вятке об Афанасии Васильевиче Булычеве (пр. 1826, Орлов – 1902, Соловецкий монастырь) – архангелогородском 1-й гильдии купце; первом устроителе пароходства по Северной Двине, Сухоне, Выгегде и Ваге, построившем на свои средства несколько церквей в Архангелогородской, Вологодской и Вятской епархиях.

Еще один неизвестный Булычев из орловских купцов – в иночестве стал зваться Константином, был епископом Гдовским, получил Самарскую кафедру (1904), не исключено, что именно он позднее (1915) управлял Могилевской епархией.

14. БУШКОВЫ – крестьяне-лесоторговцы из деревни Турек Теребиловской волости Уржумского уезда, старообрядцы.

Никифор и Гордей Бушковы пожертвовали на вятское ополчение 250 рублей (1855 г.); возможно, благодаря агитации М. Е. Салтыкова.

Никандр Степанов Бушков – гласный губернского земства (1886). В родстве с ЗОНОВЫМИ...

15. ВАХРУШЕВЫ – крестьяне из Слободской округи. Крупнейшие (наряду с ДОЛГУШИНЫМИ) кожевенные фабриканты, владельцы имения Боровица. Основатель заводов – Илья Тимофеев Вахрушев (ум. до 1907). В 1907 г. Вахрушевы специально приглашали на Вятку отца Иоанна Кронштадтского.

16. ВЕРЕТЕННИКОВЫ – хлыновские, вятские мещане, купцы, общественные деятели. Основатели общественного (Федора Веретенникова) банка в г. Вятке. Среди прародителей дымковской мастерицы Зиновии Федоровны Безденежных (1901–1964). Не исключено, что пермско-казанские Веретенниковы (родственники В. И. Ленина) хлыновского корня.

Прихожане Царево-Константиновской (Знаменской) и Спасо-Хлыновской церквей. В родстве с МАШКОВЦЕВЫМИ, МОРОЛЕВЫМИ...

17. ВЕРШИНИНЫ – вятские купцы из крестьян Шепелевской волости Слободской округи. Владели домами на ул. Преображенской.

Алексей Платонович Вершинин (1871–1932) – известный вятский драматург и журналист.

18. ВОРОБЬЕВЫ – слободские купцы из посадских и близгородных крестьян. В родстве с КЛОБУКОВЫМИ, КУЛЕПЕТОВЫМИ...

19. **ВОРОЖЦОВЫ** – слободские купцы. Книготорговцы, владельцы богатого книжного собрания. Иван Прокопьев Ворожцов ездил в 1865 г. в Лондон. В родстве с КОЛОТОВЫМИ...

20. **ВЯЗИМСКИЕ** – хлыновские посадские, мещане, купцы. Мастера серебряного дела. Одно время владели Кирсинским железоделательным заводом (продали свою половину устюжанам Курочкиным в 1750 г.) Прихожане Владимирской церкви, на благолепие которой постоянно жертвовали во времена своего процветания (первая половина XVIII в.).

Среди предков историка-юриста Константина Алексеевича Неволлина (пр. 1806, Орлов – 1855, г. Бриксен, Тироль).

В родстве со ЗЛЫГОСТЕВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ...

21. **ГЕРАСИМОВЫ** – слободские купцы. В доме Давыда Герасимова останавливался, проезжая через Слободской, Александр I (1824).

В родстве с ПЛАТУНОВЫМИ...

22. **ГИРБАСОВЫ** – елабужские, екатеринбургские (купцы из крестьян). Вели обширную торговлю хлебом.

Федор Прохоров Гирбасов (род. пр. 1823) – записался в городское сословие в 1837 г. На его средства построено Елабужское Александровское ремесленное училище (1880).

В родстве с КАРДАКОВЫМИ, СЕНИЛОВЫМИ...

23. **ГЛУХИХ** – хлыновские посадские. Побывали в московском купечестве. Среди предков художника Алексея Владимировича Исупова (1889, Вятка – 1957, Рим). Прихожане Богоявленского (Александро-Невского) собора, в родстве с АРШАУЛОВЫМИ, КОЛОШИНЫМИ, РЕПИНЫМИ...

24. **ГЛУШКОВЫ** – котельничские купцы из уездных крестьян, кукарские крестьяне-заводчики.

Котельничские Глушковы заправляли в местном страховом (от огня) обществе, владели фотографией (1865). Один из последних их представителей Михаил Валентинович Глушков стал корнетом Литовского гусарского полка, затем ушел в Ново-Афонский монастырь, служил вторым священником Вятского Воскресенского собора, арестован в 1928 г.

Кукарские Глушковы – среди предков председателя Совнаркома Алексея Ивановича Рыкова (1881–1938).

25. **ГОЛОМИДОВЫ** (до XIX в. писались Голомудовыми) – вятские купцы-староверы из крестьян Подрельской округи Орловского уезда. Как и земляки (Зоновы, Лаптевы), первоначально занимались лесоторговлей.

В родстве с МИКУЛИНЫМИ...

26. ГРОМОЗОВЫ – слободские купцы, мещане из посадских. Иван Иванов Громозов (пр. 1798–1877) составил книгу воспоминаний, дневниковых записей, характеристик губернаторов, городничих, городских голов г. Слободского, слободских иереев; с семейной хроникой, родословными таблицами, отчетами по торговым делам («Книга Громозова» – в фондах Кировского объединенного музея). Его сын Константин (род. пр. 1843) переселился в Вятку и стал известным земским деятелем. Константиновы дети активно проявили себя на поприще общественной (революционной), медицинской, литературной работы и в фотографии.

В родстве с БОРОДИНЫМИ, ЧУВАТИНЫМИ...

27. ГЫРДЫМОВЫ – нолинские, глазовские купцы из крестьян Нолинской округи. Родоначальником купеческой династии можно считать Анисифора Иванова Гырдымова (род. пр. 1787), записавшегося в купечество в самом начале прошлого века. Среди предков Людмилы Болеславовны Антошевской – жены управляющего Холуницкими заводами А. А. фон Зигель.

28. ГУСЕВЫ – вятские купцы, мещане, домовладельцы. Один из предков – хлыновский посадский, живший в своем дворе «подле Засору» Никита Нестеров Гусев (род. пр. 1650). Из этого рода астроном Матвей Матвеевич Гусев (1826–1866). Среди прародителей земского деятеля М. П. Бородина.

В родстве с КОЛОШИНЫМИ, КОРОБОВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ...

29. ДОЛГУШИНЫ – крестьяне из деревни Седининской (близ г. Вятки, за рекой), крупнейшие (наряду с ВАХРУШЕВЫМИ) кожевенные заводчики. Домовладельцы (бывший долгушинский особняк – ныне ул. Энгельса, 7) имели дачу на Боровом озере (позднее, в 1960-е годы, там разместился дачный поселок т. н. ответственных совпартработников), благотворители (обустраивали домовую церковь Вятской женской гимназии). Александр Петрович Долгушин – староста этой церкви – заплатил «порядочные деньги» Аркадию Рылову за написание иконостаса.

Прихожане Донской церкви. В родстве с ТЫРЫШКИНЫМИ...

30. ЕРМОЛИНЫ – вятские, малмыжские купцы из крестьян Ильинской волости Чепецкого оброчного стана. В вятских мещанах с 1788 г. Владельцы многих домов.

Прихожане Донской церкви. В родстве с БУЛЫЧЕВЫМИ, КОЛОТОВЫМИ, ПОПОВЫМИ, УХОВЫМИ, ЮРАСОВЫМИ...

31. ЗЛЫГОСТЕВЫ – вятские мещане, купцы из хлыновских посадских. Жили в приходах Стефановской (Донской) и Царево-Константиновской (Знаменской) церквей. Герасим Злыгостев – первый из известных старост Стефановской церкви (с 1738 г.). Среди прародителей художника Алексея Ивановича Деншина (1893–1948).

В родстве с ВЯЗИМСКИМИ, КОРОБОВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ...

32. ЗОНОВЫ – вятские купцы-староверы из крестьян-причетников Подрельской Никольской церкви Орловской округи.

Наиболее известен Денис Фадеевич Зонов (пр. 1848–1917) – владелец нескольких домов, глава Торгового дома с крупным кожевенным заводом, устроитель старообрядческой церкви (1910, ныне ул. Ленина, 100).

В родстве с БУШКОВЫМИ...

Подрельские Зоновы – среди прародителей общественного деятеля, народника Н. А. Чарушина и архитектора И. А. Чарушина.

33. ЗЫРИНЫ – котельничские купцы из крестьян Котельничского Предтеченского монастыря. В 1846 г. купили луг при дер. Новое Чуприяново в пойме Юга, против Подосиновца (с. Рождественско-Богородицкого), через пять лет продали его КАРДАКОВЫМ. Среди прародителей революционных деятелей М. П. Бородина и Н. Е. Федосеева.

В родстве с БУЛЫЧЕВЫМИ, БОРОДИНЫМИ, ГУСЕВЫМИ...

34. ЖЕЛУТКОВЫ – вятские купцы, прихожане Предтеченской церкви. Среди прародителей издателя Георгия Аркадьевича Куклина (пр. 1877, Вятка – 1907, Женева).

35. ИВАНОВЫ – семья и наследники вятского купца Григория Андрияновича Иванова, домовладельца (ныне ул. Орловская, 35), содержателя трактира и гостиницы «Царское село» (1874). Из крестьян Орловского уезда.

36. ИЗЕРГИНЫ – несколько фамилий различного происхождения, так или иначе связанных с предпринимательской деятельностью.

Одна – от церковников села Подрелье Орловской округи (линия Самуила Яковлева Изергина). Эти Изергины – среди прародителей Германа Александровича Лопатина (1845–1918), вятского архитектора Михаила Анкидиновича Анисимова (род. пр. 1771), археолога Бориса (1870–1928), художника Мстислава (1873–1946), математика-академика Югославии Владимира (1880–1952) Фармаковских.

Другая – от хлыновских посадских (линия Лариона Иванова Изергина). Среди прародителей дымковской мастерицы З. Ф. Безденежных.

Третья – от подгородных орловских крестьян (от Зота Изергина). Среди предков земского деятеля, врача Матвея Матвеевича Синцова и его сына, математика Дмитрия.

37. ИЛЬИНЫ – семья и наследники вятского купца Амвросия Ильина (ум. до 1868). Из служителей Казанского Спасо-Преображенского монастыря. Николай Амвросиев Ильин – владелец домов на углу ул. Царевской и Набережной, иконостасно-позолотных мастерских в Вятке и Орлове, старо-

ста Александро-Невского собора (сам украшал храм). В 1889 г. в доме Ильина, у его мастеров, родился художник Алексей Исупов.

В родстве с ПОПОВЫМИ...

38. КАЗАНЦЕВЫ – вятские мещане, купцы из посадских. Среди прародителей художников А. И. Деньшина и А. Е. Люстрицкого, скульптора В. Рязанцева.

В родстве с КОРОВАЕВЫМИ, КУКЛИНЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ, кычанскими ВАСНЕЦОВЫМИ...

Их яранские однофамильцы – среди прародителей уже упомянутых Фармаковских.

39. КАЗЕНИНЫ – вятские купцы, мещане, домовладельцы из крестьян деревни Коптеевской Подгородной волости. Среди прародителей художника А. И. Деньшина и дымковской мастерицы З. Ф. Безденежных.

Леонид Александрович Казенин (1897–1965) – художник-пейзажист.

40. КАЛИНИНЫ – вятские купцы из хлыновских посадских. Одно из самых богатых семейств города в начале XIX в. О достатке Калининых свидетельствует то, что их усадьбу позднее приобрели для квартирования губернаторов (ныне здание облсуда на ул. Дрелевского).

В родстве с КОЛОШИНЫМИ, МАШКОВЦЕВЫМИ, ГУСЕВЫМИ...

41. КАРДАКОВЫ – котельничские купцы из крестьян Игумновской волости (Гостевского прихода). Основали Котельничский общественный банк (1862). Владели крепостным лугом против Подосиновца (1851–1868 и позднее). Некто из Кардаковых ездил по торговым делам в Лондон (1860-е гг.).

В Вятке известен Иван Семенов Кардаков – глава Торгового дома (с 1879) со знаменитым магазином на углу Спасской и Николаевской, отец фотографа и биолога, исследователя Уссурийского края Андрея Ивановича Кардакова.

В родстве с ГИРБАСОВЫМИ, художником И. М. ПРЯНИШНИКОВЫМ...

42. КЛЕПИКОВЫ – вятские, елабужские, московские, иркутские купцы из крестьян Кобрского прихода Котельничского уезда. Предки «московско-го Гофмана», «Маркса XX века», писателя, экономиста, искусствоведа Александра Васильевича Чаянова (1888–1937).

Константин Игнатьевич Клепиков (1821–1907) – автор опубликованных отдельной книжкой воспоминаний о старой Вятке. Его внук Сократ Александрович Клепиков – крупнейший отечественный флигранолог.

43. КЛОБУКОВЫ – несколько фамилий вятских предпринимателей. Более известны две.

Первая – от прихожанина Владимирской церкви Козмы Гаврилова

Клобукова (пр. 1700 – после 1764). Здесь самые именитые Павел Петров (1840–1905) и его сын Петр (1873–1944). Деятельность этих людей определяла в последние дооктябрьские десятилетия уровень вятской благотворительности.

В родстве с ВОРОБЬЕВЫМИ, ПОПОВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ...

Вторая фамилия – от крестьянина Филейского прихода Анисима Ермилова Клобукова (пр. 1800–1865), записавшегося в мещане в 1820 г. Его внуки (в числе которых и Николай Алексеевич) к 1917 г. стали едва ли не самыми богатыми домовладельцами в г. Вятке.

В родстве с БАШМАКОВЫМИ...

44. КОЛОТОВЫ – вятские мещане, глазовские купцы из крестьян Бахтинской волости (Спенчинского оброчного стана), прихожане Спасского собора.

Петр Иванов Колотов (пр. 1835 – пр. 1899) – второй председатель губернской земской управы (после Синцова).

В родстве с АРШАУЛОВЫМИ, ВОРОЖЦОВЫМИ, ЕРМОЛИНЫМИ, МАШКОВЦЕВЫМИ, СУНЦОВЫМИ, ЮРАСОВЫМИ...

45. КОЛОШИНЫ – вятские купцы из архиерейских крестьян Бобинской вотчины. В конце XVIII в. одна из трех вятских фамилий, записавшихся в купечество 1-й гильдии (наряду с КАЛИНИНЫМИ и МАШКОВЦЕВЫМИ).

Иуда Сидоров Колошин (1755–1829) – построил один из самых богатых домов, затем еще и флигель (ныне ул. Московская, 32 и 30), торговал через Архангельский порт с Европой. Был в купеческой депутации, приветствовавшей Александра I во время посещения последним Вятки.

В родстве с ГЛУХИХ, ВЕРЕТЕННИКОВЫМИ, КАЛИНИНЫМИ, КОСАРЕВЫМИ, РЯЗАНЦЕВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ... Среди предков астронома М. М. Гусева и художника Н. Н. Хохрякова.

46. КОРОБОВЫ – многочисленные фамилии вятских купцов и мещан из хлыновских посадских. Упомянуты еще в дозоре 1615 г. (Васка Коробов с Вознесенского переулка). Занимались “солодельным промыслом” (1721).

Среди прародителей художников Н. Н. Хохрякова и А. И. Деньшина, дымковских мастериц Е. А. Кошкиной и З. Ф. Безденежных, искусствоведа Е. Н. Москалец.

В родстве с ГЛУХИХ, ЗЛЫГОСТЕВЫМИ, ЕРМОЛИНЫМИ, ВЕРЕТЕННИКОВЫМИ, КАЗЕНИНЫМИ, КЛОБУКОВЫМИ, НИКИТИНЫМИ, ПОПОВЫМИ, ПОСКРЕБЫШЕВЫМИ, СУЯТИНЫМИ, УХОВЫМИ, ЮРАСОВЫМИ, ЮФЕРЕВЫМИ...

47. КОРОВАЕВЫ – вятские купцы из хлыновских посадских, прихожане Сретенской (Пятницкой) церкви. Упомянуты еще в дозоре 1615 г. (Марк Короваев, сбежавший “безвестно”).

Среди прародителей художников В. М. и А. М. Васнецовых, Н. Н. Хохрякова, писателя-педагога Н. П. Кувшинского, народницы А. Д. Чарушиной.

Владимир Афанасьевич Короваев (1811–1892) – известный хирург.
Владимир Афанасьевич Короваев (1864–1939) – ученый, зоолог, директор Зоологического музея (1926–1934).

48. КРАСОВСКИЕ – священническая фамилия из Костромской епархии.

Александр Александрович Красовский (1828–1883, Вятка) – общественный деятель, демократ, просветитель. В метрике о смерти записан временным 2-й гильдии купцом. Владел типографией (приобрел у Блиновых), писчебумажным и книжным магазином, открыл первую в г. Вятке частную публичную библиотеку (1858). Владел подгородной дачей (т. н. “кутырем”-хутором), где продавал улучшенные сельхозорудия.

49. КУКЛИНЫ – многочисленные вятские мещанские, купеческие фамилии из хлыновских посадских. Одни из пионеров вятского пароходства, владельцы типографии (приобрели у Красовского). Содержатели земских бань “под горою Кикиморкою по Хлыновке” (1798).

Среди предков известного социал-демократа Егора Васильевича Барамзина (1868, Вятка – 1919, Самара).

Георгий Аркадьевич Куклин – известный издатель.

В родстве с ПРОЗОРОВЫМИ, ПУПЫРЕВЫМИ, КОЛОШИНЫМИ, УХОВЫМИ, НИКИТИНЫМИ, ЖЕЛУТКОВЫМИ, СУЯТИНЫМИ...

50. КУЛЕПЕТОВЫ – вятские купцы из крестьян Углицкого уезда Ярославской губернии. На Вятке с середины XVIII в. (до 1849 г.), благодаря приходу сюда И. Ф. Кулепетова.

Иван Федоров Кулепетов (1804–1888) – купец 2-й гильдии, начинал с булочников (1856). Был старостой Воскресенского собора (с 1864), построил дом на ул. Московской (ныне ул. Московская, 8).

В родстве с ВОРОБЬЕВЫМИ...

51. ЛАПТЕВЫ – вятские купцы-заводчики из крестьян села Подрелье Орловской округи. “Отошли” в раскол. Содержали в своем доме на Николаевской (до 1910 г.) старообрядческую молельню. Первыми (Козьма Игнатьевич Лаптев) познакомили Вятку с автомобилем (февраль 1906) и “усовершенствованным говорящим фонографом” (1900). Вятское старообрядческое кладбище называли Лаптевским (за их пожертвования на его благоустройство и содержание часовни). Мраморное надгробие Михаила Дмитриевича Лаптева (пр. 1822–1903) – едва ли не единственное, что осталось от этого последнего пристанища вятских староверов.

52. ЛАСКИНЫ – вятские купцы из архангелогородских обывателей. На Вятке известны с конца XVIII в. до первой четверти XIX в. Владельцы каменного дома, стоявшего напротив нынешнего художественного музея (с 1810 г. принадлежал Аршауловым), в котором квартировал А. Л. Витберг.

53. ЛЕБЕДЕВЫ – многочисленные вятские фамилии. Среди вятских посадских. Кукарские купцы.

Александр Сергеевич Лебедев (1888–1937) – основатель Кукарского музея, директор Вятского и Пермского краеведческих музеев. Репрессирован.

В родстве с КОРОБОВЫМИ, ПОПОВЫМИ, ПУПЫРЕВЫМИ...

54. ЛУППОВЫ – слободские и вятские купцы из церковнослужительских детей. Домовладельцы.

Сергей Павлович Луппов (1893, Вятка – 1977, Москва) – художник, основатель (наряду со Всеволодом Лебедевым) Слободского музея.

55. ЛЯНГУСОВЫ – хлыновские торговые люди. В конце XVII – начале XVIII в. не раз водили караваны в Китай. Последние Лянгусовы (дети Максима Филатова) – прихожане Всехсвятской церкви г. Вятки.

В родстве с АЛЬГИНЫМИ, ПРОЗОРОВЫМИ...

56. ЛЯПУНОВЫ – слободские, вятские, глазовские купцы и мещане из крестьян Кайской округи. Среди прародителей плеяды революционных и общественных деятелей Шулятиковых.

Алексей Васильевич Ляпунов (1816, Слободской – после 1866, пр. Казань) – художник-каллиграф, композитор, мастер игры на гусях.

В родстве с МАКУШИНЫМИ...

57. МАКУШИНЫ – слободские купцы, мещане из посадских. Известны производством ямских колокольчиков.

Илья Васильевич Макушин – записался в купцы 2-й гильдии в 1876 г. Его внуки – известные эсеровские деятели, возмутители спокойствия в Слободском уезде в 1905 г. Сергей Николаевич (1885–1918) – агроном, расстрелян большевиками, Владимир Николаевич (род. 1879) – лидер вятских эсеров (1917).

58. МАЛАНДИНЫ – нолинские купцы из монастырских крестьян. Среди предков В. М. Молотова (1890–1986).

Герман Капитонович Маландин (1895, Нолинск – 1961, Москва) – советский военачальник, генерал армии.

Геннадий Маландин – боец дивизии В. К. Блюхера, получил орден Красного Знамени за мужество под Тобольском.

59. МАСЛЕННИКОВЫ – вятские, слободские купцы из посадских. Владели фотографией (1873), домом с мезонином на ул. Вознесенской (ныне ул. Ленина, 113).

В родстве с ПРАЗДНИКОВЫМИ, СУЯТИНЫМИ...

60. МАТВЕЕВЫ – уржумские купцы из ясачных крестьян дворцовой

Архангельской волости. Стали записываться в городские сословия с 1775 г.

Лазарь Денисов Матвеев (пр. 1783–1842) – купец 1-й гильдии, его внук Лазарь Павлович (ум. 1895) – первый председатель Уржумской земской управы, владелец стекольного завода (видимо, в честь него село при стекольном заводе названо Лазарево).

Предполагаемые предки архитектора Алексея Николаевича Бекетова (1862 – 1941, Харьков). Если предположение верно, то Матвеевы в свойстве с семьей А. Блока.

61. МАШКОВЦЕВЫ – известнейшая вятская фамилия. Торговые люди из крестьян Кстининского прихода. Получили потомственное дворянство.

Иван Степанов Машковцев (род. пр. 1779) – первый почетный гражданин Вятки.

Николай Георгиевич Машковцев (1887, Слободской – 1962, Москва) – искусствовед.

Среди предков интереснейшего политического деятеля Николая Васильевича Чайковского (1850, Вятка – 1926, Лондон) и председателя Вятской губернской земской управы Леонида Викторовича Юмашева (ум. 1920).

62. МИКИШЕВЫ – котельничские купцы, мещане. Происходят от “старых полков салдатского брата” Силы Иванова Микишева (род. пр. 1675).

Среди предков художника Алексея Владимировича Исупова (1889, Вятка – 1956, Рим).

63. МИКУЛИНЫ – вятские купцы из крестьян Пасеговского прихода, первые владельцы и строители (1832) большого каменного дома на Верхней площади г. Вятки (ныне ул. Большевиков, 95).

В родстве с БАШМАКОВЫМИ, ГОЛОМИДОВЫМИ, ЕРМОЛИНЫМИ, КОРОВАЕВЫМИ, ЮРАСОВЫМИ...

64. МИРОНОВЫ – вятские заводчики из подгородных крестьян. Выделились в предреволюционные годы. Владели шубно-овчинным заводом.

Степан Ильич Миронов (1883–1959) – геолог-нефтехимик, академик.

Один из Мироновых в 1918 г. заведовал обмундировочной секцией губвоензага и был осужден через два года за растраты.

65. МИТЯГИНЫ – семья и наследники вятского купца Георгия Андреева Митягина (из крестьян деревни Краевской Русановской волости Орловского уезда). Известен пожертвованиями на строительство Александро-Невского собора, в частности, завещал новому храму свой каменный дом на углу ул. Преображенской и Никитской.

66. МОСКВИТИНОВЫ – вятские мещане, купцы из посадских, владельцы многих домов, в частности, каменного трехэтажного у Полицейского моста г. Вятки – ныне ул. Герцена, 1, прихожане Царево-Константиновской (Знаменской) церкви. На южной стене этого храма сохранилась камен-

ная доска, сообщающая, что под ней был в 1767 г. захоронен 30-летний купец Исидор Елисеев Москвитинов.

Анна Георгиева Москвитинова (род. пр. 1826), 24 октября 1847 г. в Вятской Предтеченской церкви стала княгиней Енгальчевой.

Среди предков знаменитого мастера Ивана Тихонова Бронникова (1779 – 1847), в родстве с АЛЬГИНЫМИ, ТОЛМАЧЕВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ...

67. НЕБОГАТИКОВЫ – нолинские купцы из ясачных крестьян дер. Чащинской (“Над ключом Долинской стороны”) Сретенского прихода. Владели табачной фабрикой.

Среди предков В. М. Молотова и артиста Б. П. Чиркова.

68. НИКИТИНЫ – вятские купцы, мещане из посадских. Занимались серебряным делом и шорным ремеслом. Владельцы-строители каменного дома на углу ул. Вознесенской и Копанской г. Вятки.

Среди предков издателя Г. А. Куклина и писателя Николая Федотовича Бажина (1843, Вятка – 1914, Свяжск).

В родстве с БАБИНЦЕВЫМИ, РЯЗАНЦЕВЫМИ, СУЯТИНЫМИ, ЮРАСОВЫМИ...

69. НОСОВЫ – яранские купцы из крестьян Владимирской губернии.

Иван Иванов Носов (пр. 1832 – 1902) – яранский городской голова (1870), домовладелец и владелец серповой фабрики.

Среди предков революционного деятеля, директора музея Революции Сергея Ивановича Мицкевича (1869, Яранск – 1944, Москва).

70. ОГОРОДНИКОВЫ – вятские купцы, мещане, чиновники из хлыновских посадских.

Среди предков художника А. И. Деньшина и дымковской мастерицы З. Ф. Безденежных.

Евламий Кириллович Огородников (1816 – 1884) – известный статистик и этнограф, редактировал многие тома “Списка населенных мест Российской империи”, в том числе и том “Вятская губерния”.

Его сын Федор Евлампиевич (1867 – 1939) – военачальник (комдив), историк.

71. ОНЧУКОВЫ (Анчюковы) – слободские, сарапульские купцы из слободских посадских. На средства Ончуковых была перестроена Слободская Николаевская церковь (с 1894 г.).

В родстве с БАШМАКОВЫМИ, ЧУВАТИНЫМИ, ШУРАВИНЫМИ, ПЛАТУНОВЫМИ...

Николай Евгеньевич Ончук (1872, Сарапул – 1942, пр. Пенза) – этнограф, фольклорист, издатель “Прикамской жизни”, один из создателей Сарапульского земского музея (1909).

72. ПЛАТУНОВЫ – слободские купцы из посадских. Имели половников (1800). В XVIII в. ездили в Англию по торговым делам.

В родстве с АНФИЛАТОВЫМИ, КАЛИНИНЫМИ, СТОЛБОВЫМИ, ТОЛМАЧЕВЫМИ, ЧАРУШИНЫМИ...

73. ПОПОВЫ – несколько фамилий различного происхождения.

Вятские Поповы – из хлыновских посадских, прихожане Вознесенской церкви, затем Спасского собора. Берут начало с Федора Васильева Попова (пр. 1650 – 1725) – “работного срочного из найму” у Силки Иванова Хохрякова.

Породнились с АГАФОНОВЫМИ, ЕРМОЛИНЫМИ, ИЛЬИНЫМИ, КУКЛИНЫМИ, РЕПИНЫМИ, РЯЗАНЦЕВЫМИ, ЮРАСОВЫМИ...

Среди предков художника Н. Н. Хохрякова.

Слободские Поповы – среди предков писателей Валентина Петровича Катаева (1897, Одесса – 1986, пр. Москва) и Евгения Петрова (1903, Одесса – 1942).

74. ПОСКРЕБЫШЕВЫ – несколько фамилий различного происхождения.

Вятские Поскребышевы – из крестьян Подрельской волости, половников купца Толмачева, прихожане Сретенской и Спасо-Хлыновской церквей.

Среди предков искусствоведа Н. Г. Машковцева.

Не исключено, что слободские (подчуршинские) Поскребышевы приходились родственниками своим вятским однофамильцам, так как происходили также из крестьян Подрельской округи. Из этих Поскребышевых вышел личный секретарь Сталина Николай Васильевич Поскребышев (род. 1891).

Нолинские Поскребышевы – среди предков В. М. Молотова.

75. ПРАЗДНИКОВЫ – вятские купцы из посадских. Домовладельцы. В родстве с МАСЛЕННИКОВЫМИ, ХОХРЯКОВЫМИ, ШВЕЦОВЫМИ, ШМЕЛЕВЫМИ...

Александра Николаевна Праздникова (ум. 1911) – врач, мать артиста Николая Михайловича Падарина (1867, Сорвижи – 1918, Москва).

76. ПРОЗОРОВЫ – одна из самых известных вятских купеческих фамилий. По семейному преданию, из крестьян Якимовагинской волости. По документальным источникам – прародитель этой купеческой династии Фирс Кирилов Прозоров (род. пр. 1666) в 1710 г. значился хлыновским посадским и жил в своем дворе в переулке от Московской башни к Ильинской улице. Самые известные представители рода:

Яков Алексеевич Прозоров (1816, Вятка – 1881, С-Петербург) – 1-й гильдии купец, коммерции советник, владелец многих зданий, которые пожертвовал городу, городской голова (1859–1862).

Его сын Алексей Яковлевич (1842, Архангельск – 1914, С-Петербург) – коммерции советник, участник компании “Русское товарищество котиковых промыслов”, председатель комитета Санкт-Петербургской биржи (с 1897 г.),

чиновник для особых поручений при министре финансов, тайный советник; племянник последнего Александр Александрович (1854–1927, Вятка) – юрист, театрал, знаток музыки, общественный деятель, новатор (впервые в Вятке украсил свой дом – стоял на углу ул. Спасской и Никитской, где ныне главпочта, – наличниками с профильно-накладной резьбой), владелец нескольких домов и арендатор сада “Аполло”; собиратель книг, после революции передал в губернскую библиотеку свое собрание нот, пьес, музыкально-театральной литературы, а также уникальную рукописную книгу “Хронограф”; оставил интереснейшие воспоминания “Род Прозоровых”, “Город Вятка и его обитатели” и др. – три тетради, ныне хранятся в госархиве Кировской области.

77. ПУПЫРЕВЫ – вятские купцы и мещане из посадских. Домовладельцы. Их именем была названа народом так называемая “осмиугольная” площадь на пересечении Владимирской и Рождественской (Раздерихинской) улиц (на этой площади стоял дом цехового Якова Евдокимова Пупырева, перешедший затем к его сыну Владимиру).

Константин Васильевич Пупарев (Пупырев) – врач, инспектор врачебной управы, знакомый М. Е. Салтыкова.

В родстве с КУКЛИНЫМИ...

78. РЕПИНЫ – вятские купцы из посадских, домовладельцы.

Иван Степанович Репин стал 2-й гильдии купцом в 1814 г. Его дети были уже в 1-й гильдии, торговали с Лондоном (1845).

Платон Иванов Репин (1814 – после 1855) – приятель А. И. Герцена и А. Л. Витберга, умер несостоятельным должником.

В родстве с МАШКОВЦЕВЫМИ, СОФОНОВЫМИ, СУЯТИНЫМИ, ШВЕЦОВЫМИ, ЮФЕРЕВЫМИ...

Не путать с вятским мещанином, жителем Хлыновитской слободки Платоном Васильевым Репиным и его наследниками, а также с горожанами-крестьянами, давшими известных владельцев колбасного заведения и фотографии (художник Алексей Алексеевич Репин из этого крестьянского рода).

79. РОГОТНЕВЫ – слободские купцы из посадских.

Среди предков художника Н. Н. Хохрякова, в родстве с РЯЗАНЦЕВЫМИ...

80. РЫКОВЫ – кукарские крестьяне-торговцы.

Предки председателя Совнаркома Алексея Ивановича Рыкова (1881, Сатаров – 1938).

81. РЯЗАНЦЕВЫ – одна из самых известных на Вятке купеческих фамилий и, несомненно, самая древняя и родовитая. Представляли Вятскую землю на Сборе 1613 года (Путилка Рязанцев). Землевладельцы, домовла-

дельцы, строители и владельцы бумажной фабрики и стекольного завода. В доме Михаила Иванова Рязанцева (ранее Москвитиновых, ныне ул. Герцена, 1) останавливались, будучи в Вятке, граф П. Д. Киселев, генерал П. П. Ланской с супругой Натальей Николаевной (по первому мужу Пушкиной).

Среди предков художников Н. Н. Хохрякова, В. М. и А. М. Васнецовых...

Смотри работу А. А. Спицына "История рода Рязанцевых" (Вятка, 1886).

82. САВИНЦЕВЫ – вятские, орловские купцы из орловских крестьян. Домовладельцы, владельцы питейного дома (1873).

По воспоминаниям современника, в доме купчихи Надежды Эдвиновны Савинцевой (ныне ул. Ленина, 105) содержались в Вятке перед отправкой на Урал, в Алапаевск, арестованные Романовы (Великие князья Сергей Михайлович, Игорь, Константин и Иван Константиновичи и князь Палей).

83. САПОЖНИКОВЫ – вятские фабриканты из прихожан Макарьевской церкви. Занимались спичечным производством.

84. СЕНИЛОВЫ – вятские купцы из монастырских крестьян Хлыновитской слободки. Прихожане Спасо-Хлыновской церкви. Владельцы-строители каменного дома с мезонином на ул. Московской (ныне ул. Московская, № 12) г. Вятки.

Владимир Алексеевич Сенилов (1875 – 1918) – композитор.

В родстве с КАРДАКОВЫМИ...

85. СИНЦОВЫ – орловские купцы из посадских, прихожане Благовещенской церкви.

Митрофан Иванов Синцов – 1-й гильдии купец, коммерции советник, орловский городской голова (1824), в его доме останавливался, проезжая через Орлов, Александр I.

Матвей Матвеевич Синцов (ум. 1910, Одесса) – врач, первый председатель Вятской губернской земской управы, отец математика, академика Украины Дмитрия Матвеевича Синцова (1867, Вятка – 1946, Харьков).

Среди предков орловских ЧАРУШИНЫХ.

86. СМОЛЬЯНИНОВЫ – домовладельцы из нижегородских мещан. Владели также дрожже-винокурным заводом. Появились в г. Вятке в самом конце XIX в. Смольяниновым перешел вятский дом № 1 (бывший Лаврова), с оценки которого начинались все городские окладные книги.

87. СОФОНОВЫ – семейство вятского купца, знаменского прихожанина, новокрещена из евреев "слонимских" Павла Иванова Софопова (пр. 1759 – до 1813). Двух своих дочерей выдал за купцов Репина и Хохрякова.

88. СТАХЕЕВЫ – елабужские купцы-миллионеры, торговцы хлебом. Владели имением в г. Мензелинске Уфимской губернии (1900). Выделили 6 стипендий для учащихся первого выпуска Казанской художественной школы. При участии Стахеевых возведено здание Елабужского реального училища. На средства Ивана Ивановича Стахеева построен пристрой с церковью при Вятском детском приюте (1879; ныне ул. Дрелевского, 32).

Дмитрий Иванович Стахеев (1840 – 1918) – известный литератор.

89. СТОЛБОВЫ – вятские купцы-домовладельцы из подгородных крестьян. Пароходовладельцы – на паях с Куклиными и Чудиновских.

Екатерина Ивановна Столбова-Падарина (пр. 1858 – после 1917) – женщина-врач, жена известного литератора.

Ее брат Алексей Иванович Столбов (1874–1937) – художник, педагог, обучался в “рисовальной школе барона Штиглица” (1895), учитель художника Евгения Чарушина.

90. СУНЦОВЫ – вятские купцы из крестьян “Березовского тяглого ста-на Заякимчевской пятидесятни”, в мещанах с 1788 г.

Архимандрит Матвей, в миру Михаил Андреев Сунцов (1813, Вятка – 1895, Вологодская епархия) – организатор обороны Соловецкого монастыря при нападении англо-французской эскадры в 1854 г.

Павел Степанов Сунцов (ум. 1888, Киев) – врач, военно-медицинский инспектор Киевского военного округа.

Владимир Васильев Сунцов (род. 1861, Вятка) – “купец-технолог”, симпатизировал левым, на его даче (находилась в начале современной ул. Володарского, снесена в конце 1980-х) “в 1905 г. помещался Вятский Комитет РСДРП”.

В родстве с БАКУЛЕВЫМИ, КОЛОТОВЫМИ, ШВЕЦОВЫМИ...

91. СУЯТИНЫ (Суетины) – вятские мещане, купцы из посадских, прихожане Царево-Константиновской (Знаменской) церкви.

Среди предков ученого-фармаколога Александра Петровича Нелюбина (род. 1785); жены художника В. М. Васнецова; а также Н. В. Чайковского, Н. Г. Машковцева, Г. А. Куклина, Н. Ф. Бажина...

92. ТОЛМАЧЕВЫ – старинный хлыновский купеческий род, исчезнувший к концу XVIII столетия. Владельцы одного из самых старых каменных зданий в городе (стояло близ современного драмтеатра, снесено в 1939 г.). “В старые времена было так: десять рублей были деньги; сто рублей составляли богатство; о тысяче рублей страшно было и подумать. А купец Толмачев имел пять тысяч рублей, по тем временам – несметная сумма!”, – со слов купца А. Е. Рязанцева “писано в 1863 году” об Иване Григорьевиче Толмачеве.

В родстве с ПЛАТУНОВЫМИ, РЕПИНЫМИ...

93. ТЫРЫШКИНЫ – вятские купцы из крестьян, пароходовладельцы. Торговали солью, мукой, цементом...

В родстве с ДОЛГУШИНЫМИ...

94. УХОВЫ – вятские купцы из посадских, домовладельцы. Одно из ранних сведений восходит к посадскому с Воскресенской улицы Сергушке Андрееву Ухову (указан в переписной 1678 г.). Его потомки торговали рыбой и галантереей, заседали в городской думе, занимали высокие должности в вятских банках, занимались революционной пропагандой (Клавдия Николаевна Ухова).

В родстве с БАБИНЦЕВЫМИ, КОРОВОВЫМИ, РЯЗАНЦЕВЫМИ, кстининскими ВАСНЕЦОВЫМИ...

95. УШКОВЫ – елабужские, московские купцы из крепостных крестьян Елабужской округи. Владельцы Бондюжского и Кокшанского химических заводов. Товары Ушковых получали награды на многих российских и международных ярмарках-выставках. Одни из основателей (финансовых) Московского художественного академического театра. Смотри о них в книге П. А. Бурышкина “Москва купеческая”.

Капитон Яковлевич Ушков (пр. 1811 – 1868, Елабуга) – основатель купеческой фамилии, построил здания для Елабужского уездного училища (позднее перешло женской прогимназии).

Петр Капитонов Ушков (1840, Елабужский уезд – 1898, Москва) – добрый знакомый Д. И. Менделеева.

96. ФИЛИППОВЫ – вятские купцы из мастеровых Кирсинского завода. В Вятку переселились из Слободского. Владельцы двух каменных домов (на углу ул. Казанской и Набережной и на ул. Московской), типографии (продали Харитонову). Прихожане Донской церкви.

Николай Григорьев Филиппов (1840, пр. Кирсинский завод – 1911, Вятка) – “в течение 30 лет доставлял из своего винного погребка, бесплатно, церковное вино” для своего храма, проложил между своими домами, едва ли не впервые в городе, телефонную связь.

Его сын Николай Николаевич Филиппов (1870 – после 1917) – торговал телефонами и пишущими машинками, издал книгу А. И. Лемана “Теория бильярдной игры” (СПб., 1906).

97. ФРАНЖОЛИ – фамилия австрийского подданного, народника Тимофея Афанасьевича Франжоли (1854–1915, Вятка), сосланного в Вятку и ставшего здесь булочным и кондитерским фабрикантом.

Владимир Тимофеевич Франжоли – в 1908 – 1909 гг. редактировал “Вятскую речь”. В это время газета опубликовала едва ли не самую громкую свою статью “Карательная экспедиция для взымания податных недоимок с крестьян Котельничского уезда”, перепечатанную многими столичными газетами и повлекшую смещение губернатора Горчакова.

98. **ХОХРЯКОВЫ** – одна из самых старинных вятских фамилий. Купцы, мещане из посадских. Представляли Вятку на Соборе 1649 года (Елизарко Иванов Хохряков).

Среди предков упомянутого архимандрита Матвея, художников Васнецовых, братьев Фармаковских, А. И. Деньшина, А. Е. Люстрицкого, физика Е. К. Завойского, изобретателя Н. Е. Долгова...

99. **ЧАРУШИНЫ** – вятские, казанские, самарские купцы из крестьян Бахтинской округи Хлыновского уезда.

Николай Аполлонович Чарушин (1851, Орлов – 1937, Киров) – народник, народный социалист, издатель и редактор “Вятской речи”, фотограф, автор воспоминаний “О далеком прошлом”.

Иван Аполлонович Чарушин (1862, Орлов – 1945, Киров) – архитектор. Евгений Иванович Чарушин (1901, Вятка – 1965, Ленинград), Дмитрий Яковлевич Чарушин (1813 – 1900, Вятка) – художники.

О Чарушиных смотрите сборник “Художники Чарушины” (Киров, 1992).

100. **ЧАРУШНИКОВЫ** – глазовские купцы, мещане из подгородных крестьян г. Орлова.

Александр Петрович Чарушников (1852, Глазов – 1913, Москва) – известный издатель.

101. **ЧИРКОВЫ** – нолинские купцы и мещане из крестьян подгородной дер. Копанской.

Борис Петрович Чирков (1901–1982) – известный артист, “Максим”, автор воспоминаний “Азорские острова” (Москва, 1978; 1982).

Сверх ста одной: **ЧУВАТИНЫ, ЧУКАВИНЫ, ШВЕЦОВЫ, ШИЛОВЫ, ШИШКИНЫ, ШМЕЛЕВЫ, ШУЛЯТИКОВЫ, ШУРАВИНЫ, ЮРАСОВЫ, ЮФЕРЕВЫ, ЯКИМОВЫ, ЯКУБОВСКИЕ, АРБУЗОВЫ, БАБИКОВЫ, БАННИКОВЫ, ГВОЗДЕВЫ, ДУДОЛАДОВЫ, КАЗАКОВЫ, КОСАРЕВЫ, КУЗНЕЦОВЫ, КУРШАКОВЫ, МАКСИМОВЫ, МОРОЛЕВЫ, ЛЫТКИНЫ, ПЯТОВЫ, СИЛИНЫ, ТИХОНОВЫ, ЧЕРНОВЫ...**

Приложения

Об имуществе купца Ивана Яковлевича Курочкина

В Российском госархиве древних актов при ознакомлении с делами заводчика, владельца Кирсинского и Песковского заводов, великоустюгского купца Ивана Яковлева сына Курочкина (1725 – ок. 1799) мною была выявлена опись его движимого и недвижимого имущества, сделанная в августе 1753 года¹. В этой описи имущество не систематизировано. Если сама опись дает возможность восстановить облик жилища представителя богатого купеческого рода Курочкиных, то составление реестра даст возможность количественно оценить это имущество.

Опись была составлена довольно подробно (например: “часы стеновые большие боевые немецкие в китайском корпусе”), в реестре от этого приходится отказаться.

Объяснение отдельных слов дано в конце статьи.

Реестр состоит из следующих пунктов: I. Иконы и картины; II. Книги; III. Мебель, сундуки и прочее; IV. Коляски, сани, лошади; V. Посуда; VI. Светильники и отопительные приспособления; VII. Инструменты и хозяйственные принадлежности; VIII. Приборы для написания писем и “школьные пособия”; IX. Военное и охотничье снаряжение; X. Шахматы, трубка и прочее; XI. Драгоценности; XII. Продукты питания, лекарства и прочее; XIII. Перины, постельное белье; XIV. Одежда и обувь; XV. Меха; XVI. Ткани; XVII. Предметы в лавке.

* * *

I. Иконы и картины. Иконы: Образ Спаса Нерукотворенного – 10, Бога Вседержителя – 3, Богоматери – 4, Богородицы Смоленской – 3, Владимирской – 2, Тихвинской – 1, Марии – 1, Покрова Богородицы – 1, Иоанна Богослова – 1, Иоанна Воина – 1, Иоанна Предтечи – 2, Иоанна Крестителя – 1, Петра, Алексея, Ионы – 1, Варлаама Новгородского – 1, Параскевы Пятницы – 10, Екатерины – 1, распятие Господне – 2.

Картины: портрет Ея Императорского Величества – 2, портреты Петра Первого – 2, портрет Петра Федоровича – 1, картины (без названия) – 5, картины с разными портретами – 5, картины с виниями, одна Гераклиет, другая Демокриет – 2, картины печатные, по латыни подписанные “отче наш” – 6, картина простая женская – 1, картины большие голландские – 3, картины и планы – 49, картины разные – 4, картины, в том числе одна в лице, – 3, маленькие картинки – 23, шпалеры стенные в лицах – 1, персона на холсте Иудифы с Олоферном, рисунок на тафте европейской – 1.

II. Книг духовного и светского содержания – 117².

III. Мебель, сундуки и прочее: кабинет – 1, полукабинет – 1, шкафы – 10, столы – 18, стулья – 46, зеркала – 16, часы – 5, кровати – 3; сундуки – 9, сундучок – 1, подголовки – 3, лукошки – 2, лукошечки – 7, баулы – 3, короб

– 1, короба – 9, коробки – 6, коробочки – 2, шляпник – 1, шапошники – 3, погребцы – 5, ящики – 24, ящички – 8, сервизы – 3, шкатулки – 5, коренники – 2, киса – 1.

IV. Коляски, сани, лошади: коляски крытые городовые четвероколесные – 2, дорожная четвероколесная – 1, городовая четвероколесная – 1, коляски дорожные – 2, коляски малые – 2, коляска ветхая без колес – 1, коляска городовая – 1, одноколки – 2; сани дорожные – 1, сани с козырями – 1; лошади – 8; хомуты – 5, хлысты – 2, шпоры – 5, дуги – 7, седло – 1, чепрак – 1, чалдар – 1.

V. Посуда: столовая: стаканы – 38, бокалы – 5, рюмки – 54, чарки – 14, колпаки водошные – 6, тарелки – 105 (одна из них с подогревальником), чашки – 27, блюдца – 27, блюда – 12, чайники – 15, ложки – 16, ножи – 66, вилки – 64, кувшинчики – 4, подносы – 14, кофейники – 4, молочники – 4, лимонники – 3, полоскательные чаши – 8, братины – 3, стоечки – 2, уксусницы – 4, перечница – 1, сахарницы – 6, чайницы – 2, скляницы – 10, солоницы – 8; кухонная: кастрюля – 1, котлы – 3, чаны – 6, сковородки – 5, тески – 3, ковши – 3, горшочек – 1, мelenки – 2, кунганы – 11, кружки – 3, крышки – 8, иготы – 2, лохани – 5, терка – 1, воронки – 3, тазик – 1, бутылки – 36, латка каравайная – 1, противни – 1, судки – 1, миски – 14, жестянки – 4, уполовничек – 1, ставок – 1, меденник – 1, оловянные – 2, рукомойники – 5. Разной посуды небольшое число, черешки костяные – 122.

VI. Светильники, отопительные приспособления, утюги: лампы – 4, масленники – 2, шандалы – 2, подсвечники – 5, ночники – 4, фонарики – 5, свечи – 20; канфоры – 6, меха – 2, печка медная – 1; утюги – 3.

VII. Инструменты и хозяйственные принадлежности: инженерный инструмент – 2 ящика с инструментом токарным и со столярной снастью, топор – 1, молоток – 1, пилы – 18, замки – 9, ножницы – 4, крюки, гвозди – около 3 тысяч штук, пыжовники, колотушки чугунные – 20, пестик – 1, буравок с трубкою – 1; кран немецкий – 1, пружины кроватные – 2, коромысла железные – 2, вески с коромыслом – 1, весы большие, 2 гири по 16 фунтов, 2 пудовые, дробные – 4 (весом 10 1/2 фунтов), аршин – 1; краска брусковая синяя – 1/4 фунта, слюда недеванная – 34 листа; мыла – около 2 пудов, ладан – около 1/2 пуда; цевка – 1, наколток – 1, трещалка – 1.

VIII. Приборы для написания писем и “школьные пособия”: чернильницы – 2, песочница – 1, карандаш с пером свинцовым и футляр – 1, печатка – 1, сургуч – 20 прутков, памятные для записки книжки неписанные – 3, крышка письменная – 1. Письма. Глобус – 1, глобус с надписанием небесных светил – 1, аспидная доска большая – 1.

IX. Военное и охотничье снаряжение: пистолет ломаный – 1, сумка с патронами – 1, порошницы – 2, сабля – 1, кортец – 1, ножны – 1.

X. Шахматы, курительные трубки и прочее: шахматные доски – 2, шахматы; трубки курительные – 2, табашница – 1, доскан с табаком – 1, табакерки – 3; рыбы зубы – 3, 2 картуза табаку, раковины китайские – 2, набалдашник костяной – 1; трость камышевая старинная – 1, пушечки медные маленькие – 2; кошельки – 2, веера бумажные – 7; попугаевые клетки – 2.

XI. Драгоценности и украшения: серьги – 2, перстни – 3, 1/4 цепочки серебряной золоченой; серебряные обрезаки в бумажке, запонок – 10, связки жемчуга китайского – 3, бумажка выжиги серебряной – около 5-ти золотников, запаны серебряные под золотом с окладу – 3, серебряная штучка – 1, лалы – 7, ставка лаловая резная – 1, изумрудец с серьги – 1, петлица в футляре серебряная – 1, 3 перла бусовые, фиалка серебряная – 1, запанок – 6, золота и серебра сусального 5 книжек, жемчуга китайского 120 зернышек, запанки серебряные, крючок серебряный – 1.

XII. Продукты питания и лекарства: кадки, лукошки и бочонок с мукой, крупой и прочими припасами – 12, бочки с квасом и пивом – 10, чай черный банча, лукошечко со свадебным конфетом, чаю с 10 фунтов, кофе – фунта с 3, конфеты, 12 голов сахара, масла – пуда с 2, пива бочка, корица, мускатный цвет, 19 орешков мускатных, сахару-леденцу – фунта с 2, скляница с кардамоном; коробка с лекарствами (без перечисления), бутылка с гвоздикой, другая с калцдерным (?) семенем, 3 “алексирные бутылочки”.

XIII. Перины, постельное белье и прочее: тюфяк – 1, перины – 2, одеяла – 4, простыни – 8, покрывало на одеяло – 1, подушки – 9, зголовье пуховое – 1, полузголовье – 3, наволочки – 27, пологи – 2, ковры персидские – 6, полазы – 4, занавески – 11, оконницы флеровые – 2, подзоры – 3, скалтерти – 30, салфетки – 186, полотенца – 44.

XIV. Одежда, обувь и прочее: кафтаны – 16 (в том числе 1 детский), полукафтаны – 2, камзолы – 9, рубашки мужские – более 33, рубашки женские – более 15, фуфайка – 1, кофтики – 2, полутелогрейка – 1, полужимок – 1, шубы – 2, душегрейка – 1, кунтыш – 1, пара платья мужского, две пары платья, платья шелковые – 3, штаны – 22, бострог – 1, брушлок – 3, порки мужские – 3, юбки – 3, подъюбошник пуховый – 1, балахоны – 5, корсет – 1, запан – 1, казакины – 4, епанча – 1, епанечка – 1, сертук – 1, чулки женские и мужские – 17 пар, подвязка – 1, рукавицы – 5 пар, перчатки – 18 пар, шапки (разные) – 16, плат – 1, платок – 1, косынки – 6, чебак – 1, пояса – 5, кушаки – 5, галстуки – 4, чепцы – 11, колпаки – 13, карнеты – 2, карнетные перышки – 2; женские мушки – 9 бумажек, перья – 2, белила китайские – 2 ящичка, румяна – 9 листов и 340 кругов; фата черная – 1, фишмы усовые – 1, начельник – 1, гребень – 1. Позумент золотный – 4 1/2 аршина, позумент серебряный – 1 1/4 аршина, сетка серебряная – 6 аршин, сетка золотная 1/4 аршина, кружево немецкое – 11 1/2 аршин, кружево московское – 13 аршин, кружево серебряное – 3 аршина. Моточки шелка, гаруса, ниток, лент – более 40, пуговицы – более 150, прядено бумажное – с 3 фунта, узор к простыне, шнурок – 4 клубка и 10 аршин. Обрезки сукна, шелка, кружева, парчи, редуги, клочковой бумаги – небольшое число. Рукава (отдельные) – 61, завязки к рукавам – 2, лацкан – 1. Сапоги – 2 пары, башмаки туфли – 2 пары, щелбеты – 1 пара, башмаки женские – 3 пары, башмаки детские мужские – 1 пара, 3 пары пряж башмачных, подошвы дубленые – 5; платяные щетки – 3; парики – 5.

XV. Меха: черевок росوماхи, бобровый, рысь без лап, кожа яловошная, остаток кожи черной, полкозла, козел деланный – 1, белки – фунта с 4, мех из-под кафтана и шубы, куницы – 15, лоскут лобков беличьих, зайцы неде- ланные – 130. Спорки: суконный, 2 спорка с шапок, 1 с армяка, подклад, спо- рок с камзола.

XVI. Ткани (меры длины: аршин, конец, косяк, трубка и мотушка): ат- лас белый, алый, красный, полосатый – всего более 60 аршин; байка крас- ная и белая – 1,5 аршина и 2 конца; банберек вишневый – 6 аршин; бархат зеленый, красный и косматый – 3 остаточка небольших и 3 аршина; выбой- ка немецкая – 1 аршин и 1 конец, бухарская узкая – 12 аршин и 1 конец; голь цветами – 10 косяков, цветная зеленая – 6 1/2 аршин, желтая – 3 арши- на, вишневая – 1/2 аршина, лазоревая – 1 1/2 аршина; гарнитур синий – 2 аршина, китайский цветной – 3 аршина; грезет московский – 9 аршин, пун- цовый – 22 аршина; каламенок ярославский – 13 аршин; камвлот двулиш- ный – 6 аршин; камка двух цветов – 9 аршин; кежа красноборская – 10 ар- шин, ярославская – 3 аршина; кисея – 1 1/2 аршина; китайка – 2 1/2 арши- на, черная – 6 1/4 аршина, лимонная – 1 аршин, белая – 8 аршин, белая не- лощенная – конец, лазоревая – 6 концов; клитчатина ярославская – 12 ар- шин; полотно архангелогородское – 18 аршин, голландское – 17 аршин, ки- тайское – 19 аршин и 2 конца, макарьевское – 16 аршин, шлонское – 26 1/2 аршин; полукаламенок новый – 5 аршин; полуоберъ песошная – 13 аршин, красная – 1/2 аршина; рекц – 54 аршина; сукно красное – 1 аршин, кофей- ное – 1 1/2 аршина, немецкое – 2 половинки, русское – 1 1/2 аршина, сер- мяжное – 2 трубки и 2 конца, зеленого и синего – 2 остатка; тафта пестрая – 9 1/2 аршин, белая писаная – 2 1/2 аршина, желтая – 1 мотушка; фанза желтая – 9 аршин; флер темнолимонный – 15 аршин и зеленый – “по зане- весы”; холст бухарский – 1 трубка, немецкий – 24 аршина, простой – 60 ар- шин, салфетошный ярославский – 28 аршин, салфетошный – 100 аршин и 2 конца, скатертный ярославский – 20 аршин и 11 аршин, толстый – 50 ар- шин и 4 конца, 8 концов и 5 1/2 аршин; чалдан бухарский – остаток; штоф немецкий красный – 9 аршин, пунцовый – 4 аршина; штучка полущелковая дикого цвета – 6 аршин.

XVII. Предметы в лавке: гири чугунные пудовые – 13 штук, полупудо- вые – 3, дробные (весом 20 фунтов), гири медные со свинцом, немецкие, пудовые – 3; вьюшки чугунные – 5 (весом 5 пудов 5 фунтов), ступки ма- ленькие – 5; блок железный, полицы железные кровельные (весом 7 пудов 34 фунта); рогожи – семериц сорок; коробки чугунные (весом 5 пудов 23 фунта); железо прутовое – 121 пуд 10 фунтов; 5 веретен (весом 8 пудов 10 фунтов).

Сам дом Курочкиных не являлся предметом судебного спора и поэтому не был подробно описан, однако некоторые данные о нем имеются. Так, говорится о трех стопах, т. е. срубах, избах. Описаны обои (зеленые шпале- ры, заморские бумажные малиновые обои, немецкие шпалеры) и приведе- но количество окон в горницах (всего окон 24). Известно, что близ дома

имелась конюшня, санник, поварня, салотопня, пивоварня, жилой погреб, черная изба, погреб с напогребником. В архиве Великого Устюга имеется описание этого же дома на 1785 год, когда купец И. Я. Курочкин жил уже в каменном доме, а здесь обитал посадский человек Осип Абрамов сын Бобровников³.

Что же касается недвижимого имущества И. Я. Курочкина, то деревень у него было на 1753 г. 36, часть из них принадлежала его матери.

ПРИМЕЧАНИЕ I

1. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1. Д. 885. Лл. 173 – 175, 177 – 205 об., 228 – 253, 265 – 274. Статьи “Опись дому устюжского купца Ивана Яковлева сына Курочкина движимому ево имению, которого по той описи явилось и что каких мест запечатано” и “Великоустюжский купец И. Я. Курочкин и его железодельные заводы” находятся в печати.

2. См. статью “Библиотека И. Я. Курочкина” в Трудах Международной научной конференции “Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера”. Киров, 1996. Т. 2. С. 65 – 67.

3. Великоустюжский филиал Государственного архива Вологодской области (ВУФ ГАВО). Ф. 361. Оп. 3. Д. 2262. Л. 132.

ПРИМЕЧАНИЕ II

Алексир – элексир

Банберек – ткань из крученого шелка, гладкая или с золотым и серебряным узором

Банча – банка

Бострог – куртка короткая без рукавов, мужская, род фуфайки, поддевки

Брушлок – ?

Винии – виньетки

Выбойка – крашенный холст с набивным узором

Выжега – чистое серебро, оставшееся после сожжения пряденного или тканого серебра

Гарнитур – шелковая ткань

Гераклиет – Гераклит

Голь – китайская шелковая ткань, вроде камки, лучший дамаст

Грезет – шелковая или шерстяная ткань с травчатым мелким узором одинакового с тканью цвета

Демокриет – Демокрит

Дикий (цвет) – серый, цвет неокрашенной ткани

Доскан – ящик, ларец

Епанча – широкий и просторный плащ, накидка

Епанечка – женская короткая утепленная накидка без рукавов

Запан – 1) передник, 2) бляха золотая или серебряная с драгоценными камнями для украшения утвари и одежды

Зголовье – нижняя подушка из полагаемых под голову на постель
Зуб рыбий – моржовый клык
Игот – ручная ступка
Кабинет – бюро, письменный стол с ящиками
Казакин – полукафтан с борами, прямым воротником, без пуговиц, на крючках
Каламенок – гладкая пеньковая или льняная ткань
Камелот – шерстяная или полушерстяная ткань
Камка – китайская шелковая ткань с разводами
Канфор – 1) ручная кухня, 2) часть самовара
Карнета – корнет – старинный женский головной убор
Карнетные перышки – украшение к карнету
Кежа, кеж – пеньковая плотная ткань, пестрая, полосатая, разных цветов
Киса – кошель или мешок, затягиваемый шнурком
Китайка – гладкая бумажная ткань
Клитчатина – клетчатина – домашняя бранина, камчатая ткань
Кломчатая бумага – хлопчатая
Коренник – небольшая корзина с крышкой из кореньев или травы
Короба – коробка
Кортец – кортик
Кунган – кувшин с крышкой, носиком и ручкой
Кунтыш – род верхней мужской одежды, иногда на меху, со шнурками, с откидными рукавами
Лал – рубин
Латка каравайная – глиняная сковородка для выпечки хлеба
Масленник – сосуд для масла у иконы
Меденник – медный котел
Мех конфорный – см. канфор
Наколток – приспособление для ловли раков
Начельник – девичья головная повязка, лента с поднизями
Обьярь – плотная шелковая волнистая ткань с золотыми и серебряными струями и разными узорами
Оконница – занавес
Оловянный – кружка
Перло – ожерелье, борок, нить
Погребец – дорожный ларец с чайным или столовым прибором или с питиями
Подголовок – невысокий сундук или ларец с наклонной крышкой для драгоценностей, ставился в головах под подушками
Полукабинет – см. кабинет
Полукаламенок – см. каламенок
Полуобьярь – см. обьярь
Порки – порты, штаны
Порошница – сосуд, в котором охотники носили порох
Пыжовник – приспособление для вытаскивания пыжа и самого заряда из ружья
Редуга – ровдуга – баранья, козлиная или оленья шкура, выделанная наподобие замши
Рекц – ?
Салотопня – помещение, где топили сало
Сервиз – вид сундука
Сертук – сюртук

Скляница – бутылка
Ставка – камень в перстне
Трещалка – приспособление для осмотра и чистки ствола ружья
Уполовничек – половничек
Фанза – китайская шелковая ткань
Цевка – 1) деревянная трубка, катушка, надеваемая на веретено для наматывания пряжи, 2) коклюшка
Чалдан – ?
Чалдар – конский убор
Чебак – меховая шапка с наушниками, завязками и назатыльником; был и женский чебак, с круглым парчовым верхом и собольей опушкой по лбу и затылку
Шандал – вид подсвечника
Шляпник – ящик, коробка для шляпы
Штоф – очень плотная шелковая или шерстяная одноцветная или узорчатая ткань
Щеблеты – штиблеты

Н. Е. Завойская

Из воспоминаний вятского старожилы Ж. И. Клепикова о заграничной торговле и благотворительной деятельности купцов Вятского края

В конце восемнадцатого и в первой половине девятнадцатого столетия вятские, орловские и слободские купцы отправляли очень много товаров к Архангельскому порту, продавали иностранным конторам рожь, овес, пшеницу, семя льняное, льняные товары, сало и поташ.

Иностранцы имели в Архангельске свои дома на одной улице, называемой и ныне “Немецкая слобода”, жили лето и зиму. Зимой покупали товар от вятских купцов по маклерским запискам, с доставкой в Архангельск к июню месяцу, и имели в Вятке комиссионеров из вятских купцов.

Некоторые из вятских купцов пробовали отправлять товар для продажи в Лондон. Слободской купец Анфилов в 1806 г. отправил лен. Два года лен лежал в Лондоне и не продавался; на третий – поехал Анфилов в Лондон; товар осмотрел, который оказался в целости. Предлагал покупателям, но они давали очень дешево. Решил товар принять. Выпросил позволение свезти за город и сжечь. Англичанин сказал: “Отправь в Архангельск”. Анфилов отвечал: “В лес дрова не возят”. Как сказал, так и сделал – лен сжег.

Анфилатов в 1809 году внес в Слободскую думу известный капитал на открытие в г. Слободском общественного банка. По утверждении устава в 1810 году банк открыл свои действия, и с этого времени в Слободском стала увеличиваться заводская промышленность.

В 1845 году вятский купец Репин отправил в Лондон для продажи поташ. Через год получил счет в красных графах и деньги. Поташ продал по хорошей цене, с большим барышом. Но за показанным в счете расходом (за фрахт из Архангельска, за помещение в Лондоне, за страховку, таможенные пошлины, биржевому маклеру, за вывозку из корабля, артельщикам и разные мелочные расходы) за товар осталось 70 коп. за рубль.

Во время Крымской кампании в 1854 году по Белому морю от англичан была блокада. Товар, заготовленный в зиму 1853/54 годов вятскими купцами в Архангельске для продажи заграничным конторам, остался в Архангельске зимовать.

В зиму 1854/55 годов по Вятской губернии хлебные продукты, семя льняное и лен были очень дешевы. Все вятские купцы, торгующие в Архангельске, не стесняясь в средствах, товары эти покупали и отправляли в Архангельск.

После замирения, еще до открытия навигации, заграничные архангельские конторы купили все зимовавшие в Архангельске товары с повышением в цене и вновь заготовленные в зиму 1854/55 годов.

По приезде хлебных торговцев из Архангельска в Вятку спрашивают: “Как ныне торговали?”. Прозоров отвечает: “Барка барку родила” (т. е. барыша рубль на рубль). Другой говорит: “У англичан без русского хлеба стало на брюхе бурлить”.

В конце шестидесятых годов котельничский купец Кардаков отпустил в Лондон для продажи хлебных и других товаров на большую сумму. Год прошел – товар не продан. Поехал Кардаков в Лондон, предлагал покупателям, – давали очень дешево. Стесненный в денежных средствах, решился продать весь товар по дешевой цене, и за расходом из затраченной суммы получил 40 коп. за рубль, и с того времени прекратил торговлю.

За год до отпуски товаров в Лондон Кардаков внес в Котельничскую городскую думу 10 тысяч рублей для открытия Котельничского городского банка имени Кардакова.

Вятские купцы – мужички-простачки испытали доброту и благородство образованных людей – англичан.

Во второй половине девятнадцатого столетия, после падения торговли к Архангельскому порту, вятские купцы, хлебные торговцы, стали предпринимать другие дела по разным отраслям торговли и промышленности...

Я. А. Прозоров

До пароходства и учреждения путей сообщения с Петербургом вятские купцы вели обширную торговлю с Архангельским портом. Из этих купцов

известны более Машковцевы, Аршауловы, Репины, Рязанцевы, Прозоровы, Синцовы, Изергины, Булычевы, Анфиловы, Косаревы, Платуновы, Гусев и некоторые другие. Все 1-й гильдии, потомственные почетные граждане и некоторые коммерции советники...

По неимению удобных и дешевых путей сообщения с Архангельским портом, а также с постройкою железных дорог, изменивших направление грузов и давших преобладавшее значение гаваням Балтийского моря, вятские коммерсанты начали уезжать из Вятки в столицы и другие города, уехали из Архангельска заграничные конторы. Последним выехал из Вятки в Петербург, назад тому более 20 лет, вятский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин, коммерции советник Я. А. Прозоров.

Я. А. Прозоров оставил по себе в г. Вятке память как щедрый жертвователю на различные благотворительные учреждения. Пред отъездом в Петербург он пожертвовал Вятскому благотворительному обществу на нижней торговой площади целый квартал (со всех четырех сторон) домов и лавок, из них главный дом по Спасской улице, где помещается общественное собрание, в нижнем же этаже семь магазинов, приносят доходу по дешевой вятской цене до десяти тысяч рублей. 2-й большой каменный дом, по Московской улице, он оставил для приюта бедных девочек – детей граждан города Вятки; здесь помещается много лет и отделение Государственного банка. 3-й дом, тоже по Московской улице, каменный, пожертвован Я. А. Прозоровым для городского шестиклассного училища; 4-й дом, по Владимирской улице, – для приюта бедных мальчиков – детей граждан города Вятки, и 5-й дом, где жил сам Прозоров, во 2-й части, на углу Николаевской улицы и Александровской площади, с большим садом, он пожертвовал Вятскому епархиальному женскому училищу. Все эти дома по нынешним ценам стоят более пятисот тысяч рублей.

У Я. А. Прозорова в конторских книгах была особая статья (счет благотворительности), на которую он сносил в кредитную страницу со счета прибылей 10% с рубля каждогодно и накопившийся капитал не считал своею собственностью, а употреблял на дела благотворительности.

При отъезде из Вятки Я. А. Прозоров некоторых молодых приказчиков взял с собою в Петербург, а старикам дал пожизненный пенсион.

Яков Алексеевич Прозоров умер в С.-Петербурге и похоронен в Александровской лавре.

Город Вятка, благодарный щедрому жертвователю, назвал один из приютов "Прозоровским".

Нам кажется, имя Я. А. Прозорова было бы нелишне увековечить в память граждан г. Вятки, назвав "Прозоровскою" одну из городских улиц.

Сборник статей вятского старожила К. И. Клепикова. Вятка, 1899. С. 15-17;

К. И. Клепиков. Воспоминания вятского старожила. Вятка, 1901. С. 3-5.

Из книги О. М. Жирнова *“Вятский городской общественный* *Федора Веретенникова Банк”*

I. Городские банки

Городские банки появились в России в XVIII веке. Первый городской банк был открыт в 1788 году в г. Вологде под именем заемного банка. Ровно через 21 год, т. е. в 1809 году, в г. Слободском Вятской губернии был учрежден купцом Анфилатовым второй городской банк, который в 1909 году отпраздновал столетие своего существования. Надо заметить, что в первое время число городских банков было незначительно, а обороты их крайне ограничены. Все они действовали на основании особых уставов, Высочайше утвержденных.

В 1857 году был издан нормальный устав для городских банков, причем в это время уже функционировал 21 банк с капиталом в полмиллиона рублей. Изданием нормального устава правительство хотело упорядочить банковское дело в России. Само собою понятно, что при тех средствах, которыми располагали городские банки, они не могли оказать большого влияния на торгово-промышленную жизнь провинции.

Через пять лет, а именно 6 февраля 1862 года, издается новый устав городских банков. Этот устав имел огромное значение для городских банков. Прежде всего, значительно был упрощен порядок учреждения банков, затем эти банки должны были состоять при местных городских думах, под наблюдением и ответственностью городского общества. Городские самоуправления таким образом были привлечены к наблюдению за деятельностью банков. Банки стали ближе к городским думах.

II. Учреждение Вятского городского банка

Летом 1848 года прибыл в Вятку мануфактур-советник Петр Федорович Веретенников погостить у старшего своего брата Николая Федоровича Веретенникова. Здесь он сделал довольно крупные пожертвования на уплату податей за вятских мещан и, ознакомившись с местной торговлей и промышленностью, пришел к мысли о необходимости учреждения общественного банка, так как банк является могучим средством для развития торговли и промышленности. Уехав в Москву, Петр Федорович 16 октября 1848 года послал на имя городского головы г. Вятки Ивана Егоровича Моралева следующее письмо:

“Милостивый Государь Иван Егорович!

По чувству привязанности к месту рождения и по всегдашнему уважению к прежним моим согражданам, желал бы я способствовать к устрой-

ству в городе Вятке учреждения, которое могло принести общую пользу развитием торговли, следовательно, и благосостояния жителей и тем способствовать к украшению и распространению города. Одушевленный такими чувствованиями, считаю я полезнейшим учреждение Городского банка, по примеру Анфилатовского и других открытых в последние годы в разных городах Империи. На сей предмет предназначаю я из собственного капитала серебром десять тысяч рублей с изъявлением желания, чтобы предлагаемому учреждению присвоено было, в память покойного родителя моего, следующее наименование: Вятский Городской банк Федора Веретенникова. При том мне желательно, чтобы старший брат мой, Николай Федорович, по утверждению Правительством устава банка, избран был непременно директором, если он не откажется от того по каким-либо причинам.

Если Вятское Градское общество примет усердное предположение мое, то от него уже будет зависеть испросить разрешение начальства, как на утверждение, так и на избрание из купечества членов комитета для сочинения проекта устава управления банком, соответственного потребностям жителей торгового и других сословий; в этом труде и я не откажусь принять посильное участие, поколику то окажется удобным по отдаленности постоянного моего жительства. Представление проекта на рассмотрение и одобрение господина начальника губернии и ходатайство об утверждении оною Правительством будет уже зависеть от Градского общества. Обращаюсь к Вам, Милостивый Государь, как к градскому голове, покорнейше прошу объявить о предположении моем в собрании Вятского градского общества, и, буде оно примется на изъясненном основании, почтить меня уведомлением. Капитал, мною предназначенный, по получении известия, перешлю я через почту в Градскую Думу, или куда будет назначено”.

Получив письмо от П. Ф. Веретенникова, градской голова И. Е. Моралев 1 ноября 1848 года созвал общее собрание почетных граждан, купцов и мещан, на котором и доложил о предложении г. Веретенникова. Выслушав сообщение градского головы, общее собрание граждан г. Вятки сделало следующее постановление: за пожертвование из собственного капитала десяти тысяч рублей серебром на учреждение банка в г. Вятке, изъять члену мануфактурного совета Московского отделения мануфактур-советнику и кавалеру Петру Федоровичу Веретенникову от лица всего общества все совершенную и глубочайшую благодарность через господина градского голову.

О таковом примерном патриотическом подвиге господина Веретенникова довести до сведения Его Превосходительства господина начальника губернии Акима Ивановича Середы.

Затем градское общество, в полной мере соглашаясь на учреждение в г. Вятке городского банка на тех главных началах и предположениях, какие изъяснены в письме учредителя к господину градскому голове от 16 октября сего года, вместе с тем покорнейше просит Петра Федоровича принять на себя звание неперменного почетного директора банка, предоставляя ему

право участвовать в делах банка по усмотрению его, когда и в чем он заблагорассудит, о чем общество и будет просить правительство. Для составления проекта положения о Вятском городском банке Федора Веретенникова, согласно предположению г. Веретенникова, составить комитет под председательством градского головы, в члены комитета избрать почетных граждан и купцов: Николая Федоровича Веретенникова, Николая Ивановича Машковцева, Петра Васильевича Рязанцева, Степана Ивановича Репина, Николая Васильевича Рязанцева, Андрея Афанасьевича Караваяева и Трофима Кузьмича Эсаулова, которым и надлежит немедленно заняться составлением положения, применяясь к таковым в Анфилатовском и Жуковском общественных банках, утвержденных правительством, с изменением того только, в потребном случае, что по местным обстоятельствам нашего города признано будет полезным; каковой проект, по составлении комитетом, препроводить от имени градского головы на предварительное рассмотрение учредителя банка Петра Федоровича Веретенникова, и просить его, по надлежащем исправлении проекта, возвратить оный для предложения на окончательное рассмотрение городскому обществу, которое и будет ходатайствовать перед правительством об утверждении проекта.

Через четыре дня, т. е. 5 ноября 1848 года, градской голова созывает членов комитета и объявляет, что приговор общества был представлен начальнику губернии, который и разрешил учреждение комитета для выработки проекта положения о городском банке.

Постановления комитета градским головой были сообщены г. Веретенникову письмом от 9 ноября 1848 года. Но 16 ноября того же года Петр Федорович скончался, и письмо градского головы уже не застало его в живых и было вскрыто его женою М. К. Веретенниковой, о чем последняя сообщила письмом от 27 ноября.

Прошло целых пять лет со дня представления проекта положения о банке для утверждения его высшим правительством, но об утверждении его ничего не было известно.

Губернатор А. И. Середя, принимавший деятельное участие в учреждении банка, оставил службу в Вятской губернии и уехал в Оренбург. С отъездом его Вятское городское общество лишилось той серьезной поддержки, какую всегда оказывал ему А. И. Середя.

Горожане стали волноваться, так как необходимость банка сознавалась всеми промышленниками и торговцами. Наконец 1 марта градской голова созвал думу, которой и доложил о положении дела по учреждении банка.

Дума постановила: "Имея в виду, что учреждение в г. Вятке банка есть цель дать пособие жителям к развитию торговли, в чем город нуждается, особенно в настоящее время, чем когда-либо по упадку торговли, и что учреждение тем более полезно, что оно для небогатого жителя даст средства не только для существования, но возбудит его к предприятиям и промыслам, или менее для него доступным, или же ему свойственным, но в настоящее время по неимению денежных средств недоступным, городская дума

полагает представить Его Превосходительству г. Вятскому Гражданскому Губернатору и почтительнейше просить, для блага города, принять на себя труд ходатайствовать у Высшего Правительства об открытии в г. Вятке, на пожертвованный г. Веретенниковым капитал, банка, учреждение которого сколько будет благотворительно, а не менее того и полезно для здешнего города”.

На это постановление думы получен ответ лишь 29 апреля 1857 года.

В своем ответе канцелярия гражданского губернатора сообщает, что “ходатайство думы представлено в Министерство Внутренних Дел 16 февраля 1852 года, но распоряжение на учреждение банка не получено, и в каком положении находится это дело в Министерстве — неизвестно, за исключением лишь того, что по случаю возбужденного Государственным Советом предположения об издании нормальных правил для городских общественных банков, с тем, чтобы уже на будущее время допускать учреждение их не иначе, как на основании этих правил”.

В августе месяце того же года городская управа получила свой проект обратно и предложение об исправлении проекта положения, выработанного комитетом, применительно к новому нормальному положению, которое удостоилось Высочайшего утверждения. Таким образом, ровно через шесть лет Положение о Вятском городском банке было возвращено в думу для исправлений. Но в этот промежуток времени, не дождав утверждения выработанного ими положения о банке, четыре члена комитета умерли, и губернатор предложил пополнить состав комитета. 8 января 1858 года городская дума пополнила состав комитета, избрав в члены его почетных граждан: Аркадия Ивановича Машковцева, Ивана Афанасьевича Короваева и купца Ивана Николаевича Веретенникова.

Пополненный комитет тотчас же принялся за исправление Положения 1851 года и согласование его с нормальными правилами о городских банках, и 8 мая 1858 года представил губернатору новый проект положения о Вятском банке.

16 июля 1862 года городская дума получила от губернского присутствия указ, в котором сообщается следующее:

“Управляющий Министерством Финансов уведомил начальника губернии, что г. Министр Внутренних Дел препроводил к нему поступивший во вверенное ему министерство проект устава общественного банка в г. Вятке, причем уведомил его, что не находит препятствий к разрешению открытия сего банка на следующих основаниях:

1. Основной капитал банка составляет из 10000 рублей, пожертвованных на этот предмет мануфактур-советником Петром Федоровичем Веретенниковым.

2. Банку присваивается название общественного Федора Веретенникова банка в г. Вятке.

3. Банку предоставляется право производить следующие операции: 1) прием вкладов, учет векселей и 2) выдача ссуд под залог: а) товаров,

б) драгоценных и других неподверженных порче вещей и в) недвижимых имуществ.

4. В производстве означенных операций банк руководствуется, как и во всех действиях своих, Высочайше утвержденным 6 февраля 1862 года положением о городских общественных банках.

5. Из чистых годовых прибылей от оборотов, за отчислением суммы, потребной на составление резервного капитала банка и за удовлетворением необходимых по содержанию его расходов, все же остальное причисляется к основному капиталу банка до тех пор, пока капитал этот не возрастет до 20000 рублей; после же того часть прибылей может быть употребляема на предметы благотворительности на основаниях, изложенных в 123 ст. упомянутого выше положения и примечания к ней”.

1 ноября в Кафедральном соборе была совершена литургия, а затем в городских присутственных местах – молебствие. Этим и ограничилось торжество открытия банка. Таким образом, днем открытия банка считается 1 ноября 1862 года. В действительности же банк приступил к операциям значительно позднее. Дело в том, что по настоянию министра внутренних дел пожертвованные г. Веретенниковым 10 тыс. рублей были сданы на хранение в приказ общественного призрения. Как только городскому обществу было разрешено открыть банк, городская управа тотчас же обратилась в приказ общественного призрения с просьбой о выдаче капитала, но последний не ответил даже управе. 24 октября управа вторично обратилась к приказу с той же просьбой, но последний выдачу капитала почему-то опять задержал.

С открытием банка создалось довольно странное положение: открыт банк, но средств у него нет, так как последние находятся в приказе общественного призрения. Только после настоятельных требований приказ 9 ноября выдал банку капитал г. Веретенникова, который с наросшими процентами выразился в сумме 14654 руб. 13 коп.

Получив деньги, банк уже фактически мог открыть свои действия. Таким образом, фактическое открытие банка состоялось 9 ноября.

Заключение

Вятский городской общественный банк является первым банком в г. Вятке. До него не было банков. Вятское отделение государственного банка открыло свои операции в 1865 году, т. е. спустя три года, а с 1866 года при отделении была открыта сберегательная касса.

Частные банки открыты значительно позднее. Так, в 1873 году было открыто отделение Волжско-Камского банка и банка общества взаимного кредита. Что же касается отделений – Сибирского торгового банка, отделения Русского для внешней торговли банка, то они были открыты в самое последнее время. Таким образом, Вятский городской банк является самым древним банком в г. Вятке.

Краткие биографические сведения об учредителе банка и директорах его

Петр Федорович Веретенников

Петр Федорович Веретенников родился в г. Вятке в 1801 году. Родители его были купцы, которые вели значительную торговлю с Москвой. После смерти отца Петр Федорович переселился в Москву, оставив здесь в Вятке своего старшего брата. Живя в Москве, он не забывал и Вятку, где жил его старший брат Николай Федорович Веретенников. Приезжая в Вятку к брату, он всегда делал какие-либо пожертвования в пользу граждан.

Покойный, будучи прекрасно знаком с торговым делом, первый из московских купцов стал писать и печатать статьи о русской торговле. Написал Петр Федорович также ряд биографий выдающихся московских коммерческих деятелей.

Литературная деятельность его продолжалась в течение 10 лет, и его статьи, заметки и биографии, несомненно, представляют огромный интерес для историка торговли.

Петру Федоровичу не удалось осуществить свое желание – учредить городской банк в городе Вятке, так как 16 ноября 1849 года он скончался. Неумолимая смерть подкосила его и подкосила тогда, когда он был особенно дорог для вятских граждан.

Наследники его свято выполнили желание Петра Федоровича – учредить в Вятке городской банк, переведя в распоряжение городского общества 10000 рублей, обещанных городу на учреждение банка.

Похороны П. Ф. происходили 19 ноября 1849 года, причем отдать последний долг покойному явились почти все известные московские фабриканты и купцы, высоко ценившие при жизни покойного. Петр Федорович был похоронен в Даниловском монастыре. Смерть Петра Федоровича была тяжелой утратой для московского купечества, лишившегося образованнейшего своего члена, тяжела была утрата и для бедных сирот г. Москвы, которым он всегда помогал. Тяжела была утрата и для вятского общества, лишившегося своего образованнейшего согражданина, особенно для бедных граждан г. Вятки, которые в лице Петра Федоровича лишились отзывчивого и доброго человека, который всегда приходил на помощь городской бедноте, выделяя во всякий свой приезд значительные материальные средства на нужды ее.

Память о нем будет сохранена среди вятских граждан, пока существует его детище – городской общественный банк.

Илья Николаевич Веретенников

Илья Николаевич Веретенников был первым директором банка, а потому на его долю выпала нелегкая задача – организация дела в общественном банке. Надо отдать справедливость, что им организовано было дело и поставлено на надлежащую дорогу.

Илья Николаевич приходится племянником учредителю банка, что и послужило основанием к выбору его в качестве директора банка, так как Петр Федорович Веретенников, жертвуя капитал, между прочим ставил

одно условие, чтобы непременно директором банка был старший брат его, Николай Федорович, отец Ильи Николаевича. Но когда явилась возможность открыть банк, Николая Федоровича уже не было в живых, и городская дума в директоры банка избрала его сына.

Илья Николаевич получил образование в уездном училище. Долгое время служил заседателем в палате, откуда и перешел на службу в банк, где прослужил четыре года. Городские банки в то время были довольно редки, опытных людей в банковском деле было совсем мало, а потому нелегко было организовать и поставить дело на надлежащий путь. Дело было организовано, и последующим банковским деятелям оставалось лишь одно — продолжать его. Служа в банке, Илья Николаевич продолжал вести свое торговое дело, доставшееся ему после смерти отца. Вел он торговлю с Москвой и был поставщиком казны.

Занимаясь торговлею, он не устранился и от общественной деятельности, исполняя обязанности гласного городской думы. Главная же заслуга его перед местным обществом заключается, конечно, в том, что хорошая постановка дела в городском общественном банке всецело обязана ему.

Илья Николаевич скончался в Вятке в 1877 году, не оставив после себя никакого потомства.

Ефим Александрович Коробов

Ефим Александрович Коробов происходил из купеческого рода. Родился он 13 января 1811 года. Образование получил в Вятском уездном училище.

В 1862 году Ефим Александрович избирается городским обществом в товарищи директора в только что открывшийся банк, и до самой смерти он продолжал службу в банке: первые четыре года в качестве товарища директора банка, а затем директором банка. Начиная с 1862 года, принимает деятельное участие в общественной жизни города Вятки: он избирается гласным городской думы, членом попечительного совета дома призрения бедных граждан г. Вятки, членом попечительного совета Мариинской женской гимназии, членом Вятского благотворительного общества и других общественных учреждений. Главная деятельность его была сосредоточена в городском банке, где он отдавал свои силы, труд и знания, заботясь о процветании его. И действительно, на долю первых деятелей банка выпала тяжелая задача — поставить молодое учреждение на прочный фундамент, и, надо отдать справедливость, банк в этом отношении многим обязан Ефиму Александровичу. Хотя положение о банках предоставляло правлению его широкую самостоятельность, но Вятский городской банк операции свои вел крайне осторожно, постепенно расширяя свою деятельность, чем, конечно, всецело обязан своему директору.

Ефим Александрович скончался 17 февраля 1877 года.

Федор Михайлович Клячин

Федор Михайлович Клячин был 3-м директором банка; он происходил из купеческой среды. Родился 19 января 1809 года, образование получил домашнее, каковое было пополнено путем самообразования. Скоро ему пришлось заняться обычным делом купцов — торговлей. Ведя торговлю, он в то же время был не чужд общественной деятельности. Так он был несколько раз избираем градским головой, а когда открылись здесь земские учреждения, был избран председателем Вятской уездной земской управы. На него, как первого председателя уездной управы, выпала нелегкая задача — организовать земское дело в уезде и он с честью вышел из этого затруднения, поставив Вятское уездное земство на надлежащий путь. Здесь сказался его организаторский талант и умение подыскать себе необходимых помощников. Но в земстве он пробыл недолго — одно трехлетие. Общественная деятельность его не ограничилась только этим. Нет, он видную роль играл в городской думе. Здесь Федор Михайлович по выборам служил три трехлетия градским головой и, будучи простым гласным, почти всегда избирался председателем думы.

1 февраля 1877 года Федор Михайлович был избран директором банка, в каковой должности прослужил до 5 мая 1881 года.

Но в 1881 году он вынужден был отказаться от службы в банке, из-за болезни глаз, которая окончилась потерей зрения. Потеряв зрение, он вынужден был отказаться от всякой общественной деятельности.

Устранившись от общественных дел, он все-таки, будучи больным, продолжал интересоваться общественными делами. Федор Михайлович скончался 12 июня 1891 года.

Илья Никодимович Желудков

Илья Никодимович Желудков был четвертым директором банка, вступив в него в качестве товарища директора 21 сентября 1875 г. Через шесть лет он занял место директора банка, в каковой должности Илья Никодимович оставался до самой смерти.

Илья Никодимович состоял на службе банка ровно 32 года, из коих 6 лет товарищем директора и 26 лет директором банка.

Он происходил из купеческой семьи. Родился 13 июня 1830 г. Образование получил в Вятской гимназии, но по домашним обстоятельствам должен был выйти из нее до окончания курса. Оставив гимназию, он занялся торговлей, причем не чужд был и общественной деятельности. С введением городского положения Илья Никодимович избирался гласным думы, но в делах городского самоуправления не мог принимать участия, так как с выбором его в банк он должен был слагать с себя обязанности гласного. Таким образом, все 32 года им отданы исключительно на служение общественному банку. Вся жизнь и деятельность его сосредоточились на интересах банка. Вне банка его ничто не занимало, за исключением небольшой

лавочки, в которой велась им торговля и в которой он проводил время, свободное от занятий в банке.

29 января 1907 года Илья Никодимович скончался.

Николай Арсеньевич Пестов

Николай Арсеньевич Пестов родился 7 мая 1857 года в небогатой купеческой семье. Образование получил в Вятском уездном училище. Уже с 13 лет он стал вести самостоятельную трудовую жизнь, поступив на службу к частному лицу. Целых 11 лет Николай Арсеньевич проходил обычную школу для приказчиков, продолжая службу у частных лиц. Но в 1880 году он решил открыть свое небольшое кожевенное дело, которое ведет и по сие время.

Сделавшись самостоятельным торговцем, Николай Арсеньевич выступает в качестве общественного деятеля, будучи избран гласным городской думы.

Вскоре его избирают товарищем директора банка общества взаимного кредита, в каковой должности состоял в течение 6 лет. В 1897 году Николай Арсеньевич избирается в члены учетного комитета при Вятском городском Федора Веретенникова банке. В должности члена учетного комитета Николай Арсеньевич состоял 8 лет. В 1907 году городская дума избирает его на должность директора городского общественного банка, в каковой состоит и по настоящее время.

При Николае Арсеньевиче деятельность городского банка оживилась и операции его расширились.

Николай Арсеньевич состоит гласным Вятского уездного земства.

Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк. Обзор деятельности банка за 50 лет. (1862 – 1911 гг.). Составил О. М. Жирнов. Вятка, 1913. 235 с.

Ведомость о числе купцов Вятской губернии. 1870 г.

Названия городов	Число		Итого
	1-й гильдии	2-й гильдии	
По городу Вятке	7	71	78
Глазову	—	40	40
Елабуге	12	44	56
Котельничу	2	23	25
Малмыжу	3	25	28
Нолинску	—	54	54
Орлову	2	43	45
Сарапулу	4	71	75
Слободскому	4	93	97
Уржуму	—	36	36
Яранску	—	38	38
Царевосанчурску	2	37	39
А всего	36	575	611

Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Отд. III. Справочные сведения. Вятка, 1870. С. 57.

*Письмо вятского губернатора А. Н. Волкова
елабужскому купцу 1-й гильдии Д. И. Стахееву
с сообщением о присвоении звания
почетный гражданин г. Елабуги¹*

23 июля 1884 г.

Милостивый Государь
Дмитрий Иванович

Государь Император по всеподданнейшему докладу г. управляющего министерством внутренних дел 5 сего июля Высочайше соизволил на присвоение Вам, согласно с ходатайством местного городского общества, звания почетного гражданина г. Елабуги.

Считаю приятным долгом поздравить Вас, Милостивый Государь, с этою монаршею милостию и прошу принять уверение в совершенном моем почтении.

[губернатор Волков]

ГАКО. Ф. 582. Оп. 32. Д. 39. Л. 4об. Отпуск.

¹Д. И. Стахеев с 1879 г. служил в Елабуге городским головой. Сделал много полезного в деле городского благоустройства. 27 июля 1884 г. Стахеев отправил на имя губернатора ответное письмо: "Ваше Превосходительство Аполлон Николаевич. На письмо Ваше от 23 с/м приношу Вам мою благодарность и извинение за то беспокойство, которое наносит Вам здешнее общество..." (Там же. Л. 6).

Яранские купцы Носовы

2 июля скончался в Яранске, 70 лет от роду, купец Иван Иванович Носов. Умерший — личность для Яранска замечательная, следует о нем сказать доброе слово.

Дед его происходил из крепостных крестьян Владимирской губернии. Первое время он состоял разносчиком, по деревням вел торговлю мелким товаром, скопил деньжонок и откупился у помещика. Потом приехал в Яранск и занялся торговлею красным товаром в более обширных размерах. Сыновья его — Дмитрий, Павел и Евфимий* — ездили с товарами по ярмаркам всего Яранского уезда. В торговле им посчастливилось, скоро они за торговали очень хорошо и завели магазины с красными товарами в Яранске, Вятке, Царевосанчурске, Устюге, Цареve и других городах.

Назад тому лет 30 — 40 Носовы были крупными торговцами и ворочали основательными капиталами. Со смертью Ивана Дмитриевича в 1881 году торговые дела пошатнулись и пошли постепенно к упадку. Скоро состоялось банкротство. Дорогостоящие дома ушли за бесценок. В настоящее время в носовских домах помещаются земская управа, уездный съезд и земское училище. Года два назад продан и последний каменный дом Носовых. В нем помещается теперь магазин Петелина и на днях переведется уездное казначейство.

Итак, вот из какого семейства происходил И. И. Носов. Большую часть жизни ему пришлось провести при богатстве; впрочем, и при постепенном исчезновении богатства, и при всех невзгодах он не роптал на Бога и терпеливо переносил несчастья.

Покойный был глубоко религиозным человеком, сам умел петь по церковному, первым устроил и на свои средства поддерживал хор певчих при Троицкой церкви, куда он состоял приходом. Брат его Федор Иванович, долгое время состоял церковным старостою при Троицкой церкви, на общий наследственный капитал устроил колокольню при Троицкой церкви и вообще заботился о благоуукрашении храма.

Два раза Иван Иванович служил градским головой, был хорошим начальником города. Бедные и нуждающиеся и теперь вспоминают его доброту, простоту и доступность. Мир твоему праху, добрый труженик!

Вятские губернские ведомости. Приложение. 1902. № 88. 25 июля.

П. А. Буришкин¹ о купцах Ушковых

Семья Ушковых появилась в московском купечестве сравнительно недавно, всего с 1850 года. Происходят они из крестьян помещика Демидова.

* Одного из сыновей деда И. И. Носова, судя по тексту, звали Иван.

Ушковых было два брата: Петр и Константин Капитоновичи. Им принадлежало крупное предприятие химического производства с тремя заводами². Петр Капитонович умер давно. Его дочь, Лидия Петровна, была замужем за Николаем Константиновичем Прохоровым³.

Константин Капитонович умер после революции. Первым браком он был женат на Кузнецовой, из фирмы Губкина-Кузнецова – одного из самых крупных предприятий чайной торговли. Он был очень богат, интересовался театром и вообще искусством, и считался большим меценатом.

О меценатстве К. К. Ушкова говорит в своих воспоминаниях Немирович-Данченко:

“Среди директоров фирмы, – пишет он, – был богатый купец Ушков. В кабинете – подлинный Рембрандт, в зале пол обложен перламутровой инкрустацией... Сам Ушков являл из себя великолепное соединение простодушия, хитрости и тщеславия... У меня был с ним эпизод: на своей крошечной сцене я давно отказался от декораций и заменил их так называемыми сукнами. Сукна эти очень потрещались, я несколько раз обращался к администрации школы, но мне отказывали, за неимением средств. Однажды я поймал удобную психологическую минуту и говорю Ушкову: “Ну что вам стоит пожертвовать какие-нибудь пятьсот рублей. Вот великая княгиня зачастила ходить к нам, а на сцене какое-то тряпье...” – “Хорошо, – говорит Ушков, – пятьсот, говоришь (в вескую минуту он любил с собеседником переходить на ты). – Я тебе эти пятьсот дам, но смотри, скажи обязательно великой княгине, что это я пожертвовал...” – Вот он-то и записался первым пайщиком в размере четырех тысяч рублей. Впоследствии он не раз просил подчеркивать, что он был первым...”⁴

Дочь К. К. была женой знаменитого дирижера С. А. Кусевицкого. Последний начал свою музыкальную карьеру в Москве как виртуоз на контрабасе. Нужно сказать, что играл он на этом малоподходящем для сольных выступлений инструменте с необычайным искусством; лишь впоследствии он перешел к своему подлинному призванию – дирижерской палочке. Когда он устроил ряд концертов в помещении театра Незлобина, это явилось для Москвы откровением. Несомненно, брак с Ушковой помог ему преодолеть препятствия, обычные при начале всякой карьеры.

Бурышкин П. А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С. 190-191.

¹Бурышкин Павел Афанасьевич (1887 – 1955) – из известной московской купеческой семьи, окончил юридический факультет Московского университета, был директором Товарищества мануфактурных товаров А. В. Бурышкина, служил в Биржевом комитете, избирался гласным Московской городской думы, после революции – у Деникина, затем – Колчака, с 1920 г. – в эмиграции, в 1954 г. в Нью-Йорке вышла его книга “Москва купеческая”, в начале в 1990-х гг. издана в России. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа (Париж).

²Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К^о включало два завода в Вятской губернии (основаны в 1850 и 1868 гг.) по производству купороса и квасцов и вспомогательные производства в Казанской, Уфимской и Пермской губерниях.

Ушковы владели домом № 20 по Пречистенке, ранее принадлежавшим герою Отечественной войны 1812 г. генералу А. П. Ермолову. Дом был перестроен Ушковыми в начале XX в. В 20-х годах в нем помещалась балетная студия Айседоры Дункан. Здесь же она жила со своим мужем С. Есениным (коммент. Г. Н. Ульяновой, М. К. Шацкило).

³Прохоров Николай Константинович – представитель крупной предпринимательской династии, возглавлял товарищество Норской мануфактуры, включавшее бумагопрядильные предприятия в Ярославской губернии.

⁴Речь идет об открытии МХАТа.

Из мемуаров А. А. Прохорова¹ “Город Вятка и его обитатели” – о купце С. О. Якубовском

1920-е гг.*

Говоря об общественных деятелях, нельзя не вспомнить Станислава Осиповича Якубовского. Он был из ссыльных поляков. С 70-х годов он все время безвыездно проживал в г. Вятке.

Он организовал булочную, затем кондитерскую. Булки и куличи его мастерской предпочитались всем другим пекарням. Куличи его выписывали даже в Вологду и Пермь. Позднее он открыл шоколадную мастерскую, для чего выстроил специальный дом в конце Владимирской, ныне Карла Маркса улицы.

Был человек добрый, незлобивый, оказывал материальную поддержку бедноте, в особенности же ссыльным. Он был некрасив собой, но симпатичен. Был женат на горничной Анне Лукьяновне, в молодости красивой женщине, а затем сильно расплывшейся.

Благодаря умению вести дело, он лично работал в кондитерской. Он нажил капитал, приобрел несколько каменных домов, был уважаем в обществе, был гласным городской думы и избираем в другие должности.

Супруга его вполне соответствовала ему как по характеру, так и по отношению к людям и по хозяйству. Жили они в семейном отношении счастливо, детей не имели. Он умер до наступления революции, а она во время революции, будучи лишена путем реквизиции всего имущества, умерла в бедности.

В последние годы их жизни в торговом отношении им помогал родственник его Спиридон Алексеевич Ситников, каковой, помимо управления кондитерской, посовествовал Якубовскому открыть музыкальный магазин, в коем продавались и давались на прокат рояли и пианино.

* Датируется по времени написания мемуаров.

Помимо сего, Ситников принял на себя агентуру по выписке разных гастролеров из столиц, певцов, музыкантов, артистов и артисток. Благодаря его содействию, Вятка видела и слышала разных знаменитостей, явившихся исполнителями как в городском театре, так и общественном собрании.

Был он человеком средней молодости и образования, но вращаясь в кругу артистов, выработал из себя светского молодого человека, которого влекла к себе каждая знаменитость или выдающаяся личность, и когда во время революции в Вятке оказались два князя из дома Романовых, он счел своим долгом и им оказывать свое протекже, что послужило для него роковым исходом. Он был заподозрен в политической неблагонадежности, в чем таковая выражалась мне неизвестно, но он должен был поплатиться жизнью.

Подобную же с ним участь разделил и женатый на племяннице Якубовской – Владимир Григорьевич Берман, основатель Вятской аптеки, молодой человек, вполне скромный, тихий, но будучи связан родственными отношениями с Ситниковым, был одновременно с ним заподозрен, что и погубило его. Имущество его было реквизировано, вдова умерла в бедности, а дети остались сиротами без средств.

ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 420. Л. 52 – 53. Подлинник.

'Прозоров Александр Александрович (1854 – 1927) – уроженец г. Слободского, окончил курс юридических наук в Казанском университете, гласный Вятской городской думы, земский деятель, театральный, племянник купца Я. А. Прозорова.

Уржумское купечество в воспоминаниях старожилов

“А вы еще что-нибудь не забыли?” – табличка с таким вот текстом в годы нэпа висела в бывшем магазине купца И. С. Кардакова в Вятке. В то время юная Наталия Спасская, ныне Н. Б. Пентина – знаток вятской старины из Петербурга, бывала в этом магазине, о чем и рассказала нам летом 1993 года в г. Уржуме.

В этом южном вятском городе во время сбора материалов по устной истории нам посчастливилось встретиться со многими интересными людьми¹. Почти все они имели солидный возраст. Самому “старшему” старожилу – Александру Васильевичу Кострову – исполнилось к тому времени 96 лет. Этот человек по женской линии был связан с родом Васнецовых и являлся двоюродным братом художника Н. И. Кострова (г. С.-Петербург)². Почему же звали и почему был? К сожалению, некоторые наши собеседники уже умерли. Нет с нами и Кострова.

О чем же вспоминали уржумские старожилы? А вспоминали они о местных купцах, помещиках, крестьянах, об их быте и нравах. Старожилы рас-

сказывали о том, как жили в былые времена, как узнали о Советской власти, что происходило в Уржуме в годы гражданской войны, в годы коллективизации. Одними из самых интересных воспоминаний были рассказы о жизни уржумского купечества.

Первой нашей собеседницей стала Наталия Михайловна Ратова, родившаяся в далеком 1902 г. Ее отец вместе с семьей какое-то время жил в доме уржумского купца 2-й гильдии Ивана Панфиловича Сметанина и был у него “за своего”. Он ездил в Казань и Нижний Новгород продавать мыло, выработанное на заводе этого купца. Наталия Михайловна вспомнила названия двух видов сметанинского мыла. Это желтое хозяйственное и белое черемуховое мыло, которое продавалось и в г. Уржуме, где у Ивана Панфиловича была деревянная лавка, находившаяся недалеко от городского сада.

По словам Н. М. Ратовой, купец Сметанин имел небольшую семью. Он дважды женился, был у него сын Миней. Наша собеседница помогала купцам по дому и запомнила, что в их семье по вечерам любили играть в карты, а книг в доме не было. Иван Панфилович “почти ничего не читал”. Запомнилось также, что во время еды Ратовы сидели за столом вместе с хозяином.

После революции мыловаренный завод у Сметаниных реквизируют. Иван Панфилович, как выразилась старожилка, “рехнулся рассудком” и умер. Что же стало с другими купцами? “Некоторые купцы с приходом новой власти богатство свое попрятали, а сами в Екатеринбург уехали”, — ответила Наталия Михайловна.

Об уржумских купцах она также говорила: “У купца Коршунова были соляные лавки, купец Шамов торговал продуктами, у Коробковой пекарня была, купец Вихарев валенки катал, Грязев имел маленькие лавочки, был перекупщиком”.

Старожилка Анна Степановна Сазанова, родившаяся в 1905 году, вспомнила купца Горбунова. Он продавал золотые и серебряные изделия, которые очень нравились уржумским девушкам. Купца Сергея Ивановича Стародубцева она видела, когда тот вместе с женой приезжал в церковь на пони. Этот купец делал много пожертвований, например, на строительство Острожной церкви. До революции в Уржуме была богадельня. По словам Сазановой, каждое воскресенье купцы посылали туда от себя милостыню.

Мария Федоровна Шастина (род. в 1924 г.) рассказывает об уржумских купцах слышала от родителей. Они были на службе у купца Григория Никандровича Бушкова — крупного лесопромышленника. Отец возил купца, а мать устроилась горничной. По рассказам родителей, Бушков был добрым человеком — “мебель даже семье подарил”, а вот жена у него оказалась “вредная”. Революция заставила Бушкова покинуть Уржум. Он сбежал оттуда, оставив свою супругу. Звал с собой отца Марии Федоровны, но тот не поехал.

Родители М. Ф. Шастиной не раз вспоминали и купца Стародубцева. По их сведениям, этот купец пожертвовал 40 тысяч рублей на строительство

Троицкого собора в г. Уржуме. А на праздники Стародубцев ставил стол во дворе своего дома, выкатывал бочку вина и каждый, кто проходил мимо, мог поесть, попить – “угощал всех”.

Стародубцев имел большие капиталы. В народе говорили, что он фальшивомонетчик и что дом этого купца подземным ходом связан с Троицким собором, а оттуда имелся выход за реку. Народная молва гласила также, что машину для штамповки медных денег видели у купчихи-булочницы Коробковой. Эту машину якобы обнаружил ученик пекаря. Обнаружил и сбежал. Мария Федоровна описала внешний вид Коробковой, или Коробчихи, как ее еще называли в Уржуме. Она была невысокого роста, средней полноты, ходила в сером макинтоше.

Мать М. Ф. Шастиной говорила: “Если не было денег, уржумцы шли в купеческие лавки и просили денег в долг. Деньги им давали, записав фамилии должников”. Некоторые купцы дарили бедным лоскутки материи. Из них последние шили рубашки.

Интересные сведения об уржумских купцах мы слышали из уст упомянутой выше Наталии Борисовны Пентиной (род. в 1913 г.). Ее дед служил у купца-старообрядца Саввы Дмитриевича Шамова. По словам нашей собеседницы, купцы Шамовы жили роскошно. У них был большой особняк, выстроенный в стиле старинных московских домов. В доме имелась большая библиотека. Сын Саввы Дмитриевича Матвей был очень способным, образованным человеком, знал английский язык. До революции он путешествовал, был в Египте. В годы Советской власти семья Шамоновых бедствовала. Матвей долго не мог устроиться на работу. Умер он в Уфе где-то в 30-е годы.

Разными, каждый со своим характером, своими привычками, остались в памяти уржумцев местные купцы. Возможно, в рассказах наших собеседников найдутся какие-то неточности, быть может, и ошибки. И все-таки эти воспоминания важны, важны как еще один источник о нашем прошлом.

¹О результатах поездки рассказывалось на краеведческом четверге 19 мая 1994 г. в Государственном архиве Кировской области. Статья написана в июне 1994 г.

²Статья о жизни А. В. Кострова опубликована в “Вятском епархиальном вестнике” (1994, № 5).

М. С. Судовиков

Библиография

Из истории торговли и купечества Вятской губернии

Библиографический список

Вештомов А. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 до 1781 года через 600 лет. – Казань, 1908. – 219 с.

С. 99 – 100, 137 – 138, 147 – 171, 201, 202, 206: о торговле, купцах.

Военно-статистическое обозрение Российской империи /Изд. по высоч. повелению при 1-м отделении Департамента Ген. Штаба. – Т. 2. Ч. 4. Вятская губерния. – СПб., 1850. – 109 с.

С. 84 – 94: торговля, таблица народонаселения Вят. губ. с означением жителей по званиям – купцы 1, 2, 3 гильдии.

Вятская земля в прошлом и настоящем: /к 500-летию вхождения в состав Российского государства/: Тезисы докладов и сообщений к научн. конференции /23-25 мая 1989 г. – Киров, 1989. – 296 с. – /Киров. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина/.

Из содерж.: ОБУХОВА Г. Торгово-предпринимательская деятельность купечества и крестьянства Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам частно-правовых актов Глазов. нижнего зем. суда). БОГОРОДИЦКАЯ Н. Торговые связи Вятской губернии с Нижегородской ярмаркой в конце XIX – начале XX века. НОВОЖИЛОВ Е. Вятская губерния в системе хлебного рынка России к 1917 году. ГОЛИЦЫН Ю. Дворянское винокурение Вятской губернии во второй половине XVIII в. Гомаюнов С. Динамика вотчинной промышленности Вятской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века. ВВЕДЕНСКИЙ Р. К характеристике социально-экономического развития Вятской губернии в первой половине XIX века.

Голубев П. Историко-статистический сборник сведений по вопросам экономического развития Вятского края. – Вятка, 1896. – 144 с.

С. 32, 26 – 28, 31 – 36: торговля.

Емельянов В. Родиноведение: География Вятской губернии с иллюстрациями и картой. Изд. 1-е. – Вятка, 1917. – 154 с.: ил.

С. 71 – 74, 100, 107 – 108, 112 – 113, 115, 120, 123, 126 – 127, 128 – 129, 130, 131 – 132, 136, 139, 141, 143, 144, 149 – 150: торговля, ярмарки в г. Вятке и уездах.

История и культура Волго-Вятского края: /К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии/: Тезисы докладов и сообщений к межрегиональной научной конференции. Киров, 18 – 20 окт. 1994 года. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1994. – 569 с.

Из содерж.: СУДОВИКОВ М. Численность, происхождение и деятельность вятского купечества в конце XVIII века. НИКУЛИНА Н. К вопросу развития предпринимательства в спичечном производстве Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX века.

Комиссаренко А. К вопросу об экономических взаимоотношениях города и деревни в эпоху позднего феодализма (по материалам торгово-промышл. деятельности населения Вятского края в 30-е годы XVIII века) // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблемы взаимодействия. – Свердловск, 1986. – С. 40 – 52.

Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества. 1780 – 1880 //Столетие Вятской губернии. 1780 – 1880: Сб. материалов к истории Вятского края. Т. II. – Вятка: Изд. Вят. губ. стат. комитета, 1881. – С. 389 – 489, 473 – 475: хлеб, торговля, ф-ки.

Лаврентьев К. География Вятской губернии: Курс родиноведения для гор. училищ. – Вятка, 1890. – 216 с.

С. 79 – 84, 97 – 98, 121 – 122, 124, 130 – 131, 147, 148, 161 – 162: торговля, ярмарки в губ., уездах, городах.

Луппов П. Исторический очерк Вятского края. – Вятка: Изд. Вят. науч. исслед. ин-та, 1930. – 48 с.

С. 12 – 15, 17, 31 – 33; фабрично-заводск. пром-сть, ремесла, торговля.

Наумов П. Материалы для истории торговли Вятской губернии. – Вятка, 1903. – 56 с.

Обухова Г. Крестьянство Удмуртии и его роль в формировании купечества края в XVIII в. //История, историография и источниковедение Удмуртии: Сб. статей. – Ижевск, 1992. – С. 20 – 35.

Обзор Вятской губернии... за 1870 – 1915 годы: (Прил. к Всеподдан. отчету вят. губернатора) – Вятка, 1871 – 1916. См. раздел: “Торговля”.

Очерки истории Кировской области /Науч. ред. А. В. ЭММАУСКИЙ, Е. И. КИРЮХИНА. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1972. – 455 с.

С. 58 – 60, 69 – 73, 84 – 88, 97 – 102, 132, 138 – 150, 186 – 190, 232, 250 – 252: развитие торговли, промыслов, промышленности Вят. губ. с 1916 по 1917 год.

Пинхенсон Д. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. – Л.: Изд-во “Мор. транспорт”, 1962. – 766 с.: ил. – /История открытия и освоения Северного мор. пути. Т. 2/.

С. 26, 133, 134, 137, 171, 316, 322, 341, 693: торг. связи Вят. губ. с Севером.

Преображенский А. Очерки колонизации Урала в XVII – начале XVIII вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 302 с.

С. 60, 87, 98, 150, 179: примеры о торговле в Вят. губ.

Романов Н. Краткие очерки уездов Вятской губернии. – Вятка, 1875. – 225 с.

С. 130 – 131, 147, 214 – 215: о хлеб. рынках Глазов. и Елабуж. уездов.

Спаский Н. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения. – Вятка, 1875. – 323 с.

С. 124 – 141: торговля и кредит.

Список наиболее крупных торговопромышленных фирм Вятской губернии //Календарь Вятской губернии на 1890 год. – Вятка: Изд. Вят. губ. стат. комитета, 1889. – С. 52 – 58.

Столетие Вятской губернии: Сб. материалов к истории Вят. края. В 2 т. Т. 1. – Вятка: Изд. Вят. губ. стат. комитета, 1880. – 497 с.: ил.

С. 62, 69, 74 – 75, 153 – 154, 173 – 181: торговля в Вят. губ.

Судовиков М. К характеристике торгово-предпринимательской деятельности вятского купечества в конце XVIII – начале XIX в. //Вятская земля в прошлом и настоящем: К 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова: Тезисы докладов и сообщений II науч. конференции. – Т. 1. – Киров, 1992. – С. 80 – 81.

Судовиков М., Коваленко В. Странички истории Вятской земли 1780 – 1850: Учеб. пособие /Рец. В. В. Низов. – Вятка, 1993. – 35 с.

С. 25 – 27: о торговле и ярмарке в Вят. губ.

Хрестоматия по истории Кировской области: Учеб. пособие. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982. – 192 с.

Из содерж.: 1767 г. Из “Наказа депутату от комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова”. О состоянии торговли Вятской губернии в 1864 году.

Эммаусский А. Вятская земля в период образования русского государства. – Киров: Обл. Гос. изд-во, 1949. – 37 с.

С. 17 – 19: о развитии торговли и промыслов на Вятке.

Эммаусский А. Очерк истории Вятской земли в XVI – начале XVII в. – Киров: Обл. Гос. изд-во, 1951. – 72 с.

С. 12 – 24, 49 – 55: экон. развитие Вят. земли, экон. и полит. вятского купечества.

Эммаусский А. Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. – Киров. Кн. изд-во, 1956. – 243 с.: ил.

С. 55 – 67: торговля Вятского края в XVII – XVIII вв. и формирование купеческого класса.

Эммаусский А. Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века... // Ученые записки КГПИ им. В. И. Ленина. Вып. 19. Кафедра истории СССР. – Киров, 1965. – С. 3 – 24.

Энциклопедия земли Вятской: В 10 т. Т. 1. Города /Обл. писат. орг. – Киров: Гос. изд.-полигр. предприятие “Вятка”, 1994. – 447 с.: ил.

С. 29, 70 – 77, 90 – 95, 118 – 130, 138 – 139, 144, 149, 156, 157, 196, 198, 200, 203 – 205, 220 – 221, 230 – 231, 239 – 240, 258 – 259, 267, 276 – 277, 287 – 288, 298 – 305, 313, 316 – 318, 325, 327 – 328, 330 – 332, 327, 338 – 339, 361 – 362, 372 – 373, 383 – 385, 398 – 401: пром-сть, торговля в гор. Вят. губ. (См. также: Т. 4. История; Т. 5. Архитектура; Т. 6. Знатные люди).

Города Кировской области: Краткая экономико-географ. характеристика. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968. – 320 с.: ил.

С. 47 – 52, 86 – 89, 92, 100, 102 – 103, 153 – 154, 163 – 164, 176 – 177, 183 – 184, 194 – 195, 204, 237 – 238, 255, 264 – 265, 273, 280, 292, 298 – 300: развитие торговли.

Юрьев В. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II: Очерк из истории гор. общ. упр. – Вятка: Изд. Вят. губ. стат. комитета, 1895. – 175 с.

В книге даются сведения о промыслах, купцах, торговле, ремесленниках г. Хлынова.

Судовиков М. Торговля в городе Вятке в конце XVIII – начале XIX в. // Вятская земля в прошлом и настоящем: К 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова: Тезисы докладов и сообщений II научн. конференции. Т. 1. – Киров, 1992. – С. 78 – 79.

История города Кирова. 1374 – 1974: Крат. очерк. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1974. – 336 с.: ил.

С. 32 – 33, 50 – 54, 84 – 86, 104 – 106, 139 – 140: экономика, торговля города.

Луппов П. История города Вятки. – Киров: Кн. изд-во, 1958. – 237 с.: ил.

С. 76 – 78, 100 – 105, 129 – 132, 172 – 177, 207 – 212: торговля в Хлынове – Вятке.

Лахман А. Основные занятия населения Вятки – Кирова // Энциклопедия земли Вятской: В 10-ти т. Т. 1. Города. – Киров, 1994. – С. 70 – 78. О торговле в г. Вятке.

Игумнова Г. Развитие торговли. Котельнич дореволюционный // Котельнич: Годы и люди /Сост. А. Д. Вылегжанин. – Котельнич, 1993. – С. 22 – 24, 29 – 33.

Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии. Т. 1. С 1570 по 1800 год. /Сост. И. Пономарев. – В.-Устюг, 1897. – 260 с.

С. 178, 179, 212 – 218, 227 – 228, 250, 254 – 255: о лальск. купцах, их деятельности.

Куроптев М. Слободской уезд Вятской губернии в географическом и экономическом отношениях. – Вятка: Губ. типография, 1881. – 224 с.

С. 96 – 105: торговля в уезде.

Промышленность и торговля слободы в XIX – начале XX вв. // Слобода Кукарка: Советск. 159 – 1994 г. – Советск, 1994. – С. 15 – 29.

Помещиков В., Карпов В. Уржум. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1987 – 111 с.: ил. – Города Кировской области.

С. 18 – 19: О торговле и промышленности Уржумск. уезда.

Купцы уржумские // Уржум. старина. – 1991. – Вып. 2. – С. 30.

Уржумская старина: Краевед. альманах. – 1991. – № 5. – 48 с.

Из содерж.: ПЕНТИН А. Лесные торги в Уржуме. Лесопромышленник Г. Н. Бушков. Вывозили из уезда. ПЕНТИНА Н. Уржумский купец С. Д. Шамов.

Кутюков М. Яранск. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984 – 128 с.: ил. / Города Киров. обл./ С. 20 – 24: сведения о торговле, купцах города.

Шишкин И. История города Елабуги. – Репринт. воспроизв. изд. 1871 г. М., 1871. – 53 с. / Елабуж. ист.-архит. и худож. музей-заповедник и Фонд им. Стахеевых/.

С. 44 – 45: о торговле елабужск. купечества.

Замятин Г. Ксенофонт Алексеевич Анфилов: Очерк его жизни и деятельности. – СПб, 1910. – 275 с.: табл.

Замятин Г. Исторический очерк возникновения в гор. Слободском общественного Анфилового банка (по поводу юбилея банка). – Юрьев-Дерп., 1909. – 57 с.

Россия и США: Становление отношений. 1765 – 1815. – М.: Наука, 1980. – 752 с.: ил.

С. 12, 277 – 278, 280, 287, 358: дан материал о слобод. купце К. А. Анфилове. Приводится указ Александра I Н. П. Румянцеву и письмо К. А. Анфилова Н. П. Румянцеву.

Чекуров М. Загадочные экспедиции. – М.: Мысль, 1984 – 159 с.: ил.

С. 80 – 91: Американская неготиация вятского купца.

Васильев М. История Вятской гимназии за сто лет ее существования. – Вятка, 1911. – 132 с.: ил., 6 л. портр.

С. 292 – 293: Т. Ф. Булычев.

Егор Булычев и другие: Материалы и исследования /Под общ. ред. Б. А. БЯЛИНА. – М.: Всерос. театр. о-во, 1970. – 363 с.

С. 104 – 114: о вят. купце, парходчике Т. Ф. Булычеве.

Никитина И. По следам героев М. Горького: Нижегород. комм. к произведениям писателя. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1981. – 191 с.: ил.

С. 64 – 74, 86: о Т. Ф. Булычеве.

Клепиков К. Сборник статей вятского сторожила. Вып. 1. – Вятка, 1899. – 19 с. – Торговля в Вятке, вят. купечество в 1830 – 1890-х годах.

Клепиков К. Воспоминания вятского сторожила. Вып. 2. – Вятка, 1899. – 14 с.

Клепиков К. Заметки и впечатления сторожила. Вып. 3. – Вятка, 1900. – 14 с. – Воспоминания о вятских купцах.

Клепиков К. Воспоминания вятского сторожила. Вып. 4. – Вятка, 1901. – 9 с. – Торговля Вятки с заграничными купцами.

Верецагин А. Купчина гостиной сотни Спиридон Лянгусов //Труды Вят. учен. архив. комиссии. – 1905. – Вып. 5 – 6. – С. 232 – 237 /отд. 3/. – О хлынов. купце, водил в Китай караваны с Государевой меновой казной в 1694–1699 гг.

Ратьков-Рожнов В. Выдающийся благотворитель г. Вятки Яков Алексеевич Прозоров. – Вятка, 1896. – 11 с.

Судовиков М. Торгово-предпринимательская деятельность вятских купцов Машковцевых в конце XVIII – начале XIX века //Российское купечество от средних веков к новому времени: Тезисы докладов науч. конференции. – М., 1993. – С. 83 – 86.

Спицын А. История рода Рязанцевых. – Вятка, 1884. – 46 с.

Здравствуй, Елабуга. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. – 263 с.: ил. С. 39 – 45: Рай для богачей – о торг. доме “И. Г. Стахеев и сыновья”.

Китанина Т. Военно-инфляционные концерны в России 1914 – 1917 гг. Концерн Путилова-Стахеева-Баталина. – Л.: Изд-во “Наука”, 1969. – 180 с. История фирмы И. И. Стахеева.

Китанина Т. Хлебная торговля в России в 1875 – 1914 гг. (Очерки правительств. политики). Под ред. С. И. Потолова. – Л.: Наука, 1978. – 287 с. – АН СССР. Ин-т истории СССР. С. 25, 51, 55, 152 – 154, 156: о деятельности торговой фирмы И. Стахеева.

Магницкий В. Иван Васильевич Шишкин, гражданин гор. Елабуги. — Вятка: Изд. Вят. губ. стат. комитета, 1893. — 15 с.

Шишкин Иван Васильевич. 1792 — 1872 г.: Елабужский гражданин / Сост. Н. И. Эттих. — Елабуга, б. г. — 1 л. слож. в 6 с.: ил.

Бобкова С. Шишкины [История Елабуж. купеч. рода]. — Елабуга, б. г. — 11 с.: ил.

Более подробная информация о литературе по истории торговли и купечества включена в библиографический указатель по этой теме, готовящийся к печати в Кировской областной научной библиотеке имени А. И. Герцена.

Составитель списка Т. Д. Скальная

История купечества России в литературе последних лет

Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988.

Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993.

Аронов А. А. Золотой век русского меценатства. М., 1995.

Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб, 1998.

Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII – XIX в.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.

Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.

Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992.

Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 г. М., 1994.

Бурышкин П. А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991.

Демкин А. В. Русское купечество XVII – XVIII вв.: Города Верхневолжья. М., 1990.

Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1, 2. М., 1994.

Демкин А. В. Внешняя торговля России XVII – XVIII вв. Западное и Северо-Западное направления. Очерки. М., 1995.

Демкин А. В. Купечество в России. XVIII в. Формирование городских купеческих сообществ и торгово-промышленный отход. Очерки. М., 1996.

Демкин А. В. Внешняя торговля России через Петербургский порт. 1764 год. Ведомость об экспорте российских товаров. М., 1996.

Демкин А. В. Внешняя торговля России через Петербургский порт. 1764 год. Ведомость об импорте иностранных товаров. М., 1996.

Думова Н. Г. Московские меценаты. М., 1992.

Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.

Кузьмичев А. Д., Петров Р. Р. Русские миллионщики: Семейные хроники. М., 1993.

Кузьмичев А. Д. Шапкин И. Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М., 1995.

Купечество в России. XV – первая половина XIX века. Сборник статей в честь профессора А. А. Преображенского. М., 1997.

Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996.

Морозов С. Т. Дед умер молодым: Документальная повесть. М., 1992.

Морозова Т. П., Поткина И. В. Савва Морозов. М., 1998.

Петров Ю. А. Москва купеческая на рубеже XIX – XX веков //Отечественная история. 1996. № 2. С. 3 – 13.

Петров Ю. А. Династия Рябушинских. М., 1997.

Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. Иллюстрационный биографический словарь. М., 1997.

Поткина И. В. Деловая Москва: Очерки по истории предпринимательства. М., 1997.

Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997.

Преображенский А. А., Перхавко В. Б. Купечество Руси. IX – XVII века. Екатеринбург, 1997.

Российское купечество от средних веков к новому времени. Тезисы докладов. М., 1993.

Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

Русский торгово-промышленный мир. Фотокнига. Сост. П. А. Примаченко. М., 1993.

Торговля и предпринимательство в феодальной России. К юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой. М., 1994.

1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. Сост. О. А. Платонов. М., 1995.

Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20 – 60-е годы XVIII века). М., 1994.

Составитель списка М. С. Судовиков

Игорь ТМЫЗИН:

**“К хорошему делу надо
относиться хорошо”.**

Кабинет Игоря Витальевича Гмызина, председателя совета директоров АООТ “Севзаппромторг” выглядит нетрадиционно — на низком широком столе сияет радуга дымковской игрушки, ее много, как и положено, чтобы возникало радужное свечение. В углу большой аквариум. Это все настроило на некий особый лад разговора — не столько о сегодняшних проблемах, сколько о связи времен, преемственности поколений деловых людей нашего города. К тому же Игорь Гмызин — “рак” по знаку зодиака. Я отношусь к этим зодиакальным гаданиям юмористически, но то, что “раки” имеют склонность к истории, любят старину, что именно через людей, рожденных в июле, проходит ниточка связи прошлого с будущим — знаю по собственному опыту. Говорят также, что “раки” добры, чувствительны, склонны к занятиям искусством — и это подтвердилось в ходе нашей беседы. Но начали мы с главного в жизни всякого мужчины — с его работы.

— Игорь Витальевич, вы — купец?

— Я думаю, само понятие купечества в наше время изменилось в связи с тем, что изменилось само общество. Раньше купец что делал? Он торговал.

— Это не совсем так. Мы своей книгой как раз и хотим показать, что наше всеобщее представление о купце как о человеке только торговом не совсем верно, однобоко. Русская промышленность в большой степени создавалась и развивалась, благодаря купцам. И транспортные сети — железнодорожная, речная — создавались и совершенствовались тоже на купеческие деньги. А уж о благотворительности и не говорим! Вот в этом смысле слова вы можете себя назвать купцом?

— В этом смысле да, могу назвать себя купцом. Просто раньше не было слова “предприниматель”, такой класс ведь в России в начале века только еще формировался. И те, кто строил заводы и фабрики, кто развивал промышленное производство, назывались купцами, хотя по сути дела они уже были деятелями индустрии. Наша фирма объединяет несколько предприятий, которые сотрудничают с заводами, леспромхозами, строительными организациями. Мы занимаемся обеспечением сырьем и сбытом готовой продукции. Мы являемся участниками технологической цепочки производства определенной продукции промышленного назначения. Наша деятельность целиком подчинена процессу производства. На наши плечи легла работа развалившихся отделов снабжения и сбыта.

— Скажите, как по вашему мнению, какое место сегодня занимают в нашей жизни современные купцы? Значима ли их деятельность? Существенна ли она?

— Безусловно существенна. А значимость — как ее определить? Кто ее определяет? Ведь этот слой общества еще не сформировался окончательно. Причем, степень сформированности зависит от многого, в том числе и от места действия. В столичных городах этот слой уже в значительной степени сложился, определился, до нас это пока не дошло. В характере провинциалов есть некоторая заторможенность, с этим приходится считаться. Через несколько лет и до нас дойдут столичные веяния. Многое зависит и от

местных власть предержащих руководителей – важно, чтобы у них было современное, передовое мышление. Многие же еще живут старыми понятиями, они ценят только то, что ценилось раньше – вот крупный завод, вот его директор: это привычно, знакомо, А эти все новые организации, структуры – кто их знает, что это такое! Но ведь работают-то как раз сегодня именно новые структуры. А к ним отношение настороженное. В тех областях, где чиновники мыслят трезво, не боятся нового, там и положение значительно лучше, и промышленность работает, и областные бюджеты наполняются. Там уже можно говорить и о формировании слоя промышленников.

– Сегодня уже можно говорить, что ваш слой должен решать, кто будет возглавлять властные структуры на местах? Не будем называть вас купцами – это слово все-таки уже ушло в прошлое. Мне нравится слово предприниматель – это предприимчивый, деятельный, действующий человек. Так вот, не считаете ли вы, что именно предприниматели в скором будущем будут иметь решающий голос в определении стратегии и тактики местного руководства?

– Я не отношу себя ни к какому слою. Ведь раньше класс купечества был организован на уровне государства. Купец первой гильдии – ведь это звание присваивалось, оно фиксировалось в документах. Так же, как воинское звание или разряд государственного чиновника. Верно? Сегодня и воинские звания, и разряды государственных служащих существуют. Положение предпринимателя никем не определяется, а ведь их много, и они составляют как бы промежуточный слой людей нашего общества. Поэтому здесь все определяется личностью человека, его моральными и деловыми установками. Объединить людей – задача очень важная. И такие попытки делаются: пробуют создать и советы предпринимателей, и комитеты, и даже министерство. Но пока ничего не выходит. Поэтому и говорить о возможности формировать государственную политику пока невозможно, говорить о решающем влиянии на выборах тоже нельзя – нет сообщества для такого влияния. Мы все разъединены, каждый сам по себе.

– Не в этом ли причина того, что к людям вашей сферы деятельности у властей, да и не только у властей, но и в обществе отношение несколько настороженное, как к людям корыстным, ставящим во главу угла личную выгоду? Вы ощущаете к себе такое отношение?

– Народ формирует свое мнение не о слое общества, не о классе каком-то, мнение людей складывается из общения с конкретными людьми. Вот он видит коммерсанта, и оттого, хороший он или плохой, будет зависеть, как человек будет относиться ко всем коммерсантам. В этом, может быть, и беда наша сегодня. Общественное мнение строится на впечатлениях от мелких торговцев, рыночных спекулянтов. А те люди, которые сегодня занимаются настоящим делом, производством, кто сегодня занят приращением мощи и богатства государства нашего – они в тени, их не видно и не слышно.

— А почему их нигде не видно? Мне кажется, это тоже важная задача — создать в обществе такую атмосферу, чтобы к власти наконец пришли люди деятельные, знающие, как строить стратегию развития и процветания. Не хозяин — барин, а хозяин — стратег, умеющий помогать деловым людям, поддерживать любые здравые начинания. Я знаю, что среди предпринимателей немало людей, которые помогают культуре, искусству в нашей области, много и таких, кто хотел бы помогать. Но не по ним создается общественное мнение. Почему? Мало информации? Или вы сами стараетесь по каким-то причинам оставаться в тени?

— Я думаю, что начало благотворительной деятельности еще тогда, когда зажиточные люди только проявлялись в нашем обществе, было не совсем корректным. Помните, тогда появилось много спонсоров — я не люблю это слово! — это люди, старавшиеся и от благотворительности поиметь какую-то выгоду: моральную ли, рекламную ли, финансовую. И это сразу закрепилось в мнении общества. Теперь переломить это впечатление, доказать, что есть люди, которые готовы помогать культуре и искусству бескорыстно, очень трудно. К сожалению, бескорыстных помощников меньшинство — давайте это признаем честно. Но они есть!

— Их и раньше было меньшинство, если говорить о всем классе предпринимателей. Крупных меценатов мы знаем по именам и можем перечислить на пальцах рук — Мамонтовы, Третьяковы, Морозовы и пр.

Менее известны имена местных благотворителей, к сожалению. Долгое время нельзя было даже упоминать о благотворительной деятельности вятских купцов, об их помощи, например, театру, художественному и краеведческому музеям, библиотекам. Мне кажется, еще и это воздействует сегодня на общественное мнение — устойчиво сформированный образ купца-самодура, безграмотного, тупого человека, жадующего только денег.

— Мнение складывается и сегодня из отзывов людей авторитетных — тех, кто у власти, тех, кто работает в средствах массовой информации. Одни говорят так, другие — иначе. И все это все-таки из-за того, что предпринимательская деятельность у нас только еще организуется, мы еще в начале пути. Сколько лет назад это началось? Всего пять лет. Должно пройти еще не менее десяти лет, чтобы все устоялось, я так думаю. И тогда будет ясно, кто чего стоит, кто для чего работает.

— Лично для себя вы уже точно определили сферу приложения сил в этой сфере, в благотворительности? Впервые фамилию Игоря Гмызина я услышала в Кировском художественном музее имени братьев Васнецовых, когда вы подарили музею картину Аполлинария Васнецова “Найденовский парк в Москве”? Потом я много раз была свидетелем совместной вашей работы с музеем. Для вас это случайный выбор? По личной симпатии? Или по каким-то другим причинам?

— Сначала, конечно, по личной симпатии. С музеем мы начали сотрудничать года три тому назад. До этого было, вероятно, около тридцати орга-

низаций, которым мы помогали деньгами, и немалыми деньгами. Но мы ведь не банкиры, нам деньги достаются большими трудами! И постепенно этот список стал сужаться. В этом сыграло свою роль и, как мы уже говорили, отсутствие поддерживающего общественного мнения. Иногда поневоле приходишь к мысли, а зачем мне это все надо? Люди берут деньги, говорят “спасибо”, и сразу же забывают о тебе. И выходит, что тот же деятель культуры – я ничего плохого обо всех сказать не хочу! – иногда преследует только свою корыстную цель. И преследует весьма упорно. А когда ему не дашь денег (у нас тоже бывают разные обстоятельства, бывает, что и нет денег сейчас), то недовольство выражается так активно, так громко, что вот вам и влияние на общественное мнение! А я ведь – не дойная корова. И с другой стороны, если тратишь на благотворительность – вполне бескорыстно! – довольно большие деньги, то опять на тебя начинают смотреть подозрительно: народ бедствует, а он такие деньжищи бросает, значит – сноб, хочет показать свое превосходство. Вот тут и крутись. Я думаю, пока еще не настало время настоящей благотворительности. Мы пока еще не нужны.

– Это, видимо, в характере русского человека – подозрительно относиться к богатству. У нас искони считалось, что деньги человека портят.

– Запад тут идет впереди нас. Я хорошо знаю положение дел в Америке, бывал там не раз, у меня там много друзей, и сюда приезжало немало людей. На протяжении пяти лет мы с ними очень плотно общаемся. Там это не называется благотворительностью, там говорят: пожертвования. Огромную роль в том, что люди хорошо относятся к жертвованиям, ко всякого рода помощи, сыграла церковь. В Америке на первом месте не деньги. Деньги на втором месте, а на первом – Бог. Там даже на деньгах написано: Бог с нами. И там это воспитывается в человеке с детства.

– Меня очень удивляет в современных деловых людях равнодушие к собственному будущему, словно нет у них детей, никогда не будет внуков. Ведь у русских всегда была развита гордость своими предками, своим родом. Правда 80 лет нам внушали, что государство важнее личности, но, слава Богу, не до конца вытравили стремление знать и чтить своих предков. И сейчас в архивах сидит все больше людей, которые составляют свои родословия, занимаются восстановлением генеалогического древа, изучают истории родных деревень и сел. Это естественно для человека – понимать, откуда он пришел именно такой, что в нем ценного от предков. И с этой точки зрения мне мало понятны люди, пропивающие, проедающие, прогуливающие то, что могло бы составить богатство не только сегодня, но и завтра для детей, послезавтра для внуков. Богатство не в смысле – деньги (это не всегда надежно), а то самое богатство доброго имени, высокого престижа фирмы, марки, дела.

– Да, разумеется, важнее жить для будущего, но ведь это надо понять,

прочувствовать. А сегодня, к сожалению, большинство – начиная с рабочего и кончая артистами и министрами – живут только сегодняшним днем. Я строю большой дом. Все недоумевают: зачем тебе такой большой дом? А я хочу чтобы у меня была большая семья, и чтобы все жили вместе – и дети, и их дети. Можно конечно купить одному квартиру, другому квартиру, всех расселить. А семья-то где?

– У вас есть дети?

– Есть дочь.

– Одна?

– Надеюсь, что будут и еще.

– Что из сделанного вами останется детям? Что вы будете с гордостью показывать своим наследникам?

– Я надеюсь, что жизнь у меня впереди долгая, и я сделаю что-то существенное, чем можно будет и гордиться.

– А сейчас? Я все подвожу разговор к собранию живописи, рисунков и скульптуры, которую вы приобрели у наследников известных вятских коллекционеров Юферевых. Какова ее судьба?

– Судьба ее, увы, пока не определена. Это как раз то, о чем мы уже говорили. Общественное мнение относится к факту покупки только с точки зрения денег. Но ведь надо было потратить и силы, и время, и знания, и желание на то, чтобы найти средства, купить, отреставрировать. А теперь, когда это все сделано, идут разговоры о том, что в наше бедное время, когда люди голодают, взять и подарить такую коллекцию музею – это снобизм, это неэтично.

– Не понимаю. Выходит, лучше было ничего не покупать, не реставрировать, пусть пропадает, что ли? Раз у нас такое бедное время?

– У нас сейчас считается, что быть бедным – это хорошо, бедность, нищета возводятся в ранг добродетели. Заметьте, если кто-то зарабатывает достаточно, тот подозрителен. Радоваться бы, что все больше людей начинают выползать из нищеты, а у нас только жалуются и стонут.

– Я попрошу ситуацию с коллекцией Юферевых прокомментировать сотрудника музея Любовь Борисовну Горюнову.

Научный сотрудник Кировского художественного музея имени Виктора и Аполлинария Васнецовых Любовь Борисовна Горюнова рассказала:

– В наше время, к сожалению, бытует мнение, что искусство никому не нужно – живем, мол, трудно. Но ведь еще в глубокой древности люди знали важную истину, которая вошла и в Евангелие: “Не хлебом единым будет жив человек”. Хорошо, что стали появляться деловые люди, понимающие великую роль искусства в формировании души человека. На протяжении нескольких лет наш музей сотрудничает с акционерным обществом “Севзаппромторг” и его генеральным директором И.В.Гмызиным. Мы приступили к осуществлению большого совместного проекта по приобретению художественной коллекции знаменитого вятского собирателя А.П.Юферева.

Уникальность ее в том, что она представляет собой целый пласт вятской культуры, связанный с различными историческими периодами, с судьбами самых разных людей. Работа предстоит очень большая – нужно будет и реставрировать картины, некоторые требуют сложной реставрации в Москве. Надеемся, что коллекция позволит и открыть новые имена вятских художников, и пополнить наши знания о творчестве уже известных мастеров. Хотелось бы, чтобы у Игоря Витальевича Гмызина не остыло желание продолжать это плодотворное сотрудничество, чтобы нашлись деньги на приобретение остальной части юферевского собрания. Тот день, когда музей пригласит зрителей на выставку вновь приобретенных произведений, станет большим праздником для любителей искусства не только нашего города, но и всей России. Конечно, люди, стоящие у руля власти, не должны остаться равнодушными к судьбе уникального собрания. Не многие области в нашей стране, да, пожалуй, и в мире, могут порадовать своих жителей приобретением такой обширной, содержательной, такой ценной коллекции.

– Надеюсь, что такие вот неожиданные осложнения с собранием вятских художников не охладят вашего желания помогать культуре. Есть ли у вас еще какие-то намерения в этом направлении?

– Мне всегда было обидно смотреть на то, как рушатся дома, церкви, построенные нашими предками. Есть у нас, например, комплекс храмов в селе Великорецком. Я – человек вятский, люблю свою землю, хочу ей гордиться. И село Великорецкое – это как раз то, чем мы можем гордиться перед всей Россией. Но там все гибнет, уходит даже вода из святого источника. Конечно, надо строить и новые церкви, но смотреть на то, как разрушается изумительный памятник прошлого, просто сердце не выдерживает. Ведь до сих пор в храме Николая-чудотворца овощехранилище! Местные власти не могут ничего сделать. Вот если бы чем-то помочь этому прекрасному месту!

– Вы откуда родом?

– Деревня Троица Подосиновского района, недалеко от Борка.

– Это красивейшие места! И места, богатые великолепными людьми!

– К сожалению, родители мои умерли, и сейчас там живут родственники, но давно я там не был.

– А после работы вы что любите делать?

– Я люблю лес, люблю охоту страстно. Дома у меня три собаки – две овчарки и лаечка молодая, это я специально для леса завел, в лес лучше ходить с собакой.

Без леса не могу, когда долго не бываю в лесу – даже болею.

– Игорь Витальевич, наша книга посвящена жизни и деятельности купцов, живших и работавших на Вятской земле с давних времен до рокового 17-го года, когда купечество было объявлено если не самым

главным врагом свободы, равенства и братства, то уж во всяком случае самым смешным, глупым и жадным представителем уничтожаемого прошлого. Серьезное и беспристрастное изучение нашей истории свидетельствует как раз об обратном – купцы были наиболее деятельным слоем нашего общества, именно они были главными благотворителями. На их капиталы существовала и медицина, и образование, и культура, и местное самоуправление. Особенно важна была деятельность купцов в нашем крае, в нашем городе – ведь у нас не было дворянства. Мы от всей души желаем вам если не по званию, то по сути стать продолжателем традиций вятского купечества. Пусть вам и в работе, и в делах благотворительных сопутствует удача!

Интервью взяла Тамара НИКОЛАЕВА.

29 июля 1998 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	5
------------------------	---

ОЧЕРКИ

В. К. Семибратов В величии любви и правды	9
М. С. Судовиков Машковцевы. Купцы и общественные деятели	15
Е. В. Березин Из истории купеческого флота	35
Т. К. Николаева Династия Громозовых. Антон Чехов и Николай Коробов	65
С. Н. Панькова Купцы Кардаковы: годы и судьбы	121
Т. В. Малышева Меценаты Клобуковы	131
В. А. Любимов Деловой мир старой Вятки. Словарь	139

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. Е. Завойская. Об имуществе купца Ивана Яковлевича Курочкина	160
Из воспоминаний вятского старожила К. И. Клепикова о заграничной торговле и благотворительной деятельности купцов Вятского края	166
Из книги О. М. Жирнова "Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк"	169
Ведомость о числе купцов Вятской губернии. 1870 г.	178
Письмо вятского губернатора А. Н. Волкова елабужскому купцу 1-й гильдии Д. И. Стахееву с сообщением о присвоении звания Почетный гражданин г. Елабуги. 23 июля 1884 г.	178
Яранские купцы Носовы	179
П. А. Бурыйшкин о купцах Ушковых	179
Из мемуаров А. А. Прозорова "Город Вятка и его обыватели" – о купце С. О. Якубовском	181

БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Д. Скальная. Из истории торговли и купечества
Вятской губернии. Библиографический список 186

История купечества России в литературе последних лет 193

ИНТЕРВЬЮ

Игорь Гмызин. К хорошему делу надо относиться хорошо 195

Вятское купечество
Исторический сборник
Тех. редактор *Шестакова О. Б.*

Лицензия ЛР № 010119 от 24.03.98 г.

Сдано в набор 2.03.99. Подписано к печати 6.04.99 . Формат 60х84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,09. Заказ 2545. Тираж 1000.

КОГУП Кировская областная типография.

610000, г. Киров, Динамовский пр., 4